

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ГОДОВЩИНА ЧЕРНОБЫЛЯ
- ОРУЖИЕ ИЗ СССР: ДЕШЕВО И СЕРДИТО
- ВЛАДЕЛЕЦ ОБЩЕНАРОДНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- МЫ ЛЮДИ РАБОЧИЕ, НА КОЙ НАМ ПЕРЕСТРОЙКА?
- ОТКРЫЛАСЬ ПОЛЫНЯ, ТЮЛЕНИ ВЫСУНУЛИСЬ ПОДЫШАТЬ
- РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ИЗ ОРГАНОВ О ПОЭЗИИ
- ПОЖАЛУЙТЕ ДОМОЙ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО
- ДУЭТ ГЕРИНГА И ДИМИТРОВА
- ВИКТОР ЛУИ ВТОРОЙ
- АМЕРИКАНСКИЙ ФЕРМЕР — СЕЯТЕЛЬ И ХРАНИТЕЛЬ
- ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИСЛАМ
- МЫ, МУСУЛЬМАНЕ
- НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТ
- АМЕРИКАНЕЦ ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Крониды Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
Год после Чернобыля	12
<i>В. Сойфер.</i> Гибельное наследие Чернобыля	13
"Голосуем за пересмотр программ по ядерной энергетике!"	15
<i>Б. Комаров.</i> Где-то неподалеку от советской атомной бомбы	17
Вести из СССР	20
<i>Р. Бахтамов.</i> Баллада о псевдонимах	25
<i>Артур Кестлер.</i> Игра в жмурки	37
<i>В. Новодворская.</i> Письмо до востребования	44
<i>А. Мясников.</i> Либо бюрократия — либо демократия	46
<i>И. Карнов.</i> Творческие планы	49
<i>А. П.</i> Поживем — увидим	51
Голоса из Советского Союза	58
<i>О. Баталин.</i> Записки блудного сына	62
<i>М. Дейч.</i> Неудавшееся интервью	66
Ислам в стране и в мире	70
<i>Ш. Лемерсье-Кюлькюже.</i> От племени к умме	71
<i>С. Уимбуш.</i> Бой с исламом	77
<i>М. Ривкин.</i> "Стирание граней"	82
<i>Имам Рухолла Хомейни.</i> Разрешение вопросов	89
<i>Т. Ант.</i> Загадочная восточная душа	93
<i>Л. Рудкевич.</i> Зеленая революция: несбывшиеся надежды	100
<i>Г. Буяновский.</i> Бремя изобилия	105
<i>Б. Комаров.</i> Великие озера — российские и американские	115
<i>Б. Парамонов.</i> Американец Розанов	123
<i>С. Черток.</i> Нью-Йорк доснимем в Одессе	128
<i>В. Войнович.</i> Как я писал гимн советских космонавтов	138
Письмо в редакцию	144

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514; telex 5218017 unbt d.

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

СТРАНА И МИР

IV год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

КАК ОНИ ВЫПОЛНЯЮТ СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ?

Наполеон называл воинскую повинность "источником жизненного духа нации". Лиддел Гарт, крупнейший теоретик военного дела, считал ее "раком цивилизации". Однако, как бы ни относиться к ней, большинство государств используют систему воинской повинности для пополнения рядов своих армий. Граждане этих государств принимают ее как неизбежное зло.

В Советском Союзе и во всех странах Варшавского договора существует всеобщая воинская повинность, которую пропаганда пытается представить вовсе не как зло, пусть и неизбежное, а напротив, как священный долг и особую честь. В странах НАТО армия вовсе не окружена официальным ореолом почтения, как бы ни пыталась советская пресса расписывать существующий там "милитаристский и реваншистский угар". Тем не менее армии есть почти во всех странах НАТО (исключение — Исландия, страна без армии), и их состав надо периодически обновлять. Как это происходит "у них"?

В США, Канаде, Великобритании и Люксембурге армия набирается из добровольцев. Вербовщики всячески стараются привлечь молодых лю-

дей на военную службу. Чем? Высокой оплатой: в Великобритании, например, самая низкая солдатская ставка составляет 440 фунтов (около 740 долларов) в месяц. Возможностью быстро и бесплатно получить ходовую специальность. Романтикой службы (излюбленный лозунг американских вербовочных пунктов: "вступайте в ряды морской пехоты, и вы увидите мир").

Во всех прочих европейских странах НАТО используется система всеобщей воинской повинности. В надлежащем возрасте (обычно 19 лет) молодой человек получает повестку призывника. Какова длительность отбывания этой повинности? В разных странах она различна, различна она и по видам вооруженных сил, и по месту службы (бельгийцы и голландцы, например, служат в частях, размещенных на территории ФРГ, меньше, чем в своей собственной стране).

В приводимой таблице даны сроки воинской службы в разных странах НАТО (и для сравнения в двух нейтральных странах — в Швеции и Швейцарии). В таблице приведена также длительность нахождения в резерве. (См. стр. 2)

Как проводится отбор призывников? В Дании, Испании и Португалии — по жребию из состава призывного возраста. Это единственный справедливый и беспристрастный способ призыва. В прочих странах теоретически весь призывной возраст должен пройти службу, но практически этого никогда не бывает. Размеры вооруженных сил ограничены законом или административными установлениями, и военные власти по той или иной более или менее справедливой системе заполняют их ряды из состава призывного контингента. Конечно, при таком отборе всегда воз-

	Срок службы	Срок нахождения в резерве
ФРГ	15 мес.	миним. 12 мес.
Франция	12 мес.	до 35 лет
Италия	12 мес. в армии и ВВС, 18 мес. в ВМС	до 45 лет
Бельгия	10 мес. в Бельгии, 8 мес. в ФРГ	8 лет
Голландия	10 мес. в Голланд., 8 мес. в ФРГ	8–15 лет, в зависимости от типа части
Дания	12 мес. в пехоте инженерных и бронетанк. частях, 9 мес. в прочих	до 50 лет
Норвегия	12 мес. в армии, 15 мес. в ВМС и ВВС	до 44 лет
Испания	12 мес.	до 34 лет
Португалия	16 мес. в армии, 24 мес. в ВМС и ВВС	до 45 лет
Швеция	15 мес.	до 47 лет
Швейцария	17 недель основного обучения	ежегодный призыв на сборы до 50 лет

можно несправедливость. Смышленные и образованные имеют больше шансов быть призванными, чем неотесанные увальни.

В большинстве стран существует система освобождения от воинской повинности или отсрочки призыва для определенных категорий мужчин: отцов семейств, студентов университетов, квалифицированных рабочих ряда специальностей. Широко распространено также уклонение от службы в армии по убеждениям – религиозным или пацифистским.

Почти все страны НАТО с уважением относятся к таким "отказчикам совести", и почти все они сталкиваются с злоупотреблениями такой мотивировкой. В ФРГ, где отношение к "отказчикам" наиболее либерально, молодые люди все чаще и чаще прибегают к прикритию якобы существующих убеждений, чтобы избежать неудобств 15-месячной службы. Недавно правила для таких "отказчиков" были в ФРГ устрожены, но особого воздействия это не оказало.

Единственный путь борьбы со злоупотреблениями – это предоставление "отказчикам совести" возможности отбывать повинность на какой-либо тяжелой или неприятной мирной работе: в больницах, инвалидных или старческих домах, на опасном производстве. Трудно, правда, найти достаточное количество таких рабочих мест. Молодым датчанам, например, в качестве альтернативы вместо года службы в армии предоставляется возможность отработать 26 мес. в Восточной Африке по программе помощи.

В военное время "отказчиков" направляют на какую-либо небоювую службу: например, во время обеих мировых войн американские "отказчики" служили водителями санитарных машин. Число убитых и раненых среди этой категории военнослужащих было очень высоко.

Молодые люди нередко с неприязнью относятся к воинской службе, считая ее пустой тратой времени, скучной и однообразной работой. В этом немалая доля правды, хотя для современной армии, обладающей передовой техникой, это справедливо в существенно меньшей мере, чем много лет назад. Многие призывники ворчат во время службы, но позднее благодарны армии за приобретенную там полезную специальность.

Однако, невзирая на все связанные с нею проблемы, воинская повинность применяется в странах Запада довольно широко. Одна из главных причин этого – финансовая. Лишь в нейтральных Швеции и Швейцарии, а из стран НАТО – в Испании и Португалии кадровые военные получают такое же жалование, как и призывники. В прочих странах кадровым офицерам и солдатам платят гораздо больше. Во Франции, например, солдат, соглашающийся подписать контракт на трехлетнюю службу, получает 1316 франков в месяц (около 220 долларов). Солдат же, призванный по повинности на 12 мес., получает всего 435 франков (чуть больше 70 долларов). И то и другое – не слишком много, если сравнить, например, со ставками британских военнослужащих (о советских солдатских рублях мы здесь не говорим, – предполагается, что советские солдаты получают зато моральное удовлетворение, выполняя "интернациональный долг"). Однако Франция, призывая ежегодно 250 тысяч человек, экономит на разнице более 440 миллионов долларов.

Действительная экономика, однако, еще больше. Французские вооруженные силы много больше английских. Население обеих стран примерно одинаково, но во Франции служит каждый 99-й, а в Великобритании – каждый 173-й. Чтобы набрать французскую армию полностью из добровольцев, пришлось бы установить гораздо большие ставки, чем сейчас. Экономисты оценивают, что это обошлось бы дополнительно в 2 миллиарда долларов.

Есть и другие мотивы, заставляющие государства придерживаться воинской повинности. В Турции большие призывы используются для снижения безработицы и повышения образовательного уровня населения. В Голландии или Норвегии считают, что система добровольцев несправедлива, ибо возлагает тяжелый армейский труд на плечи беднейших слоев населения: лишь все-

общая повинность справедлива и демократична. Во Франции существует глубокое недоверие к профессиональным военным, особенно после того, как добровольческий Иностраннный легион пытался в 1961 г. повернуть оружие против правительства.

На другом полюсе находится Великобритания с ее небольшой профессиональной армией, уходящей корнями в классовую систему страны, армией, ставшей частью национальной традиции.

Одним из преимуществ добровольческой системы считается снижение расходов на обучение: добровольцы остаются на службе дольше, так что "коэффициент полезного действия" их обучения оказывается выше. Это верно, но значение этого фактора часто преувеличивается. При системе воинской повинности создается гораздо лучший корпус резервистов. Солдаты, покидающие армию по истечении срока службы, обучены так же хорошо, как и солдаты регулярной армии. Они сохраняют свои навыки еще в течение 2–3 лет. ФРГ, например, имеет около 850 тыс. хороших резервистов, которые могут быть бы-

стро мобилизованы в случае кризиса. В странах, где существует добровольческая система, с резервистами хуже. И сами армии меньше (ибо обходятся дороже), и количество увольняемых ежегодно в запас тоже, соответственно, меньше.

Расхожее мнение, что добровольцы – лучшие солдаты, чем призванные по повинности, также вызывает сомнение. Первые годы после 1973 г., когда в США была отменена всеобщая воинская повинность, – худшие в истории американской армии. Именно в это время зарегистрированы массовые отказы выполнять приказ, которые в другое время можно было бы расценить как мятеж. Верно, что армия американских призывников проиграла вьетнамскую войну. Но то же случилось с французской добровольческой армией в Алжире. Когда идет бой, дело решает не система призыва, а оснащение, обучение, руководство армии и, разумеется, ее моральный дух. Советская армия за 4 года разгромила германский вермахт и 7 лет ничего не может поделать с малообразованными афганскими муджахиддинами. ●

ПОЛЬСКАЯ ОППОЗИЦИЯ О СОБЫТИЯХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

События в СССР – главная тема на страницах польской оппозиционной печати. Советские газеты и журналы – как центральные, так и республиканские – легко доступны в Польше. Используя скудные знания русского языка, приобретенные еще в школе, журналисты вдумчиво и регулярно читают советские газеты. В оппозиционных изданиях можно встретить цитаты не только из центральной "Правды", но и из "Казахстанской правды" или "Туркменской искры". Такого еще не было над Вислой. Наоборот, было время, когда польские издания пользовались в Советском Союзе большой популярностью, ибо в Польше всегда было больше свободы слова, чем в СССР.

Действительно, поляки могут позволить себе в большей степени критиковать недостатки системы. Кроме того, в Польше значительно шире база информации, в том числе статистической, которую может использовать публицист. Однако по части критики высокопоставленных партий-

ных администраторов польская пресса ныне, можно сказать, отстает.

Так или иначе, советскую прессу читают, особенно представители оппозиции. Читатель подпольных изданий имеет обширную информацию о Советском Союзе. Эта информация значительно богаче, чем официальная.

По-видимому, группа Ярузельского поддерживает нынешнюю политику Горбачева и связывает с ней конкретные надежды, особенно в деле экономических реформ. Хотя коммунистическая система в Польше значительно отличается от ортодоксальной формы коммунизма в других странах советского блока, народ все же живет в удушливой атмосфере. Ярузельскому, разумеется, об этом известно, и он, вероятно, хотел бы исправить положение. Его нынешние реформы направлены на некоторое расширение свободы с одновременным сохранением руководящей роли ПОРП. Горбачев делает у себя дома то же самое, и неудивительно, что Ярузельский всецело поддерживает политику советского руководителя. Но перестройка в СССР чревата для польского режима опасностями. Руководство может получить большую свободу маневра, но восточный ветер способен раздуть надежды поляков на обретение позиций, потерянных 13 декабря 1981 г. Возможно, именно по этой причине официальная пресса не злоупотребляет темой перестройки в Советском Союзе. Несомненно, это происходит по указанию высшего партийного руководства.

Польская оппозиция отнеслась к горбачевской кампании гласности и к перестройке с подозрением. Оппозиция не верит в глубокие перемены в Советском Союзе. Хотя происходящие изменения и положительны, заметного влияния на ситуацию в Польше и других странах советского блока они не окажут. Для польского наблюдателя это и есть самый главный аспект.

В февральском номере подпольного журнала "КОС" опубликована статья Давида Варшавского (псевдоним известного польского публициста, который начал писать после подавления "Солидарности"). В статье "Ревизионист у власти", написанной сразу же после пленума ЦК КПСС, автор выражает мнение, что рано или поздно советская партийная номенклатура все же придет к компромиссу. Из выступлений Горбачева видно, пишет автор, что нынешний руководитель пошел дальше Хрущева. Он критикует не личности, а систему. Этим он навлекает на себя недовольство номенклатуры. Читатели "Правды" сохраняют номер газеты с выступлением Горбачева на пленуме, как они в свое время в 1976 г. сохранили номер, в котором опубликован текст Заключительного акта Хельсинкского совещания. Как и Заключительный акт, речь Горбачева может служить основанием для новых требований диссидентов. Не нужно быть пророком, пишет Варшавский, чтобы предвидеть оживление диссидентского движения в СССР, а также реакцию на него номенклатуры, которая уже однажды справилась с одним "волонтаристом". В ближайшие месяцы, по мнению Варшавского, мы станем свидетелями важных политических событий в Советском Союзе. И хотя на реформы Горбачева не следует возлагать слишком больших надежд, они все же повлияют на ход событий в Польше. Влияние это не обязательно будет положительным, ибо поражение Горбачева может только закрепить прежнее положение. Но и в случае успеха внутренняя либерализация в СССР на окраинах империи может сопровождаться очередными заморозками. Но это дело будущего. А пока что следует сохранить номер газеты с речью Горбачева.

Лично я не верю, что номер газеты с речью Горбачева имеет какое-то особое значение. Я не разделяю также точки зрения Варшавского, что большая свобода для самого советского народа может совмещаться с угнетением других народов советского блока. Скорее всего общее облегчение или общее ухудшение наступит одновременно и в Варшаве, и в Праге, и в Москве.

Месяц спустя Давид Варшавский в журнале "Тыгодник Мазовше" вернулся к советской тематике в связи с ситуацией в Польше. По мне-

нию Д.Варшавского, творческий импульс, возникший в Польше в середине 70-х гг., ныне исчерпан. "Солидарность" больше не существует. Все слова уже сказаны, и они не возымели должного действия. Нынешние инициативы Горбачева могут лишь вызвать трещины в обществе, прежде всего националистические и религиозные. "Думаю, что это будет интересно, хотя сомневаюсь, станет ли от этого лучше", — пишет Д.Варшавский.

В том же "Тыгоднике Мазовше", в номере от 4 марта помещена статья Януша Бялоленцкого "Никаких иллюзий, господа". В названии использованы слова Александра I, с которыми тот обратился к польскому дворянству во время визита в Варшаву. Я.Бялоленцкий тоже пишет о влиянии реформ Горбачева на положение в Польше. По его мнению, "мы не должны возлагать слишком большие надежды на новый политический курс Кремля. Демократизация в Польше зависит от одобрения Москвой нашего права "быть иными", права строить общественно-политическую жизнь не по советскому образцу. Эволюция общественной жизни в СССР делает возможными требования пойти на шаг или два дальше, чем Советский Союз. Мы должны стараться сохранить разрыв в степени демократизации и либерализации между нами и Советским Союзом, который уже существует благодаря нашему сорокалетнему сопротивлению и борьбе. Сейчас же этот разрыв сокращается. Застой наблюдается в Польше, а не в Советском Союзе".

По мнению Бялоленцкого, Горбачев не сможет удержать перестройку в запланированных рамках. Если проснется "спящий гигант" — советское общество, то перестройка обретет свою внутреннюю динамику, которую Горбачев затормозить уже не сможет. Именно это произошло с Дубчеком в Чехословакии в 1968 г. "По этой причине, — пишет Бялоленцкий, — мы возлагаем наши самые сокровенные надежды не на то, что Горбачев намеревается сделать, а на процесс, инициатором которого он стал".

В отличие от скептически настроенного Варшавского Бялоленцкий делает ставку на советское общество. С ним согласен и другой публицист — Ян Кшевина в статье "Дьявол назван", которая появилась в журнале "КОС" 9 марта. Кшевина пишет, что в СССР почти в точности повторяются чехословацкие события 1968 г. Дубчек сначала хотел провести только экономические реформы. Партийный аппарат сопротивлялся и был атакован "с фланга" — со стороны интеллигенции, журналистов, культуры и литературы. Так возникла Пражская весна. В Советском Союзе пока мы видим лишь робкую борьбу про-

тив сталинизма, оживление среди творческих работников. Это вовсе не значит, что этот процесс был заранее спланирован Горбачевым. Пережитки сталинизма все еще сильны, и трудно предвидеть, на каком этапе этот процесс может закончиться. К счастью, известно одно: ни чехословацкая, ни какая-либо другая армия не пресечет происходящих в СССР изменений.

Мнение о том, что Горбачева в борьбе с номенклатурой поддержит советский народ, разделяют многие. Но среди поляков существует и весьма пессимистический взгляд на советское общество. Взгляд этот перекидается со словами Б.Окуджавы: "в России ситуация революционная, но нет революционеров".

Ян Заленцкий в статье "Что нынче в моде", опубликованной в уже упомянутом журнале "КОС" от 9 марта, ссылается на "Белые листы" – секретный информационный бюллетень для аппарата ПОРП, в котором говорится о "глухой неприязни к Горбачеву" со стороны массы советского общества. Причина ясна: он ограничил продажу спиртного, посягает на побочные заработки, ограничивает возможности воровать и отлынивать от работы. То, что Горбачев дает взамен – гласность, немного правды, – важнее для интеллигенции, чем для рабочих и колхозников. Горбачев, продолжает автор, разыгрывает ныне известную русскую игру: добрый царь желает покончить со злом и улучшить жизнь народа, а плохие министры ему мешают. Нужно, дескать, чтобы народ поддержал царя, и все станет на свое место. Однако, пишет Заленцкий, может случиться и наоборот: народ поддержит министров, а не царя. Чтобы этого не случилось, Горбачев должен как-то улучшить социальные условия. В противном случае ему придется уйти, причем неизвестно при каких обстоятельствах.

Существуют и другие мнения. "Тыгодник Мазовше" от 4 марта опубликовал статью "Гласность". Автор ее подчеркивает, что не разделяет мнения чрезмерно оптимистически настроенных западных обозревателей, которые расхваливают события в СССР, но не согласен и с польскими подпольными изданиями, которые утверждают, что перестройка – это лишь видимость реформ, очередные маневры, маскирующие настоящие намерения Кремля. Автор перечисляет те сферы, где улучшение уже реально наступило. Вместо вывода он цитирует слова одного москвича из письма другу в Польше: "Ты знаешь мое отношение к телевидению и газетам. Но сейчас я не выключаю телевизор, чтобы не прозевать интересные передачи".

В таком же духе выдержано и интервью с Андреем Дравичем, помещенное в "Тыгоднике Ма-

зовше" от 18 марта. Интервью Дравича – знатка советских проблем – касается прежде всего вопросов культуры в СССР. Он дает трезвую, реалистическую оценку того, что происходит в Советском Союзе. Дравич говорит о продолжающейся апатии советского общества, даже о враждебном отношении к Горбачеву и его борьбе с алкоголизмом. Но он пишет также, что, по мнению интеллигенции, Горбачев – это последний шанс для России, партийная же номенклатура может воспротивиться реализации этого шанса. Свое интервью Дравич заканчивает словами: "Мне самому интересно: как долго будут продолжаться изменения в Советском Союзе, можно ли вообще что-нибудь сделать в условиях коммунистической системы. Но независимо от того, как далеко пойдет перестройка, эти события наверняка оставят неизгладимый след в сознании общества. Я должен сказать, – продолжает Дравич, – что все происходящее в Советском Союзе, по крайней мере судя по советской прессе, вышло далеко за рамки хрущевской оттепели, которая продолжалась довольно долго, но была менее значительной".

В заключении упомяну статью Кароля Гродковского под названием "Три разных мнения о Горбачеве" ("Тыгодник Мазовше" от 11 марта). Согласно первому мнению, существующему среди поляков, Горбачев осознал бесперспективность советской системы и методов управления. Он осознал, что застой ведет к неминуемой катастрофе – политической, экономической и культурной. Он хочет провести настоящие, глубокие реформы, которые в случае необходимости затронули бы даже устои советской системы. По мнению других, Горбачев – это прежде всего коммунист, ленинец. Посему он не хочет настоящей перестройки советского общества, а стремится лишь усовершенствовать существующий строй. Наконец, третья группа поляков убеждена в том, что заявления Горбачева имеют исключительно пропагандистский характер и адресованы прежде всего Западу.

Гродковский приходит к заключению, что правда, возможно, кроется где-то посредине. Судя по декларациям Горбачева, советский руководитель уже осуществил революционные изменения, потрясшие устои советской системы. Судя по его делам, пока он не достиг никакого успеха. Такое расхождение между словом и делом, заканчивает Гродковский, долго продолжаться не может. Следует ожидать, что в скором времени в Москве наступит перелом, который и решит судьбу эксперимента Горбачева. ●

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ?

В обширном интервью М. Горбачева итальянской коммунистической газете "Unità", которое "Правда" опубликовала 20 мая, содержатся слова, загадочные для тех, кто не следит пристально за дебрями афганской политики: "Советский Союз не вмешивается и не будет вмешиваться в то, где афганские товарищи будут искать партнеров для реализации программы национального примирения — в собственной стране, среди беженцев и эмигрантов за рубежом, может быть, и у вас в Италии."

В комментариях советской печати так никогда и не было разъяснено, почему дядьку для афганского огорода следует искать не где-нибудь, а в Италии. Между тем вся мировая пресса "намек" поняла мгновенно: единственный видный афганский политик, постоянно живущий в Италии — это низложенный афганский король Мохаммед Захир Шах.

72-летний афганский монарх живет близ Рима с тех пор, как его родич, премьер-министр Мохаммед Дауд сверг его в 1973 г., чтобы затем в свою очередь быть свергнутым и уступить место коммунистическому правительству. В течение 40 лет своего правления Мохаммед Захир Шах последовательно придерживался нейтралистской политики, склоняясь все же скорее в советскую сторону. Это не было, впрочем, выражением политических симпатий короля — скорее, признанием очевидного факта, что лежащий через границу гигантский Советский Союз — очевидная политическая реальность, с которой нельзя не считаться.

Долгое время свергнутый король оставался в тени и в политической жизни прямо не участвовал. Выражая свою поддержку народному сопротивлению оккупантам, он тем не менее отклонял все призывы сформировать правительство в изгнании, желая оставить дверь открытой для переговоров о формировании в Кабуле компромиссного правительства.

Каким оно будет — это компромиссное правительство? Ответ далеко не прост. Советская интервенция в Афганистан нарушила геополитический баланс в этом регионе не одним только усилением советского присутствия. "Дубина народной войны", поднявшаяся в Афганистане, вызвала к жизни силы, которые в Афганистане традиционно не были сильны: исламский фундаментализм получил в Афганистане политический кредит, ибо он стал той

силой, которая с самого начала оказала поддержку муджахиддинам, поддержку, которую лишь с колебаниями и осторожностью оказывали правительства других исламских, да и западных стран (см. "Страна и мир", № 10 за 1986 г.).

Фундаменталисты задают тон и в Исламском союзе афганских муджахиддинов ("Страна и мир" № 12 за 1986 г.). Однако, хотя они имеют безусловную народную поддержку, как сила, сражающаяся с оккупантами, их программа для мирного времени скорее всего такой поддержки пользоваться не будет. За ними — иранские аятоллы, ваххабиты из Саудовской Аравии, члены Мусульманского братства. Их цель — воспользоваться смутой войны, вытеснить традиционные формы ислама, исповедуемые в Афганистане; им важно не только разрушить советское и коммунистическое влияние в этой стране, но и заменить существующие афганские исламские институты своим вариантом Исламского государства, даже если для этого необходимо сражаться сколь угодно долго. Вряд ли эта цель вдохновляет большинство афганского населения. Вряд ли она может заслужить поддержку демократических государств Запада: пример Ирана перед глазами.

Советскому руководству будет нелегко справиться с этим джином, которого оно само же и выпустило из бутылки, начав войну в сердце мусульманского мира.

Но если фундаменталисты неприемлемы, чтобы возглавить переходное правительство, то еще более неприемлемы и коммунисты, к какой бы фракции — халк или парчам — они ни принадлежали. Они в глазах народа — советские марионетки и не более.

В этих условиях король действительно представляется самой подходящей компромиссной фигурой. Он действительно может рассчитывать на необходимую народную поддержку, особенно среди сильных пуштунских племен.

Известно, что король склонялся всегда в пользу переходного правительства, в котором участвовали бы и коммунисты, и представители муджахиддинов и беженцев, базирующихся в Пакистане (среди последних фундаментализм сейчас особенно силен). Судя по словам М. Горбачева, он готов принять такую формулу. Неясно, правда, вполне ли он отдает себе отчет, что коммунисты в правительстве на ролях только младших партнеров без внешней поддержки обречены на постепенную политическую смерть. Если понимает, то готов ли он принять это как политическую реальность? Достаточно ли ему будет надежных гарантий нейтралитета или от стремления сохранить "сферу влияния" он еще не отказался?

Время покажет. Что же касается другой крайности — фундаменталистской ветви беженцев и партизан, то надежды на поддержку

Король Мохаммед Захир Шах

подобного переходного правительства с их стороны невелики. Неясно, как выйти из такого положения. Соединенные Штаты могли бы попытаться оказать на них влияние, но у США у самих в этом регионе трудное положение: Иран, источник исламской революции, отнюдь не склонен сотрудничать с ними в этом вопросе.

А что сам король? Ведутся ли все эти построения вокруг его имени без его собственного участия? Едва ли. 11 и 12 мая в передачах ВВС на персидском и пушту прозвучало его интервью, в котором король изложил свою позицию. Если большинство афганского народа его хочет, сказал король, он готов взять на себя ответственность власти. Но это большинство должно включать и бойцов сопротивления, и население внутри страны, и беженцев, где бы они ни находились. Король подчеркнул, что он не добивается реставрации монархии и готов служить нации под любым титулом, который пожелает ему дать народ. Все афганцы без какой-либо дискриминации должны иметь право выполнять свой долг в борьбе за национальное освобождение; личные амбиции и партийные интересы должны быть оставлены.

Говоря о призыве кабульского режима к "национальному примирению" на его условиях, король поддержал отказ руководителей сопротивления принять такое "примирение", заявив: "В нынешних обстоятельствах это был единственно правильный ответ". Король сказал, что он видит определенные признаки того, что советская сторона, в рамках общих политических перемен в СССР, ищет нового подхода к афганской проблеме.

Относительно нынешних кабульских марионеток король сказал, что их судьбу должно решить будущее правительство. Он заметил, однако, что с лицами, сотрудничавшими с оккупантами, если они подчиняются национальному

и исламскому порядку, должно поступить милостиво, в соответствии с принципами ислама и народной традицией. Лишь преступники будут переданы в руки соответствующих исламских судебных инстанций.

Короля спросили, не боится ли он новой гражданской войны и кровавой бани после ухода советских войск. Он ответил, что по его опыту, и исходя из знания афганской истории, это маловероятно. Если же это произойдет, то переходное правительство и представительные органы смогут принять нужные меры.

Говоря о будущих отношениях свободного Афганистана с Советским Союзом, король сказал: когда советские войска будут выведены и советское правительство даст обязательство более не вмешиваться во внутренние дела Афганистана, независимое афганское правительство, в соответствии с национальной традицией, установит добрые отношения с соседними странами, включая и северного соседа.

Когда Захир Шаха спросили, установил ли он уже какие-либо контакты со сторонами, вовлеченными в афганский кризис, он улыбнулся и сказал: "Простите, но пока я предпочту не отвечать на этот вопрос".

Можно думать, что своим интервью М.Горбачев частично на этот вопрос ответил. ●

КОРЕЯ СИЯЕТ ВЕЛИКИМ СОЛНЦЕМ И ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Отношения между Советским Союзом и КНДР, долгое время бывшие холодными в результате прокитайской ориентации Северной Кореи, сейчас постепенно улучшаются. За последние три года Ким Ир Сен дважды посетил Москву. В мае этого года в Пхеньяне побывал главнокомандующий советских ВМС адмирал Чернявин. Советский Союз поставил Корею в 1985 г. сорок бомбардировщиков МиГ-23 и ракеты "земля-земля". В обмен КНДР предоставила советским военным судам, включая авианосец "Минск", право захода в порты Нампхо и Наджин. В порту Наджин заканчивается железная дорога, по которой идут советские военные поставки для Вьетнама и Кампучии. КНДР разрешила полеты через северо-кореysкое воздушное пространство советским разведывательным самолетам, направляющимся из Владивостока на советскую военную базу в Камране (Вьетнам). В результате этого Советскому Союзу значительно облегчена аэрофотосъемка восточных районов Китая.

Северная Корея — экономически слаборазвитая страна, не чета своему южному соседу. Урожай, как и в Советском Союзе, давно уже не достигают плановых заданий, и страна испытывает серьезные трудности с продовольствием. Лишь недавно дневная норма хлеба для жителей столицы была снижена на 14%. Рост промышленного

производства в последней завершенной пятилетке (1978—1984) составил только половину запланированного. Внешний долг маленькой КНДР превысил 2 миллиарда долларов.

В то же время военный потенциал страны резко растёт. За последнее десятилетие северокорейская армия более чем удвоилась — с 409 тысяч до 885 тысяч человек (при населении всего в 20 миллионов). Сейчас это шестая по величине армия в мире. Главное направление действий северокорейской армии — страны третьего мира. Туда она поставляет военных советников, оказывает "помощь", производит военное обучение местных кадров (см. "Страна и мир", № 3 за 1986 г.).

75-летнему Ким Ир Сену пора уже заботиться о наследнике, и таковой уже избран. Это его сын 45-летний Ким Чен Ир (см. "Страна и мир", № 3 за 1984 г.). Если передача престола из рук в руки состоится благополучно (в чем уверенности нет), то это будет первая в коммунистическом мире династия правителей.

Пока же Ким Чен Иру усиленно создается культ, который должен быть, конечно, безудержным, но не может все же превосходить культуру ныне живущего вождя. Впрочем, превзойти его невозможно. Культ этот уже давно достиг фараоновских (или, ближе по времени, — сталинских) размеров.

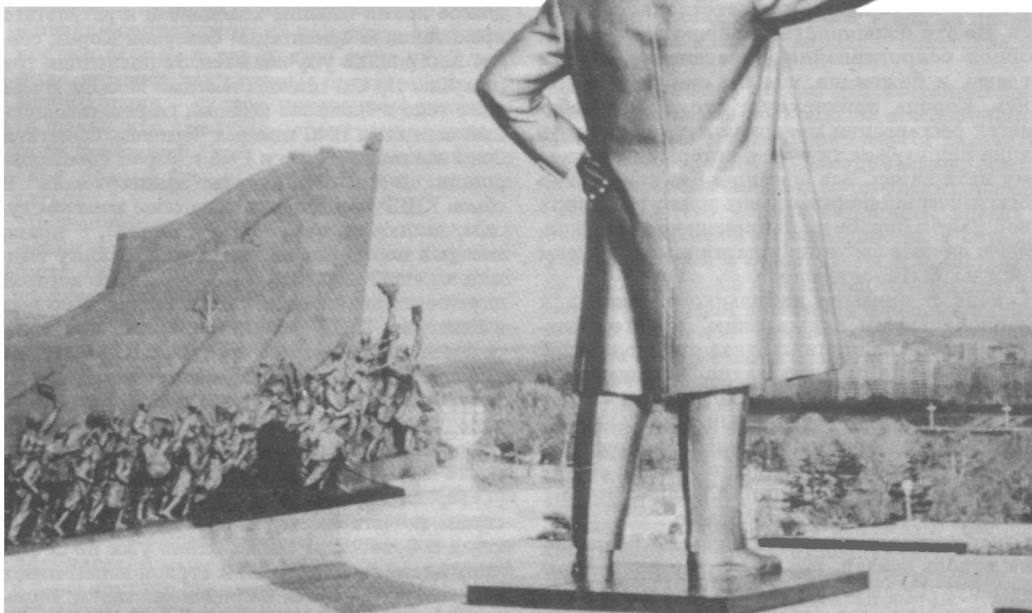
Наглядный пример подчас говорит о предмете больше, чем долгие описания. Чтобы дать представление о происходящем в этой стране, приведем ниже одно лишь рядовое сообщение северокорейского телеграфного агентства ЦТАК на

русском языке. Те советские читатели, кому сейчас под 50 и более, живо вспомнят свою собственную молодость. Молодежи, которая из школы зачастую выносит лишь убеждение в том, что Сталин — это выдающийся деятель советского государства и коммунистической партии, полезно на живом примере последнего из сталинских когорты увидеть, как это было. Именно так и было в жизни.

Пхеньян, 27 апреля (ЦТАК). Находившиеся с визитом в нашей стране в честь 75-летия со дня рождения великого вождя товарища Ким Ир Сена генеральный директор эквадорского издательства "Libertad" Умберто Флорес и генеральный секретарь Китовского городского муниципалитета (имеется в виду муниципалитет эквадорской столицы Кито. — Ред.) Карлос Энрике Алларкон Изроби перед отъездом в свою страну в Пхеньяне дали интервью корреспонденту ЦТАК.

Умберто Ортис Флорес сказал: я был на аудиенции у уважаемого вождя товарища Ким Ир Сена, который снискал к себе глубокое уважение и почтение народов мира за великие заслуги в деле корейской и мировой революции. Это самая большая честь и гордость в моей жизни.

Сегодня народы мира, как один, с благоговением от всей души желают ему доброго здоровья

166-метровая статуя Ким Ир Сена над Пхеньяном

и долгих лет жизни. Это потому, что он основал бессмертные идеи чучхе, положил начало новой эпохе самостоятельности, развертывает неутомимую идейно-теоретическую деятельность и осуществляет энергичное руководство, чтобы вести народные массы по прямому пути к победе и славе.

Уважаемый товарищ Ким Ир Сен — поистине великий вождь, который всю жизнь посвящает во имя свободы и счастья народа и имеет перед эпохой и человечеством немеркнущие заслуги. Поэтому народы мира с глубоким почтением следуют за ним, как за великим солнцем, освещающим путь эпохи самостоятельности.

Карлос Энрике Алларкон Изроби, декламировавший перед товарищем Ким Ир Сенем собственноручное стихотворение "Ода о великом учителе Ким Ир Сене", делаясь своими волнениями и радостью, сказал:

"Корея — страна, которая сияет великим солнцем и путеводной звездой.

Товарищ Ким Ир Сен, рано встав на путь революции, разгромил две империалистические державы при жизни одного поколения и построил на этой земле процветающую страну чучхе.

Революционное дело товарища Ким Ир Сена блестяще продолжается и развивается дорогим товарищем Ким Чен Иром. Будущее Кореи светло тем, что товарищ Ким Чен Ир мудро руководит революционной борьбой и строительством.

Поистине корейский народ наиболее в мире счастлив и горд тем, что имеет великое солнце и путеводную звезду в лице товарища Ким Ир Сена и товарища Ким Чен Ира.

От души желаем великому товарищу Ким Ир Сэну и дорогому товарищу Ким Чен Иру крепкого здоровья и долгих лет жизни во имя светлого будущего человечества." ●

НЕПОКОРИВШАЯСЯ ЭФИОПИЯ

Боевые действия повстанцев против марксистско-ленинского правительства Эфиопии, в течение многих лет ограниченные лишь северными районами, прежде всего, Эритреей (см. "Страна и мир" № 6 за 1984 г.), ныне распространились практически на всю страну. Сейчас в Эфиопии, помимо Движения за независимость Эритреи, действуют 7 других повстанческих организаций. Они совершают набеги на города, устраивают засады на военные транспорты, перерезают пути сообщения.

У организаций этих нет единой стратегии, и цели

их различны. Некоторые из них созданы сепаратистскими движениями, другие не имеют целью расчленение страны и хотят лишь свергнуть диктаторский режим полковника Менгисту.

За пределами Эритреи самой сильной повстанческой группировкой является Фронт освобождения народа Тигре (ФОНТ), действующий в голодающей северной провинции Тигре. Бойцы действуют бригадами по 600–1000 чел., на вооружении у них минометы и 23-мм тяжелые противозенитные пулеметы. В декабре 1986 г. силы ФОНТ вместе со своим союзником — Эфиопским народно-демократическим движением (ЭНДД) впервые атаковали гарнизон города Сокота (провинция Уолло).

Однако наиболее быстро растущими организациями повстанцев являются Фронт освобождения Оромо (ФОО) и Эфиопская народно-революционная партия (ЭНРП). Последняя, после того, как в 1984 г. сменила свою некогда маоистскую политическую линию и стратегию, выросла в 5 раз. Похищение в декабре прошлого года двух техников-итальянцев дало ЭНРП возможность привлечь внимание мировой общественности к политике режима полковника Менгисту на селе.

ЭНРП указала, что правительство срывает с мест миллионы людей, переселяя их — в порядке "деревнизации" — в своего рода колхозы, строящиеся за сотни километров от родных мест (см. "Страна и мир", № 6 за 1986 г.). Повстанцы — и вместе с ними ряд гуманитарных организаций — указывают, что огромная экономическая помощь, оказываемая Западом Эфиопии, используется как оружие для установления контроля над крестьянами. Рони Броман, президент французской организации "Врачи без границ", отмечает: "Продовольствие, поставляемое европейскими странами и США, идет на то, чтобы помочь противоповстанческой стратегии режима, чтобы сконцентрировать сельское население в своего рода колхозах, где они находятся под организационным и идеологическим контролем партии, а их контакты с повстанцами прерываются".

В осуществлении программы "деревнизации" участвует ряд итальянских фирм. ЭНРП предупредила итальянцев и других иностранных участников: "В Эфиопии идет война. Работать здесь опасно. Места строительства будут рассматриваться как военные объекты и станут объектом атак". Захват техников-итальянцев и был произведен, чтобы подчеркнуть серьезность этих предупреждений.

ЭНРП считает себя многонациональной партией, но руководят ею преимущественно амхар-

Повстанцы-нилоты с копьями
и старинными италийскими ружьями

цы – политически господствующая еще со времен Абиссинской империи народность. Поэтому другие повстанческие группировки, движимые националистическими и антиамхарскими чувствами, мало ей доверяют.

Союзником ЭНРП является Эфиопский демократический союз (ЭДС) – умеренная, также преимущественно амхарская организация. Хотя считалось, что ЭДС еще несколько лет назад был разгромлен правительственной армией, сейчас он вновь ведет активные военные действия в провинции Бэгемдыр.

ФОО – Фронт освобождения Оромо – в военном отношении представляет для режима наибольшую угрозу, ибо оромо (галла), на которых ФОО опирается, – это крупнейшая этническая группа в Эфиопии (35–40% всего населения). Оромо живут преимущественно в центральной и южной части страны. Язык их совершенно отличен от официального амхарского. Дальнейшее распространение националистических чувств оромо может составить для режима большую проблему, чем даже само повстанческое движение.

В начале 1980-х гг. первые соединения бойцов ФОО начали действовать в западных районах страны. Их обучение и поставки оружия осуществлял Фронт освобождения народов Эритреи (ФОНЭ). Сам ФОНЭ всегда ограничивался действиями только на севере, в Эритрее, но неизменно поддерживал повстанцев в других провинциях, справедливо считая, что это отвлекает силы правительственной армии от Эритреи. Между ФОО и ФОНЭ тем не менее формального союза нет: оромо не хотят отталкивать другие, соперничающие с ФОНЭ, повстанческие эритрейские группировки и поддерживающие их арабские страны.

ФОО продолжает в основном опираться на собственные силы. Эритрейское влияние сказывается прежде всего лишь в применяемой боевой тактике, в большом числе женщин среди повстанцев, в непринужденных отношениях между офицерами (не разделяемыми по рангам) и солдатами и в резиновых сандалиях, которые производятся в горных мастерских, принадлежащих ФОНЭ.

Первые бойцы-оромо проникли в западную провинцию Уоллега из Судана в 1982 г. За несколько лет они создали внушительные воинские соединения, разделенные на роты по 90–120 человек в каждой. Подвижные, быстрые боевые единицы повстанцев постоянно действуют глубоко внутри страны, получая продовольствие, снаряжение и оперативную информацию от местного населения, которое им сочувствует.

Вооружение ФОО получает с баз близ суданской границы, где у ФОО есть также свои мастерские, школы, больницы. переброска оружия на базы из Судана трудностей не составляет. На вооружении повстанцев – главным образом автоматы Калашникова, производимые в Египте, и VZ-58 чешского производства. Много оружия захвачено у правительственной армии в качестве трофеев: советские "Калашниковы", американские автоматы, оставшиеся у правительственных войск со времен императора Хайле Селассие, автоматы с маркой EdC (Ejercito de Cuba), завезенные кубинскими войсками во время военных действий в провинции Огаден.

Есть даже древние итальянские ружья и старые советские "наганы", которые бойцы оромо передают силам местной обороны нилотских племен, живущих в пограничных областях. Негры-нилоты – народ, презираемый господствующими в стране эфиопами. Они также сильно пострадали от кампании "деревнизации", проводимой Менгисту. Так, например, из района Гамбела (провинция Илубабор), который был по преимуществу нилотским, были переселены более 50 тысяч глав семейств, так что демографический баланс тут полностью изменился: народы тигре и амхарцы теперь составляют большинство.

Неудивительно, что и тут вспыхнуло восстание. Создано Движение за освобождение народа Гамбелы (ДОНГ). Обучение его бойцов и поставки оружия осуществляет ФОО.

Спротивление "деревнизации", тяжелому налогодобложению, введенному недавно правительством, страх перед призывом в армию – все это важные мотивы, побуждающие население присоединяться к повстанцам. Резко расширились ряды даже восточного командования ФОО, хотя у него сейчас не осталось никакой базы за

границей (отношения с Сомали были прерваны несколько лет назад, и Могадишо сейчас запретил любую помощь повстанцам оромо).

Руководство повстанцев сейчас разделено на два фронта, между которыми нет никакого "коридора", никаких коммуникаций. На востоке находятся сейчас пять членов исполнительного комитета, включая председателя, Галаса Дилбо (он бывший студент-социолог, ему за 30).

Близ Джибути очень активен Фронт освобождения афаров (ФФА). Его вождь, бывший султан афаров Али Мирах живет в Саудовской Аравии.

Давно ничего не слышно о Движении за освобождение Сидамо на юге, которое, как утверждают, было разгромлено еще в 1983 г., и о Фронте освобождения Западного Сомали в провинции Огаден.

Положение в сельской местности сейчас настолько ухудшилось, что следует ожидать появления все новых и новых и укрепления старых повстанческих сил.

Несмотря на сложный механизм, созданный режимом для контроля над крестьянами — "Крестьянская ассоциация", *кебеле* (эфиопские "советы"), сеть военных гарнизонов, ускорение депортации населения, — власть правительства в сельских районах сейчас слабее, чем несколько лет назад. Менгисту, конечно же, далеко не находится на грани краха. В военном отношении он силен, и его "революцию" защищает Советский Союз. Но, поддерживая повстанцев в других странах — в Судане и Сомали, — эфиопскому вождю все более и более приходится думать о почве, которая загорается у него под ногами. ●

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

УСПЕХИ АМЕРИКАНСКОГО АГРОПРОМА

После нескольких месяцев переговоров Советский Союз принял в начале мая решение о закупке в США 4 миллионов тонн пшеницы по ценам, субсидируемым американским правительством. Дело в том, что еще в 1983 г. между США и СССР было подписано соглашение (не являющееся, однако, строго обязывающим для обеих сторон) о том, что в течение пяти лет Советский Союз закупит в Соединенных Штатах по меньшей мере 9 миллионов тонн зерна, включая 4 миллиона тонн пшеницы. Исходя из этого, министерство сельского хозяйства США сделало

соответствующие рекомендации фермерам, обязавшись субсидировать твердые продажные цены (см. об этом более подробно статью Г.Буяновского, публикуемую в настоящем номере). Однако Советский Союз оттягивал выполнение соглашения, поставив тем самым производителей зерна в трудное положение. В прошлом году было закуплено всего лишь 153 тысячи тонн пшеницы.

И вот теперь договоренность о продаже достигнута. Фермеры вздохнули с облегчением — есть куда сбыть зерно. Это крупнейшая из когда бы то ни было сделанных продаж американской субсидированной пшеницы одной стране. Уже начаты поставки первых 950 тысяч тонн пшеницы твердых сортов. 650 тысяч поставляет Continental grain Co., 150 тысяч — Artfer Inc., 100 тысяч — Tradigrain Inc. и 50 тысяч — Bunge Corp. Остальное будет поставлено не позднее 30 сентября. Средняя продажная цена на пшеницу устанавливается в 80 долларов за тонну. Субсидия министерства сельского хозяйства фермерам составляет в среднем 44 доллара за тонну. Кроме пшеницы, Советский Союз закупил еще ранее 3,64 миллиона тонн кукурузы.

4 миллиона тонн пшеницы — много это или мало? Советскому Союзу, крупнейшему производителю этой культуры, тем не менее не хватает для удовлетворения собственных потребностей 15–20 миллионов тонн ежегодно. Закупленное количество покрывает примерно четверть этих нужд. Отказываясь покупать зерно в США (из соображений исключительно политических), Советский Союз легко находит поставщиков в других странах — производителях хлеба. По американским же масштабам 4 миллиона — это вот что: половина годового урожая в одном штате Канзас или двойной урожай одной северной Небраски.

Кстати, а сколько вообще пшеницы производится в мире? Недавно Международный совет по пшенице поднял свои оценки ее производства в сезоне 1986–1987 гг. (с июля 1986 по июнь 1987) до рекордной цифры 536 миллионов тонн. В прошлом году было только 505 миллионов. Однако в будущем сезоне ожидается снижение на 11 миллионов — до 525 миллионов.

По оценкам того же Совета, в заканчивающемся сезоне человечество потребит (съест и пустит на технические нужды) 515 миллионов тонн. В прошлом сезоне оно одолело 493 миллиона. Так что в целом, как видим, люди производят хлеба больше, чем могут съесть.

Объем торговли пшеницей во всем мире в этом сезоне составит 86 миллионов тонн. В следующем сезоне он поднимется до 90 миллионов.

ГОД ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

После национальной трагедии — катастрофы в Чернобыле — прошел год, и все равно еще итоги подводить рано. Главный итог — итог трагический — будет подведен к концу столетия, когда притаившаяся пока смерть заберет свою долю пораженных радиацией, как непосредственно после катастрофы, так и в результате воздействия рассеянных долгоживущих радиоактивных изотопов. Пока же ученые только пытаются оценить — сколько их будет, этих жертв. Доктор Роберт Гейл, ныне широко известный в Советском Союзе своей самоотверженной помощью жертвам Чернобыля, оценивает это число в 75 тысяч — тех, кому до конца столетия предстоит умереть от воздействия радиации, как в СССР, так и в других странах Европы. В публикуемой ниже статье известный советский биолог В.Сойфер показывает, однако, что тем дело не ограничится. Тень Чернобыля — в результате воздействия радиации на хромосомы человека — протянется далеко в будущее столетие. Из-за того, что в Чернобыле было выброшено в атмосферу больше долгоживущих радиоактивных нуклидов, чем при всех ядерных испытаниях и взрывах бомб, вместе взятых, тень эта будет чернее и длиннее даже тени Хиросимы и Нагасаки.

Меньше пишут об экономических последствиях Чернобыля. Официальная цифра, повторяющаяся из одной советской публикации в другую — 2 миллиарда рублей, — несомненно чрезмерно занижена: по имеющимся оценкам стоимость одного только блока ЧАЭС (а их было четыре и два намечалось построить дополнительно) — 375 миллионов рублей. Лишь прямые затраты: на дезактивацию, сооружение саркофага, переброску и содержание военных частей, работавших на ликвидации последствий катастрофы, вместе со стоимостью погибшего блока по-видимому уже достигают названной двухмиллиардной суммы.

В счет Чернобылю можно поставить и многое другое:

- стоимость переселения 135 тысяч человек, включая транспортные расходы, строительство новых домов и т.п.;
- стоимость городов Припять и Чернобыль, ряда сел, которые на долгое время останутся необитаемыми;
- потери сельскохозяйственной продукции с загрязненных земель;
- расходы на лечение жертв Чернобыля;
- расходы на организацию долговременной профилактически-контрольной службы для эвакуированных;
- потери производства электроэнергии на ЧАЭС;
- потери вложений в строительство третьей очереди ЧАЭС (блоки 5 и 6);
- потери электроэнергии от профилактических остановок (на переоборудование) других АЭС с реакторами РБМК;
- потери от задержки строительства других АЭС в связи с отзывом значительного количества строительного персонала на ЧАЭС;
- потери рабочей силы (как погибших, так и тех, чья жизнь оказалась укороченной);
- выплаты компенсаций жертвам и эвакуированным;
- потери от сокращения внешней торговли в результате сокращения закупок сельхозпродукции.

Список этот наверняка неполон. По оценкам западных экспертов полная цена Чернобыля достигла уже 25 миллиардов долларов (счет идет не в рублях, ибо в советских условиях произвольного ценообразования "рублевые" оценки мало отражают действительность).

Нельзя сказать, что урок Чернобыля совсем не пошел впрок. В немалой степени шок — от горя и от унижения — содействовал действительному развертыванию кампании гласности, которая до Чернобыля находилась в зачаточном состоянии. Во многом было заглажено страшное впечатление, оставленное советскими попытками скрыть происшедшее, промолчать, уменьшить размеры события. Прессу, радио, телевидение заполнили материалы о Чернобыле, подчас поразительно откровенные. Высокую оценку — в фактографической части — получил и официальный советский отчет экспертам МАГАТЭ. Но все же нужно отметить: Чернобыль, спустивший с тормозов кампанию гласности, сам от этой гласности выиграл менее других. Отчет, переданный западным специалистам, широкой советской публике неизвестен. Размеры потерь — и человеческих, и материальных — открыто не обсуждаются. Коренные причины катастрофы — технологическая и организационная отсталость — также пока табу для гласности. Радикальные изменения в советской ядерно-энергетической политике, а тем более публичного ее обсуждения, как это происходит на Западе, пока нет.

Инициативу такого обсуждения берут на себя лишь очень немногочисленные независимые общественные группы — вроде Группы доверия, — к сожалению, не имеющие никакого доступа к средствам массовой информации. Документ Группы доверия, выпущенный к годовщине Чернобыля, мы публикуем в этом номере. В восточноевропейских странах, в частности, в Чехословакии, Польше и ГДР, также возникли подобные, пока тоже немногочисленные, движения. О массовых антиядерных движениях в странах Запада мы здесь не говорим.

Далеко не все требования экологических и антиядерных групп представляются практически исполнимыми. Неразумно требовать полного отказа от ядерной энергетики. Прежде всего это попросту невозможно: Франция, например, сейчас на 68% удовлетворяет свои энергетические потребности за счет АЭС. В СССР доля ядерной энергии пока невелика, но и здесь она к 1990 г. достигнет (должна достигнуть) 20%.

Но дело не только в практической невозможности. Путь отказа от новой технологии, только потому, что она на первых порах опасна в обращении, вернул бы нас в каменный век: переживавшие лесные и степные пожары люди того времени с меньшей страстью могли бы протестовать и против использования огня.

Технологию — и ядерную в первую очередь — надо сделать безопасной, насколько это возможно. Мы уже писали очень подробно ("Страна и мир" №№ 5 и 10 за 1986 г.) о коренных причинах катастрофы, о врожденных пороках конструкции реактора РБМК, которые советский отчет пытается скрыть или затушевать. Сейчас стоит отметить, что и здесь какие-то сдвиги наблюдаются. Когда этот номер готовился к печати, в мае 1987 г. пришло сообщение о том, что принято решение отказаться от дальнейшего строительства третьей очереди Чернобыльской АЭС — блоков 5 и 6. Можно поздравить советское руководство с этим разумным решением. Хочется также верить, что циркулирующие слухи, отдельные намеки в печати о возможном полном сворачивании системы реакторов РБМК — не только в Чернобыле — тоже реализуются, и чем скорее, тем лучше, в правительственные решения.

Но одно решение — о полном и гласном обсуждении проблем радиационной опасности — можно и нужно принять уже сейчас. Это касается не только — а, может быть, даже не столько — АЭС. О радиационной опасности, связанной с советскими военными ядерными установками, пишет в настоящем номере журнала известный эколог Б.Комаров.

Наш журнал обращался к трагической теме Чернобыля и его последствий уже неоднократно. Но тема эта столь важна и столь болезненна для народов нашей страны и для всего мира, что к ней придется еще неоднократно обращаться и в будущем. ●

К.Л.

Валерий СОЙФЕР (Москва)

ГИБЕЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

В середине нашего столетия стало очевидным, что накопление радиоактивных веществ в биосфере влияет на все человечество. В ходе атмосферных испытаний ядерного оружия было выброшено большое количество радиоизотопов, и фон радиоактивности непрерывно возрастал. Одновременно увеличивалось число людей, страдающих от рака или от наследственных болезней.

Все это вызвало волну протестов со стороны общественности и привело к заключению в 1963 г. договора между СССР и США о запрете испытаний в трех средах. После этого радиоактивный фон значительно стабилизировался.

В результате Чернобыльской катастрофы в атмосферу было выброшено не менее 100 миллионов кюри радиоактивных изотопов (по официальным советским данным — 50 миллионов кюри. — *Ред.*), в результате чего радиоактивный фон увеличился вдвое. Можно ожидать, что нежелательные биологические последствия этого куда более серьезны, чем это предполагается сейчас.

Автор статьи — ученый-генетик, основавший первую в СССР лабораторию молекулярной биологии и генетики, позднее — зам. директора по научной части созданного в 1974 г. на базе лаборатории института. Уволен из института в 1980 г. за выступления в защиту А.Сахарова.

Прежде всего возрастет число раковых заболеваний, в том числе — со смертельным исходом. Вопрос этот обсуждается в советском отчете Международному агентству по атомной энергии, и сделанные в нем оценки удовлетворили многих западных специалистов. Обозреватели британского журнала "Nature" заявили, что увеличение числа раковых заболеваний будет не столь большим, как того опасались.

Чтобы правильно оценить выводы советского отчета, нужно обратиться к вещам, которые могут показаться слишком специальными. Но без этого нельзя понять одного тревожного обстоятельства, которое советский отчет пытается скрыть. Речь идет об изотопном составе вещества, выброшенного в атмосферу в результате катастрофы.

Среди этих изотопов были сравнительно короткоживущие, с периодом полураспада от нескольких секунд до нескольких дней. Но были также и изотопы с большим периодом полураспада — в несколько десятков лет и более. Сразу же после катастрофы советская печать говорила в основном об изотопе иод-131. Его период полураспада сравнительно невелик, около 8 дней. Сообщалось, что от 50 до 80% всей радиации, созданной выпавшими на землю радиоактивными веществами, обусловлено этим изотопом. В этой связи кажется логичным, что главные усилия исследователей, занятых анализом Чернобыльской катастрофы, — более 7 тысяч различных групп ученых, — были направлены на измерения уровня содержания иода-131 в щитовидной железе.

Меня это, однако, удивляет, ибо не менее важным является изучение воздействия долгоживущих изотопов, в особенности цезия-137 с периодом полураспада 33 года и стронция-90 с периодом полураспада 27,7 лет. Меня удивляет также, что в большинстве таблиц, приводимых в различных отчетах и исследованиях, отсутствуют колонки с указанием процентного содержания изотопов в воздухе, почве, воде, а также в овощах и мясных продуктах. В тех случаях, когда это оказалось возможным, я вынужден был пересчитать приведенные цифры, чтобы установить, за какую долю радиации ответственны те или иные изотопы.

Этот анализ показал, что первоначальные сообщения о преобладающей роли иода были ошибочными. В действительности иод-131 в большинстве проб был ответственен не более чем за 10–15% радиации. Долгоживущие изотопы часто составляли более трети общего количества радиоактивных веществ.

Однако официальная советская оценка ожидаемого увеличения числа раковых заболеваний со смертельным исходом основывалась только на данных о содержании иода-131 в радиоактивной пыли, выпавшей в ряде областей европейской части Советского Союза с населением 75 миллионов человек. Согласно этой оценке, "увеличение числа случаев дополнительной смертности от рака составляет менее 0,05% от уровня смертности от спонтанного рака (около 9,5 млн. случаев за 70 лет) среди данной популяции людей".

В советском отчете упоминается, хотя и мимоходом, то обстоятельство, что влияние долгоживущего изотопа цезия-137 на число смертей от рака почти в 10 раз больше, чем влияние радиоактивного иода, ибо создаваемая цезием радиация "может привести к дополнительной смертности от рака, не превышающей 0,4% от естественной смертности от злокачественных новообразований". Вслед за этим в отчете идет абзац о стронции-90. В нем говорится, что в настоящее время недостаточно информации для корректных оценок числа смертей, вызванных этим изотопом. Но авторы признают, что "со временем, возможно, этот нуклид будет иметь, наряду с цезием-137, основное значение".

Так что цифра 0,05%, заморозившая многих специалистов, в действительности относится лишь к последствиям внешнего гамма-излучения. Основной вред причинят радиоактивные изотопы цезия, стронция, церия и другие долгоживущие изотопы, в том числе изотопы с альфа-распадом. Так что цифру 0,05% никак не

следует принимать как окончательную. При ее получении было сделано слишком много неоправданных допущений, и точность измерений была низка.

Видимо, это и объясняет, почему даже те, кто расположен к Советскому Союзу, не согласны с этой оценкой. Американский специалист по пересадке костного мозга д-р Роберт Гейл заявил в октябре прошлого года по советскому телевидению, что частота смертей от рака может быть на 1% выше обычной (около 6 000 дополнительных случаев). Не хочется верить, что американский ученый окажется прав. Было бы лучше, если бы даже цифры советского отчета оказались завышенными. Но для таких надежд, к сожалению, нет никаких оснований.

Поразительной особенностью советского отчета является то, что в нем даже не упоминается ожидаемое увеличение числа генетических нарушений.

Специалисты по генетике знают, что под воздействием одних и тех же доз облучения частота наследственных заболеваний выше, чем частота раковых перерождений. Эта закономерность приложима и к Чернобылю. Так, западногерманский ученый Гельмут Хирш заявил недавно, что в его стране "ожидается от 4000 до 23 000 дополнительных случаев рака (не считая рака щитовидной железы) и 90 000 дополнительных наследственных заболеваний".

Генетические нарушения поражают не только тех, кто непосредственно подвергся облучению. Во многих случаях поврежденные гены будут унаследованы потомками. Рост числа наследственных болезней, ненормальностей развития, выкидышей и преждевременных родов будет куда более зловещим результатом Чернобыля, чем даже раковые заболевания и смерти. Помноженное на многие поколения, генетическое бремя Чернобыля будет для человечества тяжким.

Еще одна деталь. В окружающей среде накапливается слишком много химических загрязнений, неблагоприятно влияющих на наследственный аппарат. В ходе экспериментов во многих лабораториях мира, включая мою собственную бывшую лабораторию в Москве, было установлено важное правило: при одновременном воздействии радиационных и химических мутагенов чаще всего происходит "взрыв" мутаций, а не простое сложение двух независимых эффектов.

В ряде моих экспериментов на бактериях и растениях наблюдалось увеличение мутаций, в 10 раз превышающее простой суммарный эффект. Поскольку почти треть радиоактивных веществ, выброшенных в Чернобыле, составляли долгоживущие изотопы и поскольку в окружающей среде всегда накапливаются вредные химические вещества — продукты химической промышленности, следует ожидать, что последствия Чернобыля окажутся куда более серьезными, чем их предсказывает советский отчет. ●

"ГОЛОСУЕМ ЗА ПЕРЕСМОТР ПРОГРАММ ПО ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ!"

(К годовщине Чернобыльской катастрофы)

Ровно год прошел со времени Чернобыльской катастрофы. Разразившись на украинской земле, она затронула народы всего мира. Вырвавшись из реактора, радиация волею природных стихий распространилась по Европе. Более того, сегодня уже факт — повышение общего уровня радиации на Земле в результате Чернобыля. Впервые столкнувшись с такого масштаба ядерным заражением, вызванным использованием ядерной энергии без соответствующей защиты, мир не может оставить в будущем без внимания этот вопрос. Мирный атом — опасен! Вот радикальный вывод, который мы вынуждены сделать. Опасен и для тех, кто с ним работает, и для тех, кому он призван служить.

К сожалению, еще не все в обществе разделяют эту точку зрения. Перспективы дешевой энергетики завораживают сторонников атомных электростанций, тем более, что человечество сегодня реально столкнулось с проблемой истощаемости природного топливного сырья (газа, угля, нефти, дерева и т.д.). Однако одностороннее решение этого вопроса путем массового строительства АЭС чревато обострением экологических и гуманитарных проблем и ставит под сомнение выживание самого человечества. Дешевая энергия АЭС оборачивается в дальнейшем необходимостью платить за нее жизнью и здоровьем людей, чистотой биосферы. Очевидно, не всегда то, что дешево, — хорошо, и выигрывая в сиюминутном, мы можем проиграть в главном — в нашем будущем.

Поскольку АЭС сегодня уже реальность, такая же, как Чернобыль, решение проблемы не может быть быстрым, оно потребует объединения усилий правительств, общественности и отдельных граждан Востока и Запада, то есть людей, находящихся на разных общественных и государственных уровнях и по разные стороны идеологических барьеров. Опыт Чернобыля наглядно показал, что такие барьеры, порождая недоверие и естественную при этом попытку скрыть масштабы катастрофы, мешают осуществлению взаимопомощи. Жертвы катастрофы боятся принять помощь, не желая оглашать случившееся, и таким образом они лишают помощи не только себя, но и других, так как своевременная информация могла бы помочь другим странам в защите от расположающейся по всему миру радиации.

Чернобыль стал той бедой, которая объединила Восток и Запад. Распространившись по всему миру, радиация приподняла "железный занавес", ибо для ликвидации последствий этого потребовались международные усилия, и теперь необходима совместная работа стран Востока и Запада по предотвращению возможности подобных аварий где бы то ни было.

Все вышесказанное настоятельно требует изменения нашего отношения к атомной энергетике. Альтернативную программу энергетике, наверное, уместнее будет разрабатывать специалистам по ядерным исследованиям, экономике, энергетике, экологии и медицине. Мы же со своей стороны считаем возможным предложить ряд мер, принятие которых уже сейчас поможет сдвинуть проблему с мертвой точки. Учитывая нашу незастрахованность от повторения Чернобыля, эти меры являются сегодня жизненно важными.

В ближайшее время мы считаем необходимым:

1. Создание независимого центра по контролю за атомными исследованиями, атомной промышленностью и атомной энергетикой, в котором были бы представлены в равном составе эксперты Востока и Запада (как ядерных, так и неядерных стран) и представители независимых мирных, экологических и "зеленых" движений и организаций. В обязанности данного центра должно входить:

а) контроль за уровнем радиации на территориях стран Востока и Запада и особенно на объектах ядерной энергетики;

б) исследования в области защиты от радиации и распространение средств и знаний о такой защите как на государственном, так и на общественном уровне;

в) контроль за всеми АЭС, как за их эксплуатацией, так и за мерами защиты, включая контроль за проектами строящихся АЭС.

Центр должен иметь право контроля на местах.

2. Распределение средств дозиметрического контроля среди населения, а также на промышленных предприятиях и в органах местного самоуправления.

3. Распространение среди населения знаний о средствах защиты против радиации и распространение самих этих средств.

4. Широкое и оперативное информирование граждан своей страны и всего мира в случае нарушений правил эксплуатации АЭС, радиоактивного выброса или аварии.

5. Публикация статистических данных о последствиях Чернобыльской катастрофы в области онкологических и других заболеваний, смертности, патологической рождаемости, экологических загрязнений.

6. Немедленная приостановка всех действующих реакторов типа РБМК и отказ от строительства новых реакторов этого типа.

7. Пересмотр нынешних программ атомной энергетики с целью принятия действительно эффективных мер безопасности.

8. Создание альтернативных программ по использованию неядерного топлива, ускорение исследований в области поиска новых видов энергии. Выделение дополнительных средств на эти программы и исследования.

9. Проведение открытых научных исследований по вопросам влияния радиоактивности на жизнь человека (в области генетики, медицины, экологии, демографии и т.д.).

10. Формирование широкого общественного мнения в области энергетики. С этой целью организовать проведение цикла радио- и телепередач, выступлений в прессе с привлечением ученых различных областей и активистов мирных движений.

Со своей стороны группа "За установление доверия между Востоком и Западом" намерена и дальше проводить работу по изменению общественного мнения в отношении к ядерной энергетике. С этой целью группа организует к годовщине Чернобыльской катастрофы семинар "Новое мышление в эпоху ядерной энергетики" и приглашает принять в нем участие активистов мирных движений Востока и Запада, а также всех заинтересованных лиц. Организуется сбор подписей под предложением группы доверия "Голосуем за пересмотр программ по ядерной энергетике!" Разделяющие нашу позицию в этом вопросе и согласные с вышеназванными предложениями могут подписать это письмо.

*Группа "За установление
доверия между Востоком и Западом"*

31 марта 1987 г.

ГДЕ-ТО НЕПОДАЛЕКУ ОТ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ

О радиационной опасности пишут сегодня много... На Западе, между прочим, писались немало и до Чернобыля. За несколько месяцев до роковой ночи 26 апреля в Англии был опубликован отчет о росте числа заболеваний раком среди военнослужащих военных баз, где размещено ядерное оружие, и среди населения прилежащих городков. Еще большее впечатление, чем сам отчет, произвел на англичан фильм, снятый Йоркширским телевидением и называвшийся "Внутри британской атомной бомбы". Телевизионщики побывали на заводах, где производится очищенный плутоний, и на военных базах с ядерным оружием. Все "объекты" были названы своими именами: заводы в Уэльсе, авиабаза в Корнуолле, базы подводных лодок в Шотландии. Я полагаю, что журналистов не подпустили к тому, что действительно составляет военный секрет, но нельзя не признать, что открытое обсуждение таких проблем, как рак или импотенция у военнослужащих, связанных с ядерным оружием, как-то трудно себе представить в СССР. Между тем, в Англии прошедшей зимой эту тему обсуждали повсеместно — даже в самых аристократических и патриотических лондонских клубах.

В Советском Союзе все, связанное с облучением в армии или на производстве расщепляющихся материалов, — государственная тайна. Западные ученые знают, что спрашивать об этом у советских коллег так же бестактно, как, например, о местонахождении ракетной базы. Впрочем, что касается баз, — это секрет прежде всего от собственно населения, ибо "компетентным советским органам" не так-то просто укрыть от не менее компетентных западных разведок даже передвижную установку для запуска ракет. Что же говорить о целой базе или об атомной подводной лодке!

Но я не собираюсь вторгаться в сферу военных тайн ни Запада, ни Востока. Я хочу поговорить о влиянии радиации на здоровье англичан. Поговорим о туманном Альбионе, но всегда будем помнить, что доза радиации, вредная для здоровья британца, живущего, скажем, на расстоянии пяти миль от Коулпорта, точно также вредна советскому гражданину, живущему в восьми километрах от Н-ской военной части.

Среди прочего упомянутый выше отчет (равно как и другие исследования воздействия малых доз радиации на здоровье) приводит к следующим заключениям.

1. Число детей, заболевших и умерших от лейкемии, в районах плутониевых заводов и военных баз в 5–10 раз выше среднего уровня по стране.

2. Число дефективных детей, родившихся в семьях моряков атомной подлодки Resolution, примерно в 13 раз выше среднестатистического.

3. Повышенное число дефективных детей рождается также и в семьях докеров, которые время от времени участвуют в погрузках ядерных материалов.

4. В целом смертность среди людей, регулярно получавших низкие дозы радиации, была на 5% выше средней по стране.

5. Смертность от рака среди курильщиков, получавших низкие дозы радиации, была в четыре раза выше смертности некурящих, подвергавшихся такому же облучению.

6. Дозы, равные примерно 20 рентгенам, могут привести к временной импотенции у мужчин. Были случаи, когда временная импотенция переходила в постоянную.

Во всех случаях речь идет о людях, подвергавшихся облучению, которое *считается безопасным*. Но они подвергались ему на протяжении нескольких лет, а в случае детей — также и во внутриутробном состоянии.

Пять процентов — это звучит не очень страшно. Курение, например, уровень смертности повышает куда больше. Британская общественность тем не менее была крайне встревожена. В течение 24 часов после показа фильма по национальному телевидению была создана специальная комиссия для дальнейшего изучения проблемы.

Пять процентов — это, может быть, и немного, если число тех, кто подвергается облучению, сведено к минимуму, если население информировано, что и в какой мере угрожает его здоровью. После публикации отчета и показа фильма некоторые англичане из опасных поселков решили их покинуть, другие переехали подальше и теперь приезжают в эти поселки лишь на работу.

Еще до появления этих данных стандарт допустимой дозы радиации для работников атомной промышленности (включая атомные электростанции) в Англии был снижен примерно до 1,5 рентген/год. Для сравнения напомним, что в Советском Союзе аналогичный стандарт — 5 рентген/год. Относительно вреда, который причиняет человеку доза радиации ниже 10 рентген в год, среди ученых существуют разногласия. Многие люди, получая такую дозу, остаются здоровыми и рожают здоровых детей. Если кто-то и заболевает через много лет, то как узнать истинную причину заболевания? Может быть, после облучения человек курил, пил, ел пищу, содержащую канцерогенные вещества. Доктор Томас Манкусо сумел тем не менее доказать, что в ряде случаев именно низкие дозы радиации были фактором, приведшим к раку, хотя скрытый период заболевания продолжался 19 лет!

Однако далеко не все специалисты согласны с Манкусо. Данные, полученные в Хиросиме и Нагасаки, оказались статистически недостаточными, чтобы убедительно доказать, что низкие дозы могут вызвать рак или повреждения генетического аппарата. У Советского Союза есть свой опыт массового облучения в результате кыштымской катастрофы 1957 г., когда пострадали десятки тысяч человек. Официально советские власти не признают, что кыштымская катастрофа вообще произошла. На очередной вопрос американского эксперта один московский чиновник ответил: "Ну что вы спрашиваете? Вы же лучше меня знаете, что там было." Но отрицание — отрицанием, а советские специалисты, безусловно, внимательно анализировали полученные после катастрофы данные.

В советских публикациях о Чернобыле можно не раз встретить утверждение о том, что безопасными являются дозы облучения до 25 рентген. Именно такую дозу разрешалось набрать солдатам, присланным для работ в район Чернобыльской АЭС, прежде чем их оттуда отзвали. На конференции экспертов МАГАТЭ в Вене в августе 1986 г. советские представители туманно намекали на проведенные в СССР серьезные исследования, которые якобы доказывают безвредность таких доз для человека (исследования эти, впрочем, до сих пор не опубликованы). Средства защиты от радиации — усиленные экраны, толстые покрытия — обходятся недешево. Чем мощнее защита, тем больше рас-

ходы. Поэтому изменение стандарта допустимой дозы облучения даже на долю рентгена имеет огромное значение. Оно может сэкономить десятки миллионов рублей или, напротив, привести к столь же большим дополнительным затратам. Если какие-то исследования показали, что можно поднять норму до 25 рентген,— это сенсация. Но, с другой стороны, ни сами данные, ни методология исследований не публикуются... Странно, товарищи!..

Доза радиации до 5 рентген/год, согласно рекомендациям Международного агентства по атомной энергии, считается безопасной для работников ядерной промышленности. СССР, как мы уже говорили, установил норму 5 рентген, Англия — 1,5. Для населения СССР тоже устанавливает допустимый предел по максимуму, прочие страны — скорее по минимуму. Вольному воля, как говорится. Только вот какая воля у солдата, который понятия не имеет об уровне облучения, которому он может подвергнуться вблизи склада с ядерными боеголовками или места захоронения радиоактивных отходов? Некоторых это не очень волнует, они полностью доверяют словам командира, которому другой, более высокий командир на основании сведений, полученных от третьего командира, сказал, что "все в порядке". Ну, а те вольнодумцы, в военной ли форме, в гражданском ли, которые хотят прочесть что-нибудь о воздействии низких доз радиации на организм человека, как они могут это сделать?

Пожалуйста, скажут советские представители, есть журнал — Бюллетень Международного Агентства по атомной энергии. Не только СССР, но и Украина и Белоруссия, как члены ООН, активно участвуют в работе Агентства, и журнал этот издается по-русски. На титульном листе фигурирует адрес московской редакции — Г- 2200, Смоленская-Сенная улица 32—34, Международная книга. Если почему-либо вам не удастся подписаться на русскоязычное издание (я слышал, что почему-то *не всем* удается), те, кто владеют английским, могут получить *бесплатно* англоязычное издание из Вены. Адрес следующий: P.O. Box 100, International Atomic Energy Agency, A- 1450, Wien, Österreich. Впрочем, мы подозреваем, что и тут любопытный встретится с *трудностями* (не в Вене, конечно).

Сколько тысяч людей находятся "внутри советской атомной бомбы"? Все ли они работают по своей воле? Трудно сказать. Важно другое — отношение к ним со стороны властей. Если даже эти трижды проверенные люди не удостоиваются правдивой и полной информации об опасности, которой они подвергаются, то чего могут ожидать простые граждане? Те, что живут возле военных баз, неподалеку от номерных институтов и заводов, в районе "мирных" атомных реакторов?

Когда советские люди будут решать сами, как и жители туманного Альбиона, какой уровень радиации они считают приемлемым для себя, для своих детей? Если нельзя еще точно определить предел дозы опасного облучения, то дайте человеку возможность решить, насколько он хочет приближаться к опасной зоне. Разве это так много, разве это не входит в понятие элементарной социальной справедливости?

Борис Комаров

ПОПРАВКА

В статье А.Ясакова "Кое-что о прозе и публицистике Виктора Астафьева" (№ 12, 1986 г.), в последней строчке первого абзаца допущена опечатка. Вместо "Ю.Тимофеев" следует читать: Ю.Трифонов.

“ГЛАСНОСТЬ” В УСЛОВИЯХ ГЛАСНОСТИ

Что делают бывшие политические заключенные, недавно освобожденные из лагерей и тюрем (см. “Страна и мир” № 1 и 2 за 1987 г.)? Начиная, хоть и осторожно и непоследовательно, процесс освобождения политзаключенных, М.Горбачев и его сподвижники конечно не могли не думать о том, какую линию поведения выберут эти люди, вернувшись домой.

Судьбы их складываются по-разному. Одни эмигрируют. Другие, устав и изверившись, уходят от активной общественной жизни. Их можно понять и трудно осуждать. Третьи – возобновляют свою прежнюю деятельность, прерванную арестом. Эту деятельность сам М.Горбачев в своем телефонном звонке А.Сахарову назвал патриотической. Трудно сказать, имеем ли мы право толковать слова М.Горбачева расширительно, относя их ко всем правозащитникам (или, по-западному, “диссидентам”). Однако даже если сам М.Горбачев это и не имел в виду, общественную деятельность правозащитников, которая привела их в лагеря, можно по самой высшей мерке назвать патриотической. Многие из них были репрессированы как раз за то, за что сейчас выступает генеральный секретарь, – за призывы к гласности, демократизации, экономической реформе. Может быть, они это делали лишь более энергично и последовательно.

Неудивительно, что многие недавно освобожденные политзаключенные с энтузиазмом поддерживали провозглашенную кампанию гласности. Не для всех эта поддержка оказывается легким делом (см. письмо А.Мясникова в настоящем номере). Демократизация общества еще не зашла так далеко, чтобы помощь бывшего политзаключенного была принята с энтузиазмом. Тем не менее энтузиасты не оставляют попыток – как не оставляли они их и в более трудные времена.

В мае группа бывших политзаключенных объявила, что она намерена приступить к изданию нового независимого журнала под многозначительным теперь названием “Гласность”. На созванной в Москве пресс-конференции для советских и иностранных журналистов (советские не явились) будущий главный редактор “Гласности” и бывший политзэк Сергей Григорьянц пояснил, что “в противоположность нашей прежней деятельности, мы не ищем конфронтации с властями. Мы пытаемся заполнить пробелы в имеющейся информации в областях, не освещаемых или лишь частично освещаемых в официальной прессе”.

Новый журнал предполагается издавать вполне открыто. Первый пробный номер будет представлен на одобрение секретарю ЦК КПСС, кандидату в члены Политбюро Александру Яковлеву, ведающему вопросами пропаганды. А.Яковлев считается в московских кругах главным архитектором политики гласности. С.Григорьянц заявил также, что редколлегия “Гласности” не возражает, чтобы новый журнал подвергался просмотру в Главлите.

В журнале предполагается публиковать информацию, небольшие статьи, документы. В первом номере намечается поместить речь одного из прокуроров о коррупции в ряде союзных республик, материалы о сопротивлении реформам на московском заводе, обзор положения освобожденных политзаключенных, литературный портрет пятидесятника-политзаключенного Ивана Федорчука, заметки о семинарах и выставках, проходивших в Москве. А.Сахаров согласился предоставить для первого номера небольшую статью и участвовать в пресс-конференции в связи с выходом первого номера, хотя в редколлекцию он и не вошел. Журнал в целом будет сосредоточиваться на вопросе о правах человека, еврейских и прочих религиозных проблемах, экологии, то есть на темах, наименее освещаемых в официальной печати. В № 3 журнала пред-

полагается опубликовать интервью, взятое у А.Сахарова в январе 1987 г. "Литературной газетой", но так и не опубликованное.

Журнал должен выходить три раза в месяц, и редколлегия сообщает, что у нее уже накопился материал на 15 номеров, то есть на 5 месяцев вперед. Первоначальный его тираж – 100 экземпляров, но в дальнейшем его планируется увеличить. Печатать журнал предполагается в небольшой кооперативной типографии (такая уже существует в Москве), которая пока занята печатанием визитных карточек и тому подобных мелочей.

Инициаторы нового издания – если оно начнется, то это будет первое независимое открытое издание в современной истории СССР – надеются, что разрешение будет получено, хотя официальной реакции пока еще нет. Впрочем, как заявил С.Григорьянц, "если мы не получим официального разрешения, мы так или иначе начнем издание; это будет труднее, но мы это сделаем".

Можно не сомневаться, что именно так они и поступят. Об этом ясно говорит состав инициативной группы "Гласности". В нее входят вдова погибшего в Чистопольской тюрьме писателя Анатолия Марченко, одна из зачинателей правозащитного движения в Советском Союзе Лариса Богораз; бывший политзаключенный экономист Лев Тимофеев, в свое время порвавший с накатанной карьерой партийного публициста и опубликовавший в Самиздате и за рубежом ряд блестящих очерков о советской экономике (многие его идеи сейчас открыто провозглашает М.Горбачев); ведущий еврейский активист, недавно освобожденный из Чистопольской тюрьмы Иосиф Бегун; только что освобожденный из ссылки священник о.Глеб Якунин; активист независимого мирного движения в СССР физик Юрий Хропонуло; писатель А.Сац, племянник А.Луначарского, сын бывшего члена "твардовской" редколлегии "Нового мира" И.Саца.

Стоит сказать подробнее о главном редакторе – Сергее Григорьянце. Он родился в 1941 г., по специальности литературовед, автор примерно 100 статей в "Литературной энциклопедии" и в ряде журналов, а также книги об А.Грибоедове. До своего первого ареста в 1975 г. С.Григорьянц не принимал никакого участия в правозащитном движении, но был хорошо знаком с известным писателем Андреем Синявским – первым видным политзаключенным брежневского времени, арест которого был искрой, зажегшей правозащитное движение. После освобождения и эмиграции А.Синявского С.Григорьянц арестовали, предъявив ему обвинение по ст. 190¹ УК РСФСР – "распространение клеветни-

Сергей Григорьянц

ческих измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй".

Следователи в обмен на немедленное освобождение предложили ему написать "разоблачительную" статью о писателях-эмигрантах: А.Синявском, В.Некрасове и А.Белинкове. С.Григорьянц отказался и был приговорен к 5 г. лагерей по ст. 190¹ и ст. 154 ч.2 ("спекуляция"; – в семье С.Григорьянца еще с середины XIX в. собирались коллекции). Наказание С.Григорьянц отбывал в лагере в Ярославской области, а затем в Чистопольской и Верхнеуральской тюрьмах.

Позднее, уже на своем втором суде, С.Григорьянц сказал, что если он чем-то и гордится в своей жизни, так это тем, что выдержал карцер Верхнеуральской тюрьмы (бывший знаменитый политизоллятор, через который прошли многие социал-демократы и эсеры – уже в советское время), не сойдя при этом с ума и не потеряв совести. После этого ему стало ясно, что возврат к прежней спокойной и благополучной жизни для него более морально невозможен.

В 1980 г., когда С.Григорьянц вышел из тюрьмы, составлялись последние номера "Хроники текущих событий", главного и самого знаменитого самиздатского журнала правозащитного движения. Вскоре это информационное издание перестало существовать. С.Григорьянц понял, что возникший пробел необходимо заполнить. Кто-то должен собирать и предавать гласности информацию о политических арестах, судах, положении политзаключенных. С.Григорьянц стал редактором бюллетеня, озаглавленного одной лишь буквой "В". Его в свое время основал арестованный к тому времени Иван Ковалев (см. "Страна и мир", № 7 за 1984 г.). В отличие от "Хроники", бюллетень "В" не был предназначен для широкого распространения, но свою роль

информатора для мировой прессы выполнял лично.

С. Григорьянца арестовали во второй раз в феврале 1983 г., на этот раз – как редактора "В". Приговор – 7 лет лагерей и 3 года ссылки. Срок этот досидеть ему не пришлось: в феврале этого года его освободила из Чистопольской тюрьмы горбачевская "перестройка".

Когда этот номер журнала отправляли в печать, из ЦК КПСС ответа на обращение С. Григорьянца еще не поступило. Каким будет этот ответ – от этого во многом будет зависеть реальная оценка политики гласности. ●

ОПАСНАЯ СЛУЖБА

Советские ВМС обладают сейчас крупнейшим в мире подводным флотом. В состав этого флота входят самые большие из когда-либо построенных подводных лодок – лодки класса "Тайфун" водоизмещением 24 тысячи тонн. Лодки "Тайфун" несут по 20 запускаемых из подводного состояния баллистических ракет с ядерными боеголовками типа SSN-20.

Помимо подводных лодок – носителей баллистических ракет, советские ВМС обладают еще 360 атакующими подлодками (100 из них сейчас находятся в резерве). Почти половина советского подводного флота составляют лодки с ядерными двигателями: доля их в 1966 г. составляла 13%, через 10 лет достигла 39%, в восьмидесятые годы сохранялась на уровне 43%.

Профессия моряка-подводника всегда и везде была опасной, но, по-видимому, служба в советском подводном флоте требует особого мужества. Число аварий, пожаров, утечек радиации на советских подлодках значительно выше среднестатистического для подводного флота вообще.

Хотя до недавнего времени Советский Союз хранил в секрете статистику аварий, все же стало известно, что за последние 20 лет в советском подводном флоте произошло не менее 24 аварий. Из этого числа лишь 5 случилось на лодках с дизельными двигателями. Конструкция советских двигательных установок дизельного типа была унаследована еще из немецких разработок времен Второй мировой войны, они в целом достаточно просты в производстве и надежны. Не то – лодки с ядерным двигателем.

Первое сообщение об аварии советской ядерной подлодки поступило в 1966 г., когда была замечена утечка радиации на одной из лодок Северного флота. Портом приписки аварийной подлодки был Полярный. Судно вошло в порт, и капитан попросил разрешения последовать непосредственно в док. Разрешения дано не было, но

капитан тем не менее направил судно к причалу. Когда лодка приблизилась к пирсу, несколько членов экипажа прыгнули с него и бросились враспынную. Была создана "особая бригада" для ремонта подлодки, часть экипажа была отправлена на островок близ Мурманска для лечения от последствий радиационного облучения. Судьба этих людей неизвестна.

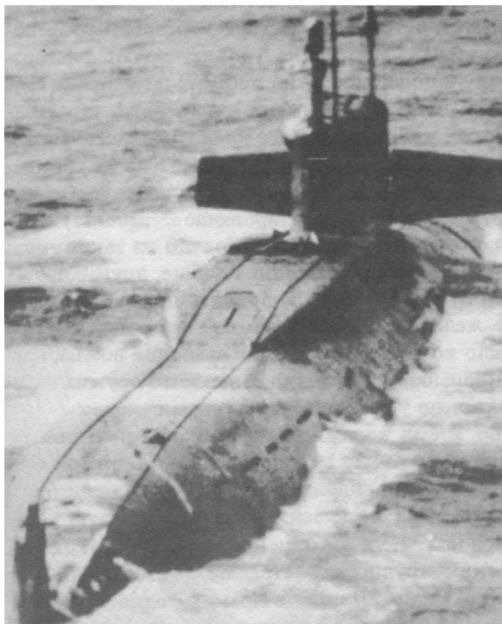
Другой случай утечки радиации на подводной лодке Северного флота произошел во время патрулирования у берегов Северной Америки в декабре 1972 г. Обычно при обнаружении утечек радиации на борту погруженной подлодки экипажу следует как можно скорее изолировать место аварии. В данном случае неполадки обнаружили в минно-торпедном отсеке в передней части подлодки: утечка возникла из ядерной боеголовки торпеды. В соответствии с правилами, были немедленно задраены двери, ведущие в аварийный отсек. В зоне повышенной радиации осталось несколько человек. Ряд советских боевых кораблей и самолетов экскортировал подлодку в порт приписки Североморск. Путь домой со скоростью в 2–3 узла занял шесть недель. Несколько членов команды скончались вскоре после прибытия домой, еще несколько скончалось позднее. Большинство экипажа в той или иной степени было поражено лучевой болезнью.

Еще один несчастный случай произошел в октябре 1981 г. на Балтике. Подлодка была повреждена в результате ряда внезапных и сильных ударов (взрывов?). Аварийная зона была немедленно изолирована, в ней оказались запертыми несколько несших там службу членов команды. Лодка была неспособна двигаться самостоятельно, и ее взяли на буксир. Буксировали ее только под покровом темноты, путь до Калининграда занял целых 36 часов. Моряков из поврежденного отсека срочно отправили для госпитализации в Ригу. Официальное объяснение семьям было таково: на борту эпидемия. Тем не менее все госпитализированные показывали типичные признаки лучевой болезни: выпадение волос, потеря веса и т.п. В живых не остался никто.

В 1977 г. 12 советских офицеров ВМС, служивших на ядерной подводной лодке, были срочно эвакуированы из Северной Атлантики в Ленинград через Канаду. Причина срочной эвакуации объяснена не была. Известно лишь, что офицеров с борта подлодки сняло рыболовное судно.

В 1968 г. на советской ядерной подводной лодке "Ленинский комсомол", находившейся близ Северного полюса, возник пожар. Несколько членов экипажа сгорели заживо в закрытом отсеке. Подлодка была спасена. О походе "Ленинского комсомола" под полярными льдами к

Советская подводная лодка, затонувшая в октябре 1986 г.

полюсу писала советская пресса, но о пожаре упомянуто не было.

В октябре 1976 г. возник пожар на ядерной подлодке в Северной Атлантике. Пожар начался в ракетном отсеке, три офицера погибли. Подлодка самостоятельно вернулась в родной порт. Еще одна советская подлодка загорелась во время маневров "Океан-70" близ Фарерских островов. В момент аварии лодка была пришвартована к плавучей базе. Части экипажа было приказано перебраться на базу. Пожар быстро распространился по направлению к ядерному реактору. Капитан приказал немедленно отойти от базы, и лодка затонула, унеся с собою множество жизней.

В 1977 г. пожар возник на лодке, действовавшей в Индийском океане. Погибло несколько членов команды. Подлодка всплыла, чтобы можно было погасить пожар, что удалось лишь через несколько дней. Советский траулер отбуксировал лодку во Владивосток. Об этом эпизоде много писала мировая пресса, но ничего – советская.

Всего известно о восьми пожарах на советских подводных лодках, причем лишь две из них были дизельными. В результате пожаров затонули три лодки, в том числе – две ядерные. Одна – класса "Гольф" – затонула в Тихом океане со всем экипажем. Случаев утечки радиации извест-

но по крайней мере семь, в четырех случаях последовала немедленная смерть членов экипажа, многие умерли позднее.

Пожалуй, не менее опасен общий высокий радиационный уровень на советских ядерных подлодках. Нередки случаи возникновения лучевой болезни и смертей у членов экипажа помимо всяких аварий. Известно о случае досрочной (на 6 мес. раньше) демобилизации моряка-подводника с ядерной лодки, который весь 1975 г. провёл в больнице и скончался в 1976 г. Советские лодки настолько "грязны", что в 1974 г. во время маневров советские подводные суда обнаружили погруженную ядерную подлодку по оставшемуся радиационному следу! А лодка не была в аварийном состоянии.

Какие классы советских подлодок наиболее ненадежны? Трудно сказать, ибо нужно принимать в расчет не только число аварий, но и число лодок данного класса. Пожалуй, печальную пальму первенства держат лодки класса "Эхо-2", затем класса "Янки" и, наконец, "Виктор".

Последний из трагических эпизодов имел место незадолго до встречи М.Горбачева и Р.Рейгана в Рейкьявике в октябре 1986 г. Лодка класса "Янки" потерпела аварию в полутора тысячах километров от юго-восточного побережья США. В результате короткого замыкания загорелось жидкое топливо в одной из ракет с ядерными боеголовками, находившихся на борту. В результате развившегося жара и ядовитого дыма погибло на месте трое и многие пострадали. Взрыв нарушил целостность корпуса в ракетном отсеке, началось затопление. Ядерный реактор был отключен из соображений безопасности, и лодка пыталась вернуться домой на вспомогательных дизельных двигателях. Это не удалось, и торговое судно "Красногвардейск" взяло лодку на буксир. Не удалась и буксировка: лодка затонула. Эта авария была первой, о которой, хотя и глухо, упомянула советская пресса.

Эта последняя авария, конечно, не увеличила доверия моряков к надежности конструкций советских подлодок – по крайней мере, такого класса. Однако лодки класса "Янки" нелегко будет быстро снять с вооружения. Тем не менее их, как старейшие советские подводные лодки с баллистическими ядерными ракетами на борту, будут, конечно, постепенно заменять. На смену им придут лодки "Дельта-IV" и, особенно "Тайфун", о котором мы писали в начале нашего рассказа. Первый "Тайфун" был спущен на воду в 1980 г., полностью вступил в строй в 1982 г. Второй спустился в 1987 г. и, видимо, сейчас он уже тоже в строю.

Можно надеяться, что они будут более надежными. Однако оправдаются ли эти надежды? В конце концов, выясняется, что и военная техника, самая передовая в Советском Союзе, тоже страдает от общей технологической отсталости страны. ●

ТОРГОВЛЯ СМЕРТЬЮ

Советская пропаганда пустила в оборот этот термин. Торговцами смертью называют тех, кто продает оружие в районы политической напряженности — естественно, оружие покупает прежде всего тот, кто намерен его вскоре использовать. Посмотрим, однако, насколько успешно развивается торговля этого рода товаром сам Советский Союз.

Советский Союз — одна из ведущих стран в торговле оружием. Торгует СССР любым оружием, кроме, пожалуй, ядерного и стратегических ракет. Главный покупатель — страны Третьего мира, как непосредственно зависящие от Советского Союза, вроде Никарагуа и Эфиопии, так и относительно независимые, как Ливия или Ирак.

Мотивы продажи оружия иногда бывают чисто политическими, иногда — преимущественно коммерческими. Чаще всего сочетается и то, и другое. Поставки советского оружия позволяют укрепить влияние Советского Союза в странах с левым режимом, являясь в то же время надежным источником твердой валюты. Поставка оружия в Никарагуа имеет чисто политическое значение, ибо запасы долларов у этой страны ничтожны. Ливия, Сирия и Ирак платят щедро. Поставки в Анголу — также преимущественно политические, но эта африканская страна тоже платит наличными.

Объем торговли исчисляется миллиардами. В 1983 г. было продано оружия на 6,03 млрд. долларов, в 1984 г. — на 7,28 млрд. В 1985 г. объем торговли несколько упал — до 6,68 млрд. 91% этих поставок оружия составила продажа в некоммунистические страны Третьего мира с левыми режимами. Для 1986 г. данных еще нет.

Страны Третьего мира привлекает возможность получить быстро (сроки советских поставок менее года, американских — 2–3 года) не обязательно сверхсовременное и поэтому сравнительно недорогое оружие. Советский Союз именно такое и поставляет. Самолеты МиГ-21, давно уже не представляющие собою последнего слова советской авиации, используются в странах Третьего мира большим спросом. Недорогой танк Т-55 настолько был нарасхват, что в начале 80-х гг. было возобновлено его прекращенное было производство.

Времена, однако, постепенно меняются, меняются и требования даже консервативных покупателей. Многих не удовлетворяют финансовые условия: высокий процент и короткие сроки выплат. Но важнее то, что многие страны — Индия, например, — перестают удовлетворяться устаревшим оружием. Нужны уже не только танки и автоматы Калашникова, но современное оружие, компьютеризированное, использующее электронные устройства. Кое-что из такого оружия СССР не производит вообще, другое производит, но не хочет поставлять другим странам, не желая раскрывать важные секреты, как это было во время израильско-арабской войны, когда большое количество советского оружия было захвачено у арабов израильянами.

Во время военной конфронтации на Ближнем Востоке в 1982–1984 гг. выявились низкие боевые качества советского оружия, поставленного Сирии. Оно начинает терять свою былую популярность. Не в этом ли — а не только в экономических трудностях стран-покупателей, прежде всего Сирии, Ливии и Ирака — одна из причин снижения объема закупок советского оружия в последние годы?

Советские поставки дополняются поставками из других стран Варшавского пакта. Эта торговля имеет целью прежде всего добычу долларов. 70% ее идет со странами Ближнего Востока, где твердая валюта имеется в изобилии.

В 1983 г. лидировала в продаже оружия в страны Третьего мира ГДР (242 млн. долл.). За нею шла Чехословакия (180 млн.). Но уже через два года, в 1985 г., ситуация изменилась. На первое место неожиданно вышла Румыния, удвоившая за это время объем своей торговли — с 96 до 189 млн. долларов. От нее отстала даже ГДР (188 млн. в 1985 г.). Чехословакия снизила объем торговли оружием и перешла на третье место (165 млн.). В целом объем продажи оружия странами Варшавского пакта (без СССР) за последний год, для которого имеются данные (1985 г.), вырос на 36%.

Продажа оружия подкрепляется посылкой военных советников. В странах Третьего мира служат 16 тысяч советских военных советников, 4 тысячи восточноевропейцев, 46 тысяч кубинцев. Большинство восточноевропейцев и кубинцев находятся в Африке к югу от Сахары, да еще 3 тысячи кубинцев — в Латинской Америке. "Наши парни" служат преимущественно на Ближнем Востоке (6 500 чел. в 1985 г.), в Южной и Восточной Азии (3 500).

И то ведь, если подумать, — что имеем, тем и торгуем.

Комментирует
Р. БАХТАМОВ

Рисунки Т. Кофьян

Закон о государственном предприятии ждали многие. Прежде всего, конечно, те, кто на предприятиях работает. В середине семидесятых руководитель ленинградского машиностроительного объединения, выступая на закрытом совещании, раскрыл нехитрый производственный секрет. "Мы давно знаем, — сказал он, — что коренного ленинградца на завод калачом не заманишь. Но в последние три года наши вербовщики даже из провинции возвращаются с пустыми руками. А ведь мы даем комнату в общежитии и городскую прописку, гарантируем приличную зарплату. Что-то такое произошло с производством, если на шкале приоритетов даже провинции оно оказалось на нуле".

Для меня точкой отсчета был не провинциальный ноль, а величина отрицательная — лагерь. По сравнению с ним любой работе надлежало казаться раем. Каждое утро, собираясь на завод, я внушал себе, что гневлю Бога. И ничего не мог с собой поделать. Меня не оставляло ощущение, что на заводе хуже.

Буквально во всем. Там рабочий день был двенадцать часов, здесь он был бесконечен. В начале месяца, вставая в пять, я возвращался к девяти вечера; в конце — мы выбирались за проходную в два часа ночи, а часто и ночевали в цеху. В лагере, когда машина ломалась, не было материалов или инструмента, мы загорали. У заводского инженера именно в это время начиналась настоящая работа: нужно было бегать, ругаться, умо-

лять, ловчить. ”У правоверного мусульманина, — говорил наш директор, — один Аллах. У нас — два: план и зарплата рабочего. Инженер, который не может дать человеку заработать, — не инженер”.

Вместе с фрезеровщиком я гадал, как выполнить операцию непригодной для этого фрезой. Вместе с разметчиком ломал голову над заготовками. Заготовки не укладываются в шаблон, по правилам их надо выкинуть. Но выкинуть — значит сорвать план, ибо других нет и не будет. Допустить отклонение от размеров? Но изделие, которое мы кроили, — крюк. На этом крюке висит многокилометровая колонна нефтяных труб весом в сотни тонн. И я, и разметчик понимали, что ждет нас, если колонна рухнет в скважину, а экспертиза установит, что крюк изготовлен с отступлением от размеров.

Закрытие нарядов — с криками до одури. Теплая водка в зеленовато-грязных стаканах: ею полагалось отмечать примирение. Тупая боль в висках. Все, что мы делали, имело смутное отношение к технике. Так, наверное, работали где-нибудь в Елабуге в восьмидесятых годах прошлого столетия.

В лагере у меня был большой срок. Но любой срок кончается. Срок, к которому я приговорил сам себя, выбрав профессию инженера, был бесконечен. Мысль, что до конца жизни мне предстоит бегать, ругаться, елозить во имя придуманного кем-то Плана, была нестерпима.

В 1980 году я случайно попал на тот же завод. ”Теперь получше?” — спросил я единственного сохранившегося с тех времен сослуживца. Он посмотрел на меня. ”Куда там! Еще хуже.”

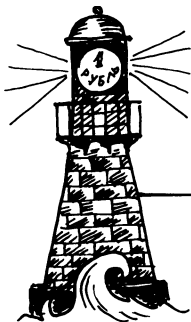
Однако закона о предприятии ждали и люди, далекие от производства. Генеральный секретарь и газеты достаточно откровенно намекали, что обещанная перестройка грядет, и начнется она именно с этого закона.

Может быть, не все поняли, но большинство почувствовало: во второй половине 1986 года что-то произошло. Программа перестройки, заявленная вначале как программа по преимуществу экономическая, неожиданно забуксовала и расползлась в стороны. В сторону гласности и освобождения политических заключенных. В сторону выборности. В сторону разоружения. Слов нет, все это было не только эффективно, но и важно. Важно даже для производства. Производительность труда зависит, среди прочего, и от общей атмосферы в стране. Но не будем преувеличивать: еще больше она зависит от состояния станков, инструмента, снабжения, от организации производства, от оплаты труда.

В своих первых программных выступлениях — в апреле и июне 1985 года — М.С.Горбачев сформулировал программу достаточно четко. Основные цели: ускорение научно-технического прогресса, переход с экстенсивного пути развития на интенсивный, коренное улучшение качества продукции. Основное средство: перестройка механизма хозяйствования, замена административных методов управления экономическими.

Нельзя сказать, чтобы ничего не делалось. Недавно академик Аганбегян назвал цифры. За последние два года принято 140 решений, направленных на улучшение хозяйственной деятельности. Но уже одно это количество внушает подозрения. Ясно, что того *единственного* закона, который изменил бы всю систему хозяйствования, еще нет.

Сто сорок ламп не заменят одного солнца. Горбачев, надо отдать ему справедливость, и не пытался убедить публику, что перестройка совершилась. Напротив, он подчеркивал, что процесс только начался, что подлинно революционные сдвиги впереди: вот уж... Это ”ужо” и сфокусировалось на грядущем Законе о государственном предприятии. Именно он должен был вернуть перестройку на основную колею экономики.

Глава I,

о законах естественных и искусственных,
технике зажигания маяков и о многом другом

Гласность гласностью, а закон, вынесенный на всенародное обсуждение (да еще закон основополагающий), полагается встречать аплодисментами, криками восторга и умиления. Проект закона о предприятии не избежал общей участи. Более того, к ритуальным восторгам на сей раз прибавились искренние чувства. Многих, очень многих поразило, что закон предусматривает и действительное расширение самостоятельности предприятий, и демократизацию их внутренней жизни. Необычной была даже четкость формулировок. За долгие годы мы привыкли к тому, что в хозяйственной сфере действуют особые нормы. Видимо, сами законодатели испытывали неловкость. Просто бес тактно, чтобы какой-то закон стеснял действия персон, озабоченных высшими государственными соображениями.

Итак, перед нами тот счастливый (или несчастный?) случай, когда закон действительно встретили с одобрением. Странно, однако, что эта первая реакция скоро заглохла. Чем дальше шло обсуждение, тем явственнее в откликах проскальзывали "но". От статьи к статье число этих "но" росло, а сами они становились все серьезнее. В чем дело?

Отметим попутно частный, но любопытный момент. В июньском (1985 г.) докладе М.С.Горбачев ясно обозначил последовательность перестройки: "Начинать надо с верхних эшелонов". Однако начал он почему-то не с Госплана, министерств и ведомств, а снизу, с самих предприятий. Не потому ли, что это главное звено, что именно здесь создаются материальные ценности? Но ведь есть и другая, не менее важная сторона производства — вопрос, какие именно ценности предприятию надлежит создавать, в каких количествах, какого качества. При существующем порядке он решается в верхних эшелонах. Не станем утверждать, что без перестройки этих эшелонов или, что еще существенней, *этого порядка* подлинные перемены невозможны. Выразимся мягче: сомнительны.

Помилуйте, скажут мне, но одна из основных задач нового закона — изменение этого порядка, системы отношений, связывающих предприятие с вышестоящими инстанциями. Отныне его деятельность будет регулировать критерии сугубо экономические. Самофинансирование. Хозрасчет.

Звучит, конечно. Только что это означает на практике? К примеру, самоокупаемость возвращает нас к азам экономики, к пониманию той очевидной истины, что предприятие должно не просто покрывать собственные расходы, но приносить хоть какую-то прибыль. Иначе зачем оно? Однако то, что в условиях нормальной экономики кажется аксиомой, совсем не бесспорно для экономики социалистической. Поскольку предприятие со всеми его потрохами остается государственной собственностью, государство вправе распоряжаться его доходами (чуть позже мы покажем, как это делается в новых условиях). С другой стороны, отсутствие прибыли или даже хроническая убыточность предприятия тоже не выглядит нонсенсом. Государство может компенсировать его убытки за счет других, более "удачливых" частей своей собственности.

Сложнее с самофинансированием. Новый закон действительно предоставляет предприятию известную экономическую автономию. *После* того, как оно отчисляет опреде-

ленный процент прибыли в бюджет и своему министерству, предприятие вправе распоряжаться (хотя и с известными ограничениями) тем, что остается. В частности, оно вправе (или обязано?) расширять производство, обновлять оборудование, строить жилье и объекты соцкультбыта, улучшать медицинское обслуживание, формировать фонды оплаты и поощрения своих работников. Кажется, теперь оно поставлено почти в те же условия, что обычное, "капиталистическое" предприятие. Ан нет.

Капиталистическое предприятие действует в условиях свободного рынка. Оно не может выпускать продукцию, которая не нужна потребителю, или низкого качества, или непропорционально дорогую. Иначе говоря, оно ограничено *естественными* экономическими законами. Учитывая конъюнктуру, капиталистическое предприятие *само* определяет, что производить и в каких количествах, *само* выбирает нужное оборудование, сырье и материалы, *само* устанавливает (и меняет) цены. В этом смысле можно сказать, что результаты деятельности предприятия — и прибыль, и убытки — зависят от него самого.

Теперь присмотримся к системе отношений, которую устанавливает новый закон. При этом четко разграничим механику *реальную* и механику лозунгов, призывов, блестящих пожеланий. Скажем, пункт закона, согласно которому трудовой коллектив использует общенародную собственность как хозяин, — типичный лозунг, а заявления типа "требования потребителя обязательны для предприятия" — благое пожелание. Подобные декларации, к сожалению, бессодержательны, ибо не подкреплены экономически.

Реальная механика отношений выглядит иначе. *Деятельность предприятий строится на основе Государственного плана экономического и социального развития как важнейшей инструмента реализации экономической политики Коммунистической партии и Советского государства. В соответствии с контрольными цифрами, долговременными экономическими нормативами, государственными задачами, а также заказами потребителей предприятие разрабатывает планы и заключает договоры.*

По-моему, достаточно. Не в лозунговой, а в практической сфере деятельность предприятия будет по-прежнему определяться государственным планом как "важнейшим инструментом". Стыдливое "а также" ничего не меняет. Понятно, что не потребители и уж, конечно, не само предприятие будут решать, *что и в каких количествах* производить. Решать и дальше будут партия и правительство.

Термин "государственный заказ" тоже не следует принимать всерьез. *Отношения заказа* предполагают юридическое равенство сторон. От заказа исполнитель может отказаться, он вправе оспаривать его условия и выдвигать свои. От плана, контрольных цифр, государственного заказа предприятие отказываться не может. Не потому, что они выгодны ему экономически, а потому, что навязаны административно. Все здесь настолько очевидно, что это признает даже советская печать. Статья в "Правде" от 11 марта так и называется: "Приказ или заказ?"

Государственный ответ на вопрос, *что делать* (и сколько), — лишь одно из свидетельств того, какой смысл новый закон вкладывает в "самоокупаемость". Весьма определенно государство отвечает и на вопрос, *как делать*: из каких материалов, на каком оборудовании, каким инструментом. Поскольку все это *фондировано*, инициатива и творческие усилия работников предприятия должны, очевидно, сосредоточиться на том, чтобы освоить фонды или попросту выбить то, что спущено сверху. Столь же радикально решена и сложнейшая в условиях свободного рынка задача — *кому продать*. Государство, в бесконечной своей заботливости, заранее назначило потребителя. Наконец, начисто снят еще один — тоже сакраментальный — вопрос: о цене продукции. Цену определяет, в соответствии с государственной политикой цен, уполномоченный на то комитет.

Итак, уже на самых дальних подступах к прибыли предприятие связано по рукам и ногам. В "Правде" от 20 января профессор МГУ Г. Попов меланхолически замечает:

Посмотрим, что теперь самоокупается. Прямой заказ потребителя? Почин самого предприятия? Отнюдь. Самоокупаться должны... директивные плановые задания, полученные сверху. Причем не на основе цены, отражающей спрос потребителя. Цена осталась прежней, затратной по сути и утверждаемой административно – по форме.

Можно ли при этих условиях утверждать, что завод "Красный слябинг" будет вознагражден за хорошую работу прибылью, а завод "Белый блюминг" – за плохую – наказан убытками? Едва ли. Успех или неудача определяются факторами, которые от самого предприятия почти не зависят. Нереальный план, плохое снабжение, заниженная цена – любого из этих факторов достаточно, чтобы сделать предприятие заведомо убыточными. И напротив, достаточно небольшой манипуляции с ценами, чтобы отстающий "Белый блюминг" мгновенно превратился в передовой...

Таким образом, перед нами конструкция сугубо искусственная, этакий административно-экономический кентавр. Если такая система и способна стимулировать усилия предприятия, то очевидно, что усилия эти будут направлены не на интенсификацию производства, внедрение новой техники, повышение качества продукции, а на игру с планом, ценами и прочими козырными картами системы.

Последствия таких игр хорошо известны. Когда капиталистическое предприятие приносит прибыль, это значит, что оно выпускает продукцию, пользующуюся спросом, то есть удовлетворяет наши потребности. Если прибыль дает социалистическое предприятие, это свидетельствует лишь о том, что оно удачно вписалось в *правила игры*, установленные новым законом. Нам, потребителям, это ровно ничего не сулит, ибо мы в этой игре не участвуем.

Чем же тогда объяснить, что два предприятия, Сумское производственное объединение и Волжский автозавод, переведенные на режим самофинансирования еще до принятия нового закона, в порядке эксперимента, – вроде бы достигли впечатляющих результатов? Да все теми же правилами игры. Техника проста: для эксперимента подбирался предприятие, которое в силу тех или иных причин находится в благоприятном положении. Вдобавок ему предоставляют дополнительные льготы и преимущества. "Маяк" зажжен.

По опыту прежних экспериментов известно, что такие маяки горят недолго, и путь в гавань победы никому не освещают. Во-первых, потому, что условия ВАЗа и какого-нибудь Ереванского автозавода несравнимы. Во-вторых, предоставить статус наибольшего благоприятствования двум предприятиям нетрудно. А вот предоставить его всем предприятиям никак невозможно.

Может быть, положение изменилось? Бросается в глаза странное обстоятельство. Вслед за двумя "флагманами" на условия самофинансирования перешли многие другие предприятия и целые министерства. Почему же об их успехах газеты молчат? Потому что статуса наибольшего благоприятствования у них нет. Соответственно нет и успехов. Даже если благоприятное расположение административных светил (Плана, Оборудования, Сырья, Цен) позволит предприятию получить приличную прибыль, это еще ничего не решит. По меньшей мере два министерства (финансов и то, в чем ведении предприятие находится), не говоря уже о более высоких инстанциях, могут отобрать у него – в виде налогов и отчислений – часть прибыли, и притом такую, какую захотят. Правда, новый закон требует, чтобы "нормативы отчислений" были постоянны на протяжении всей пятилетки. Однако закон не указывает, какими должны быть эти нормативы.

Кстати, постоянными они тоже не будут. Как свидетельствует опыт КамАЗа, нормативы берутся с потолка. В результате одно предприятие окажется "слишком богатым", другое слишком бедным. Понятно, что министерство – "в порядке исключения" – скорректирует нормативы. Следствием будет та самая *уравниловка*, с которой советская власть борется едва ли не с октября 1917 года...

Да и с маяками дело обстоит совсем не так блестяще, как принято изображать. 30 января "Известия" напечатали беседу с одним из руководителей Волжского авто-

завода. Два года, — сказал он, — мы работали в новых условиях. Но сегодня у нас неясностей и путаницы больше, чем их было в начале пути. И дальше: Министерство решает за трудовой коллектив, на какие нужды направлять заработанную им, коллективом, прибыль... Вас опять вынуждают обивать министерские пороги, клянчить средства. Нарушается сам принцип самофинансирования, а значит, ставится под угрозу сама суть новых условий хозяйствования... Министерство выдает нам разрядку, равносильную приказу, по продаже изготовленных нами станков другим предприятиям. Так ведь они нам самим позарез нужны! Где же тут логика? И где самостоятельность? — Если с подобными проблемами хозяйственной перестройки, — сетует газета, — сталкиваются первопроходцы хозяйственной перестройки, многого уже добившиеся, имеющие авторитет и поддержку, то что говорить о сотнях предприятий, которые только переходят на релетсы самостоятельного хозяйствования.

И все-таки поговорим. Вот передовое предприятие, КамАЗ: Элементарные подсчеты показали, что образованные по новым нормативам фонды не обеспечивают даже тех достаточно скромных планов производственного и социального развития коллектива, которые намечены на нынешнюю пятилетку. А вот отстающее, Ереванский автомобильный завод: Запланированная на конец пятилетки прибыль, — пишет в "Известиях" директор завода В.Нерсесян, — составляет 16 миллионов рублей. Но Минавтопром страны уже сегодня оставляет предприятию всего лишь 27,3 проц. от этих денег. Между тем норматив в таких условиях требует по меньшей мере 65 процентов. Спрашивается, как мы сможем иначе заменить 45% оборудования? Как строить жилье для своих рабочих, когда из предусмотренных на эти цели 3,5 млн. министерство оставляет нам самую малость? Какой уж тут хозрасчет...

Великая вещь гласность! Я пишу и чувствую себя неловко: почти все, что я сказал (и мог бы еще сказать) о новом законе, сказано советской печатью. Уже почти квартал наш завод, как и весь Минхиммаш, работает по новому методу хозяйствования — полному хозрасчету на основе финансирования, — пишет в "Известиях" от 24 марта начальник отдела снабжения машиностроительного завода Н.Сафрыгин. — И все это время я думаю... об увольнении. Не потому, что страшит новое, передовое. Просто мне, снабженцу, особенно четко видна перспектива новшества, которая может окончательно посадить наше предприятие на мель.

Такова оценка практика. Вывод теоретика, профессора МГУ Г.Попова, выдержан в иной тональности, но столь же категоричен: Таким образом, многие нынешние нововведения не достигают той черты, за которой начинается реальный переход от преимущественно административных методов управления к преимущественно экономическим.

Гласность, повторяю, великая вещь. Среди прочего, она позволяет предсказать дальнейшее развитие событий. Нам сообщает, что в ходе всенародного обсуждения проект закона о государственном предприятии был одобрен. Какие-то (косметические) поправки в него уже внесены. Остальные (решающие) замечания кому-то переданы — для "углубленной проработки". Затем проект станет законом.

Глава II,

повествующая о том, как государство решительно отказывается от своей роли демиурга

Попробуем понять механику торможения. Полумерами положение в экономике не исправишь — теперь это ясно каждому. И вот, после криков о перестройке, коренных переменах, поистине революционных сдвигах нам предлагается очередная полумера. Почему?

До сих пор в роли творца всего сущего — квартир, зарплаты, товаров, которые иногда удается достать в магазине, образования, медицинской помощи — выступало социалистическое государство. Сейчас, однако, уже очевидно, что зарплату мы получаем низкую, продуктов и самых элементарных товаров нет, квартир (включая берлоги) не хватает, здравоохранение хоть и бесплатное, но плохое.

Вот государство и решило отказаться от своей роли демиурга. Точнее, скрыться за псевдонимом. Ах, вы недовольны тем, что имеете, хотите больше? Пожалуйста! Берите заводы, фабрики, совхозы, работайте, получайте прибыль, сами стройте жилье и детские ясли, обзаводитесь собственными поликлиниками и домами отдыха. Даже руководителей предприятия отныне можете выбирать сами. Все в ваших руках. А уж если не работаете, не обессудьте. Сами виноваты.

Но почему все-таки партия и правительство, которые тоже ведь заинтересованы и в ускорении научно-технического прогресса, и в переходе на интенсивный путь развития, и в улучшении качества продукции, почему они ограничиваются паллиативами? Неужто нашим кормчим неведомо то, что ясно и ежу? Разумеется, ведомо. *Коренной вопрос реформы, — пишет "Правда" 13 апреля, — перестройка планирования и материально-технического обеспечения производства. Сохранение жесткой централизации мешает подъему планирования на новый, более высокий уровень.*

Значит, виновато планирование? Можно, конечно, сказать и так. Известно, что существующие методы планирования эффективны для тысячи видов продукции, уже при десяти тысячах они начинают буксовать. У нас же в стране — только зарегистрированных видов изделий 25 миллионов.

И все-таки дело не в методах планирования и не в людях, которые его осуществляют. Ругая, в беседе с писателями, Госплан ("Для Госплана у нас не существует никаких авторитетов, никаких генеральных секретарей, никаких центральных комитетов"), М.С.Горбачев явно лукавил. Планирование — тоже ведь псевдоним. Этим благозвучным именем прикрывается система, которая тщится руководить всем огромным и многообразным хозяйством страны из одного центра. Теоретически подобная концепция подкреплена ссылками на единый ("общенародный") характер собственности при социализме; практически — речь идет о пределах государственной власти. То есть власти тех, кто стоит у руля государства.

Мы живем в эпоху подмены понятий. Всякая собственность дает ее владельцу тройное право: право *владеть, пользоваться и распоряжаться*. На заре капитализма эти права часто совпадали. Человек, владевший имуществом, сам обычно им пользовался и распоряжался. По мере развития экономики, накопления капитала происходит отчуждение собственности от ее владельца и расщепление функций. Тот, кто владеет крупной собственностью (заводы, фабрики, шахты), почти никогда ею не пользуется и далеко не всегда распоряжается. Стирается и само понятие владения. Если предприятие принадлежит акционерному обществу с тысячами вкладчиков или банку, то его владелец, в сущности, анонимен. В этих условиях на передний план выступают два других атрибута собственности: право пользоваться и право распоряжаться.

Да, советский руководитель высокого ранга не является собственником государственного имущества в том смысле, что он им не владеет. Но его возможности пользоваться *общенародной* собственностью несоизмеримы с возможностями других "владельцев". Более того, они несоизмеримы и с возможностями капиталиста. Ведь права капиталиста, даже самого крупного, распространяются лишь на определенное имущество. К примеру, владелец нефтяной империи во всех других сферах деятельности выступает как рядовой потребитель: за одежду в магазине, за место в гостинице, за билет в самолете, за лечение в больнице или санатории он *платит* из своего кармана.

Возможности высокого советского руководителя пользоваться "ничьим" имуществом практически безграничны. Закрытые распределители, специальные больницы и

бесплатные санатории, персональные дачи и "охотничьи домики", наконец, цеха и целые предприятия, выпускающие продукты и товары только для избранных. Общественная собственность обочарачивается правом пользования для немногих. Прибавочный продукт сначала обезличивается, растворяется в государственной собственности, а уж затем *персонифицируется*, становится объектом пользования определенных персон.

Однако и право пользования — скорее побочный эффект системы. Главное, решающее значение в условиях социализма приобретает третий атрибут собственности — право *распоряжаться*. Объем этого права обозначает границы (или безграничность) власти, реальное положение данного лица на иерархической лестнице, а попутно (только попутно!) и его право пользоваться теми или иными благами.

Знание этой фундаментальной особенности социализма позволяет понять многое. И причины торможения перестройки. И удивительное свойство "революционных перемен": менять детали, оставляя в неприкосновенности суть хозяйствования — централизованную систему планирования, или, если раскрыть псевдоним, — право распоряжаться. Закон о государственном предприятии как раз и являет нам пример перестройки, которая меняет все, что угодно, кроме того, что составляет суть.

Не нами сказано, что аксиомы давно были бы опровергнуты, если бы затрагивали чьи-то интересы. Отказ от абсолютизации государственной собственности — то есть *от безраздельного права распоряжаться имуществом по своему усмотрению* — больно затрагивает интересы тех, кому принадлежит власть в стране. Естественно, что как только разговор заходит об этом, даже Главный революционер впадает в истерику.

Мы не допустим, восклицает он, покушения на социалистическую собственность, мы не откажемся от этого важнейшего завоевания Октября... Рядовой гражданин сочувственно кивает. Что же, в самом деле, отдать во владение частным лицам Магнитогорский комбинат, Братскую ГЭС, БАМ?

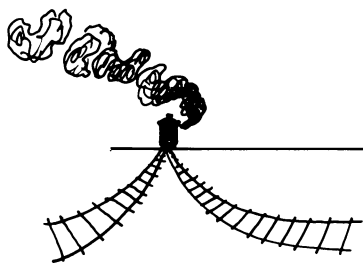
Снова подмена понятий, опять псевдонимы. Применительно к крупным предприятиям речь идет не о праве владеть, а о праве пользоваться и, главное, распоряжаться. Где и кем усвоено (даже в рамках единственно верного учения), что этим правом должны обладать Госплан, Совет Министров, ЦК КПСС, а не руководители предприятий или члены правления акционерного общества, которому оно принадлежит? Нет, не акулы капитализма, всего лишь рядовые граждане, обладающие скромным числом акций.

Конечно, акционеры станут всего лишь владельцами имущества, распоряжаться им будут другие. Кто? Выбранные им *специалисты*. Думаю, и права на это, и знаний, и опыта у них больше, чем у неведомо кем и за какие услуги назначенных министров, председателей Госплана, секретарей ЦК. А кто же сможет пользоваться этим имуществом — скажем, санаторием на акционерных началах? Любой, кто уплатит *деньги*: и рабочий, и писатель, и секретарь ЦК. *Равноценность* всех имеющихся в стране денег, — одна из основных предпосылок социальной справедливости.

Разумеется, эти перемены дадут эффект лишь в рамках свободного рынка, в условиях разных форм собственности: государственной, кооперативной, смешанной, частной.

Будет ли это подлинной революцией? И нет, и да. Нет, ибо нечто похожее уже было в годы нэпа. Гострест, оставаясь собственностью государства, был в то же время предприятием коммерческим. Его деятельность регулировалась не указаниями свыше, а законами рынка. Это означало, что право государственных мужей распоряжаться общественной собственностью — право, ныне ничем не ограниченное (ибо их материальное положение от результатов работы предприятия не зависит), — было ограничено хотя бы соображениями их *собственной выгоды*. Разница принципиальная.

Но и ответ "да" тоже будет правилен, поскольку переход от нынешней политической экономики к экономике нормальной есть, несомненно, мера революционная. Революционная и по сопротивлению, которое она встретит, и по своим последствиям. Первое из этих следствий — появление на мировой арене еще одной *экономической сверхдержавы*.

Глава III,

где автор размышляет
о возможностях машиниста и о том, как это так случилось,
что шаг вперед оказался шагом на месте

Чем-чем, а выборами и выборностью нашего брата не удивишь. За давностью времени я не помню, выбирали ли мы кого в октябрятах. Но уж потом мы только этим и занимались. Едва ли не все слуги народа — от председателя совета отряда до Генерального секретаря ЦК КПСС — избраны нами: прямо или косвенно. В одних случаях мы сами поднимали руку или бросали в ящик бумаги; в других, от нашего имени и по поручению, это делал кто-то другой. В соответствии с новым законом число руко- и бумагодвижений существенно возрастет: теперь мы будем выбирать еще и руководителей предприятий, и совет трудового коллектива.

Надо признать, что расширение демократии в этом направлении вызвало у публики смешанные чувства. С одной стороны, прекрасно; а с другой? Не надо объяснять, что это за другая сторона. Известно, к примеру, что должность председателя колхоза изначально была объявлена выборной. Столь же известно, *кто* этого председателя выбирал. А кто будет выбирать директора и совет? Ведь если даже допустить, что высокие персоны в Кремле действительно хотят, чтобы мы *выбирали*, это еще не значит, что местные начальники смирятся с подобной анархией.

В газетах по этому поводу уже написано столько, что добавить нечего. Для простоты рассуждений я готов принять точку зрения оптимистов и согласиться, что выборы на предприятиях, в отличие от других выборов, будут настоящими. Много ли это изменит?

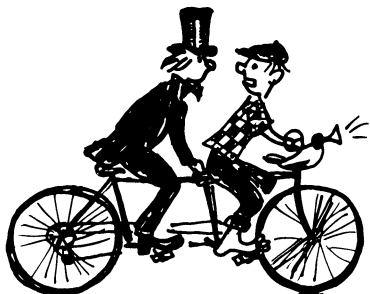
Вообще-то говоря, много. Люди, которые будут действительно выбирать, могут потерять вкус к руко- и бумагодвижениям. Особенно когда выбирать придется не мажоранток-депутатов, а должностных лиц — скажем, судей, — от которых кое-что зависит. Дальние последствия такого поворота в сознании трудно предсказать. Но сейчас нас занимает вопрос более локальный — как отразятся выборы на жизни предприятия. Мы знаем, что аналогичная система (выборное руководство и рабочий совет) уже много лет действует в Югославии. Особых успехов она не принесла.

Сторонники рабочего самоуправления винят в этом югославское руководство, которое вмешивается в дела советов. Как пример потенциальных возможностей самоуправления приводят несколько предприятий в США и в Западной Европе. Верно, предприятия, принадлежащие на паях тем, кто на них работает, существуют и функционируют, в общем, нормально. Но, во-первых, предприятия эти обычно небольшие. Во-вторых, нет никаких свидетельств того, что у них есть явные преимущества перед обычными ("капиталистическими") предприятиями. Да, они выдерживают конкуренцию, но не более того. Видимо, эта форма управления имеет и свои плюсы, и свои минусы.

Так далеко, впрочем, новый закон не заходит. Он предоставляет коллективу предприятия лишь право выбора руководителей, а совету — право контроля за их деятельностью. Следовательно, вопрос сводится к *перераспределению* функций управления в рамках самого предприятия. Понятно, что перераспределить можно лишь то, что *есть*. Проблема же в том, что почти ничего нет. Функции (права) руководства предприятия настолько ограничены системой, что не так уж и важно, кому они принадлежат: назначенному директору или свободно избранному совету. План, доходы, нормативы отчислений не оставляют места для инициативы.

Рискну сравнить эту ситуацию с железнодорожной. Конечно, от опыта, знаний, даже порядочности машиниста зависит многое. Но только не *выбор пути*.

Полвека назад закон о государственном предприятии, несомненно, был бы шагом вперед. Однако с тех пор жизнь так изменилась, что шаг вперед оказался шагом на месте. Поезд ушел. Чтобы догнать его, нужны иные темпы, иные средства передвижения.

Глава IV,

**отчасти техническая, о переводниках
и потенциале, а также обстоятельствах,
при которых тайное становится явным**

Мир един. Нет страны, которая своим развитием была бы обязана исключительно себе. Обмен научными идеями, техникой, производственным опытом, товарами, привлечение финансовых средств со стороны — обычное явление в практике международных отношений. И хотя такие отношения принято называть взаимовыгодными, ясно, что есть области, в которых одна сторона больше дает, а другая берет. Ничего зазорного тут нет: народы и страны развиваются неравномерно.

Советский Союз с самого своего рождения принадлежит к числу государств, которые по преимуществу брали. В первые послереволюционные годы страна получала хлеб, в период индустриализации — машины, технологию, опыт иностранных специалистов; в годы Второй мировой войны — оружие, материалы, продукты питания. Во многом — от зерна до компьютеров, страна нуждается и сейчас.

В самом этом факте, повторяю, ничего зазорного нет. Вопрос в том, чем обусловлена эта нужда и какую роль в развитии страны играет иностранная помощь. Тут в принципе возможны два варианта. Первый: нужда вызвана особыми обстоятельствами (голод, разруха, война), помощь дает возможность оправиться и вернуться к нормальному состоянию. Так было, например, со странами Западной Европы сразу после Второй мировой войны: американская помощь позволила им восстановить разрушенное хозяйство и наладить производство. Второй вариант: нужда обусловлена неэффективностью хозяйственного механизма страны. В этом случае любая помощь может принести лишь временное облегчение ибо, грубо говоря, не в коня корм.

Уже при Ленине делались попытки приспособить для развития социалистической экономики не просто средства и технические достижения капитализма, но его высокопродуктивный хозяйственный механизм. Проблема, однако, состояла в том, как добиться сопряжения этого механизма с чуждой ему экономической системой. Требовалось, очевидно, устройство буферного типа, или, говоря инженерным языком, *переводник*. Именно эту роль переводника и должно теперь сыграть принятое в январе постановление ЦК КПСС и Совета министров с длинным и неудобовыговариваемым названием "О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран".

Мотивы создания совместных предприятий изложены в постановлении с подкупающей прямотой: *Министерства и ведомства, в состав которых входят советские участни-*

ки предприятий, при создании таких предприятий ставят своей целью более полное удовлетворение потребностей страны в определенных видах промышленной продукции, сырьевых и продовольственных товарах, привлечение в народное хозяйство СССР передовой зарубежной техники и технологии, управленческого опыта, дополнительных материальных и финансовых ресурсов, развитие экспортной базы страны и сокращение нерационального импорта.

Выгоды ясны. Труднее понять возможные резоны другой стороны. В развитии советского экспорта, то есть в создании потенциального конкурента, западная фирма не заинтересована. Столь же сомнительно, чтобы ее привлекала благородная задача "сокращения нерационального импорта", другими словами — сужения потенциального рынка сбыта для своих товаров. Выходит, что в будущем совместные предприятия сулят Западу одни только убытки. Очевидно, расчет делается на весомые *выгоды* в настоящем.

Однако постановление сформулировано так, что все преимущества (включая юридический и фактический контроль над предприятием) получает советская сторона. Ее доля в уставном фонде должна составлять не менее 51 процента. Председателем правления и генеральным директором совместного предприятия может быть лишь гражданин СССР. Персонал комплектуется в основном из советских граждан. Условия оплаты труда, режим работы и отдыха регулируются советским законодательством. В случае передачи иностранным участникам своей доли третьим лицам советские участники имеют преимущественное право на приобретение этой доли...

Короче, возможная выгода иностранной фирмы одна — *прибыль*. Ее можно получить при реализации продукции предприятия внутри страны либо на внешнем рынке.

Разницы вроде бы никакой. Постановление специально оговаривает: "Иностранным участникам совместного предприятия гарантируется перевод за границу в иностранной валюте сумм, причитающихся им в результате распределения прибыли от деятельности предприятий" (ст. 32), "неизрасходованная часть" полученной иностранными работниками заработной платы тоже "переводится в иностранной валюте за границу" (ст. 50). Есть, однако, в постановлении статья 25, которая расставляет акценты иначе: "Все валютные расходы совместного предприятия, включая выплату прибыли и иных сумм, причитающихся иностранным участникам и специалистам, должны обеспечиваться совместным предприятием за счет поступлений от реализации его продукции на внешнем рынке".

Оказывается, разница все-таки существует. Деньги, заработанные на внутреннем рынке, как бы и не деньги: в настоящие деньги (валюту) они не переводятся, даже по официальному курсу. Свои резоны тут есть. При всеобщем дефиците и отсутствии конкуренции получить прибыль куда как просто. Ты вот сумей продать эту продукцию за границей, добудь нам валюту; из этой валюты мы с тобой и рассчитаемся.

Но легко сказать — продай! Чтобы продукция совместного предприятия завоевала иностранный рынок, она должна обладать, очевидно, особыми достоинствами. Качеством избалованного западного потребителя не удивишь. Тогда чем же? Ясно, ценой. Однако и с ценой не все ясно. Цены на продукцию совместных предприятий не будет устанавливать Комитет цен — это, конечно, большое дело. Но продавать продукцию по ценам ниже обычных и рассчитывать при этом на прибыль можно лишь в том случае, если самому производителю она будет обходиться необычайно дешево. Значит, дешевое сырье, материалы и прочее? Нет. Согласно статье 26, поставки совместному предприятию "оборудования, сырья, материалов, комплектующих изделий, топлива, энергии и другой продукции осуществляются... по договорным ценам с учетом цен мирового рынка". Выходит, на сырье не выгадаешь. Что остается? *Оплата труда*. Разница в уровнях оплаты труда (у нас и на Западе) и есть, следовательно, тот экономический *потенциал*, который придаст смысл существованию совместных предприятий, обеспечит им высокую прибыль, а следовательно, и преимущества в конкурентной борьбе.

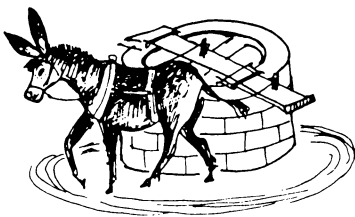
Строго говоря, ничего нового тут нет. Просто тайное стало явным: высокая *прибавочная стоимость*, которая раньше незаметно изымалась у работника, растворяясь в анонимном "всенародном достоянии", теперь, с появлением конкретных собственников, выпала в осадок, в *прибыль*. Вот как неудобно иметь дело с капиталистами, у которых иные нравы...

Впрочем, и на внутреннем рынке деятельность совместных предприятий ставит уйму проблем. Как будет, скажем, с ценами на их товары? Известно, что цены у нас директивные, продиктованные соображениями не столько экономики, сколько политики. Мясо, например, продается гораздо ниже себестоимости, а изделия легкой промышленности — много выше. Если совместное предприятие станет торговать колбасой по цене 12 рублей за килограмм — это еще куда ни шло, к этому мы привыкли. А вот если оно выбросит на рынок сверхдешевые пальто, костюмы, куртки, приемники, видеоманитофоны? Или установит цены на уровне советских изделий того же типа, но начнет загребать сверхприбыль, которую сейчас кладет в свой бездонный карман государство? Мрачные перспективы. Поэтому хотя это предприятие "самостоятельно разрабатывает и утверждает программы своей хозяйственной деятельности" и "обязательные плановые задания совместному предприятию не устанавливаются, и сбыт его продукции не гарантируется" (ст. 23), продажа его продукции на советском рынке должна осуществляться "по договорным ценам" (ст. 26).

Не все просто и с оплатой труда. В соответствии со статьями 47 и 48, условия оплаты труда советских граждан, работающих на совместных предприятиях, регулируются нормами советского законодательства и коллективным договором с профсоюзной организацией. Как это понимать? Должна ли оплата труда быть не *ниже* или не *выше*, чем у нас принято? Ниже не будет, ибо таких ставок, норм и расценок в развитых странах мира нет. Но если совместные предприятия будут платить своим работникам советскую зарплату, то изготовленную продукцию не купят на мировом рынке ни по какой цене. Наконец, если установить оплату труда на уровне западных стран, контраст будет настолько резким, что никакая пропаганда не поможет...

Насколько я знаю, идея создания совместных предприятий была встречена на Западе без энтузиазма. Отозвались, да и то вяло, главным образом те фирмы, у которых давние связи с Советским Союзом. Они, конечно, не прочь укрепить эти связи, но с созданием крупных совместных предприятий не спешат. Разница между просто экономической и экономикой политической слишком велика, а переводник — штука сомнительная и ненадежная.

Иностранные средства, техника, опыт способны помочь в решении многих проблем страны. Но чего они никак не могут, так это сделать неэффективный хозяйственный механизм эффективным. Без этого самая щедрая помощь мало что изменит. Средства уходят, машины и опыт стареют. Помощь нужна, что и говорить. Но еще больше нам нужен хозяйственный механизм, способный производить и новую технику, и передовой опыт, и товары самого высокого качества. И вот эту задачу решить можем только мы сами. Как говорили в старину: разумного судьбы ведут, неразумного — тащат. ●

ИГРА В ЖМУРКИ

Воспоминания о Лейпцигском процессе

Я приехал в Париж в разгар Лейпцигского процесса по делу о поджоге Рейхстага, процесса, за которым с замиранием сердца следила вся Европа. В день приезда я впервые познакомился с Вилли Мюнценбергом, руководителем отдела пропаганды Коминтерна на Западе. В тот же день я приступил к работе в его штабе и таким образом принял участие, хотя и в роли мелкой сошки, в великой пропагандистской битве между Берлином и Москвой. Битва эта закончилась полным поражением нацистов — единственным, какое нам удалось нанести им за семь предвоенных лет.

Цель каждого из соперников заключалась в том, чтобы свалить вину за поджог германского Рейхстага на другую сторону. Мир следил за этим зрелищем как замороженный, не понимая его подлинного значения, — так малые дети, затаив дыхание, наблюдают за лихо закрученным детективным фильмом, который разворачивается перед ними на экране. Мир в ту пору еще не привык к сценическим эффектам, фантастическому надувательству и тайным методам тоталитарной пропаганды. А в данном случае у спектакля был не один режиссер, как впоследствии на московских показательных процессах, а два, и оба старались перешеголять друг друга — словно два шамана на племенной сходке.

В роли таких шаманов выступили доктор Йозеф Геббельс и Вилли Мюнценберг; однако о существовании последнего в то время мало кто знал, да и по сей день о нем мало знают. Всему миру казалось, что происходит классическая борьба между правдой и ложью, виной и невинностью. На самом же деле виноваты были обе стороны, хотя и не в тех преступлениях, в которых друг друга обвиняли. И та, и другая лгали и опасались, что их противнику, возможно, известны кое-какие дополнительные факты. Таким образом, эта была схватка двух великанов с завязанными глазами. Если бы мир в ту пору понимал стратегию обеих сторон и их блефовые приемы, он смог бы избежать многих страданий и жертв. Однако ни тогда, ни позже Запад так и не разобрался в психологии тоталитарного сознания.

Драматический характер процесса как нельзя лучше отразился в следующих трех эпизодах. Вообще, Лейпцигский процесс по своей атмосфере напоминал нечто среднее между шекспировской трагедией и опереттой. Прежде всего нужно сказать о поединке между Димитровым и Герингом. Георгий Димитров, будущий генеральный секретарь Коммунистического Интернационала, в то время был тайным руководителем Балканской секции Коминтерна. Геринг занимал пост министра-президента Пруссии и министра внутренних дел Рейха. Димитрова вместе с четырьмя другими подсудимыми нацисты обвинили в поджоге Рейхстага. Геринг формально проходил на процессе в качестве свидетеля обвинения, фактически же он выступал как ответчик, которого коммунисты обвиняли в том, что он-то и был действительным организатором поджога. Вожак коммунистов на скамье подсудимых и вождь нацистов на трибуне для свидетелей перебаривались, словно базарные торговки в древнегреческой комедии. Трудно припомнить другой случай, когда член правительства великой державы так осрамился на публике в зале суда.

Димитров. Известно ли господину министру-президенту Герингу, что сотни тысяч немцев обеспечены работой благодаря заказам советской промышленности?

Министр-президент Геринг. Я скажу вам, что известно немецкому народу. Немецкому народу известно, что вы наглый тип, приехавший сюда для того, чтобы поджечь

наш Рейхстаг. Если вы хотите знать мое мнение — вы негодяй, место которому — на виселице... Подождите, дайте мне только до вас добраться за стенами суда...

Димитров. А вы явно боитесь моих вопросов, господин министр-президент!

Геринг. Вон отсюда, мошенник!

Другим свидетелем обвинения был министр пропаганды Геббельс. Он пространно рассуждал о незаконных, коварных и конспиративных методах, которыми пользуются коммунисты.

Димитров. Известно ли господину рейхсминистру, что в Австрии и Чехословакии ваши национал-социалистские сподвижники также (подобно коммунистам) вынуждены работать в подполье, пользоваться нелегальными пропагандистскими методами, подложными паспортами, тайными явками и кодами?

Геббельс. Я отвечу вам цитатой из Шопенгауэра: "Любой человек заслуживает взгляда, но не всякий заслуживает ответа".

И наконец — фантастическая очная ставка между начальником полиции Потсдама графом Хеллдорфом и главным обвиняемым по имени ван дер Люббе.

Хеллдорф — лощеный молодой аристократ, прусский офицер, как бы олицетворял собой нового *Neppenmensch*, нищенского сверхчеловека, призванного повелевать миром. Ему противостоял ван дер Люббе, двадцатичетырехлетний психопат, сын голландского уличного торговца-алкоголика. В свои двадцать четыре года он успел побывать подмастерьем у шtukатура, официантом, кастеляном, наконец, стал бродягой. У него были гомосексуальные наклонности, он страдал хроническим глазным заболеванием и жил в постоянном страхе полной слепоты. Патологический лгун, ван дер Люббе бешено желал прославиться. Не менее четырех раз он вступал в Лигу коммунистической молодежи и в коммунистическую партию и каждый раз отказывался от членства из-за неудовлетворенного честолюбия. Вслед за тем он присоединился к одной ультралевой группке, проповедовавшей индивидуальный террор, а под конец, с помощью своих друзей-гомосексуалистов, попал под влияние идей национал-социалистической революции. Ван дер Люббе написал брошюру и распространял открытки со своей фотографией, рекламируя кругосветное путешествие, в которое намеревался отправиться, пытался заработать популярность участием в заплыве через Ла-Манш. С водной стихией дело у него не вышло, и тогда он решил попытаться счастья с огнем. В ночь на 27 февраля 1933 года с помощью неизвестных сообщников ван дер Люббе поджег здание германского парламента и таким образом вошел в историю.

Если Хеллдорф был представителем новой элиты, фашистской расы господ, то ван дер Люббе олицетворял собой, в крайней форме, эмоционально неуравновешенное, психически неустойчивое межвоенное поколение — сбитые с толку, обескураженные и подверженные истерии массы, ставшие добычей фашистов.

Граф Хеллдорф появился в зале суда с одной определенной целью — опровергнуть обвинения Коминтерна в том, что он, вместе с Герингом и Геббельсом, был организатором поджога и что ван дер Люббе был послушным орудием в его руках. Необходимо было доказать, что Хеллдорф никогда не встречался с ван дер Люббе, — для этого и была устроена очная ставка между ними. Она стала одним из кульминационных моментов процесса.

Хеллдорф по своему обыкновению был подтянут, самоуверен и расточал ослепительные улыбки. Ван дер Люббе скорее напоминал кошмарное привидение — получеловек, полуживотное. Из носа и изо рта у него текли слюна и слизь и капали на пол. Время от времени адвокат утирал лицо своего подопечного бумажной салфеткой. Когда ван дер Люббе вставал, руки у него висели как плети, голова болталась, в нем было что-то от шимпанзе. На скамье подсудимых он сидел, уронив голову ниже колен, напоминая сломанного дергунчика. Семь месяцев, пока длилось следствие, и в течение всего процесса он был в наручниках. На заседаниях суда ван дер Люббе находился в состоянии ступора, возможно, под действием медикаментозных средств, которыми его накачивали, чтобы не сорвать спектакль. Судя по некоторым симптомам, ему давали скополамин, вещество, под влиянием которого допрашиваемый становится послушным орудием допрашивающего — следователя или судьи. Работа была грубая, дилетантская: техника подготовки обвиняемых к показательным процессам еще только осваивалась. За время

суда этот человек-призрак ожил один или два раза: пробормотал что-то бессвязное о каких-то "внутренних голосах" и попросил приговорить его к смертной казни без лишних проволочек.

И вот они на очной ставке — Herrenmensch и Untermensch, арийский вожак и слюнявый ублюдок.

Председатель суда. Подсудимый Люббе, подойдите сюда. Поднимите голову и посмотрите свидетелю в лицо. Поднимите голову, Люббе! Ну же, посмотрите свидетелю в лицо.

Переводчик (по-голландски). Вас просят посмотреть свидетелю в лицо.

Председатель суда. Ну же, поднимите голову.

Защитник подсудимого. Поднимите голову, Люббе.

Переводчик. Вы должны посмотреть свидетелю в лицо. Поднимите голову.

Председатель суда. Ну же, поднимите голову. Поднимите голову, Люббе!

Целых три минуты председатель суда, переводчик и адвокат бились над бесчувственным телом. И тогда Хеллдорф вдруг коротко скомандовал:

— Mensch, mach doch den Kopf hoch, los!

"А ну-ка, подними голову, живо!"

И ван дер Люббе поднял голову, словно пес, заслышавший голос хозяина.

В этой сцене — квинтэссенция процесса. Больше того, это было tableau vivant, живая картинка новых отношений между вождями и массой, новый поворот в европейской истории. Когда уговоры больше не действовали, замороженную жертву поднимали ударами хлыста.

И нацисты, и коммунисты сходились на том, что поджигателем был ван дер Люббе. Не сомневались они и в том, что поджог огромного здания Рейхстага одному человеку не под силу. Нацисты утверждали, что сообщниками ван дер Люббе были четыре коммуниста — трое болгар, в том числе Димитров, и депутат Рейхстага Торглер. Процесс готовили семь месяцев, но на самом процессе оказалось, что обвинение шито белыми нитками, и четырех коммунистов пришлось оправдать. Косвенным образом оправдательный приговор бил по подлинным организаторам преступления. Несмотря на все потуги суда, выявившиеся на процессе факты подтверждали: Рейхстаг подожгли сами нацисты, чтобы получить предлог для роспуска левых партий и массового террора. Подожгли — но как? Кто уговорил ван дер Люббе стать подставным лицом, кто разработал план поджога, кто знал об этом плане, кто помогал ван дер Люббе? Проникнуть в здание Рейхстага поджигатели могли только через туннель из дворца Геринга — это обстоятельство и путаные показания самого Геринга убедили нас, что прусский министр-президент был замешан в организации поджога.

Но как убедить наивный Запад в этой фантастической истории? Мы не располагали прямыми уликами, не имели доступа к свидетелям и поддерживали связь с Германией только по нелегальным каналам. У нас не было ни малейшего представления о конкретных обстоятельствах поджога. Полагаться приходилось на догадку, на блеф, на интуитивное знание методов и образа мышления наших противников по тоталитарному заговору.

"Мы" в данном контексте — это пропагандистский штаб Коминтерна в Париже, действовавший под вывеской "Международного комитета помощи жертвам германского фашизма". Как я уже говорил, я прибыл в Париж в разгар битвы, и на меня были возложены вспомогательные функции. Мои обязанности заключались в том, что я должен был следить за реакцией на Лейпцигский процесс и на нашу пропаганду в английской прессе и в Палате общин, изучать колебания общественного мнения в Великобритании и делать соответствующие тактические выводы. Кроме того, в течение некоторого времени я занимался выпуском ежедневных бюллетеней, которые распространялись среди французских и английских журналистов.

Я включился в борьбу, когда первый раунд был уже выигран, — нацисты были вынуждены перейти к обороне. Им пришлось пойти на отчаянный шаг и вызвать в качестве свидетелей Геринга, Геббельса и Хеллдорфа, чтобы оправдаться в глазах международного общественного мнения. Их поражение и наша конечная победа — сенсационное оправдание подсудимых-коммунистов — почти целиком заслуга одного гениального человека, Вилли Мюнценберга.

Пожар Рейхстага
27 февраля 1933 г.

Вилли был "серым кардиналом" и невидимым организатором этой международной антифашистской кампании. Он покинул Германию в ночь поджога Рейхстага, обосновался со своим штабом в Париже и развернул борьбу, равную которой не знала история пропаганды.

Начал он с того, что организовал "Международный комитет помощи жертвам германского фашизма" с филиалами по всей Европе и Америке. В порядке камуфляжа этот комитет выдавал себя за благотворительную организацию. В каждой стране в него входила группа в высшей степени респектабельных лиц — от английских герцогинь и американских газетных обозревателей до французских ученых, которые в жизни не слышали фамилии Мюнценберг и в представлении которых Коминтерн был плодом воображения доктора Геббельса.

Международный комитет, привлекший к себе целую плеяду мировых знаменитостей, стал главной действующей силой этой кампании. Особое внимание уделялось тому, чтобы ни один коммунист, за исключением нескольких широко известных деятелей, таких, как Анри Барбюс и Дж. Б. С. Холдейн, не был официально связан с этим комитетом. Парижский же секретариат, ко-

торый заправлял всеми делами комитета, был чисто коммунистическим органом — возглавлял его Мюнценберг, а контролировал Коминтерн. Секретариат поначалу размещался на рю Мондатур, неподалеку от "Чрева Парижа", а затем на бульваре Монпарнас, 83. У самого Мюнценберга в Международном комитете был отдельный большой кабинет, но никто из посторонних даже и не подозревал об этом. Вот так просто все было устроено.

Вслед затем Вилли Мюнценберг создал в Париже собственное издательство "Editions du sautefour" и засадил штат своих сотрудников за составление знаменитой "Коричневой книги о гитлеровском терроре и поджоге Рейхстага". Со времени опубликования знаменитого памфлета "Здравый смысл" Томаса Пейна, пожалуй, ни одна другая книга не вызывала такого политического резонанса.

"Коричневая книга" была опубликована анонимно. На титульном листе значилось: "Подготовлено Международным комитетом помощи жертвам германского фашизма, с предисловием лорда Марли". В "Коричневой книге" впервые был собран подробный материал о концлагерях в Германии (в том числе статистические данные и списки жертв), о преследовании евреев, запрете книг и других сторонах террора. Все документальные данные были добыты разведывательным аппаратом Коминтерна. Кроме того, в "Коричневую книгу" была включена "полная закулисная история поджога", начиная с

подробной биографии ван дер Люббе, которую агенты Коминтерна раскопали в Голландии, и его связей с гомосексуалистами из окружения главаря коричневорубашечников капитана Рема, и кончая убедительным рассказом о проникновении поджигателей в здание Рейхстага через подземный туннель. Назывались и некоторые конкретные имена — граф Хеллдорф, Гейнц и Шульц из СА.

Это был набор обрывочных фактов, предположений, догадок плюс чистейший блеф. Очевидным было одно: определенные нацистские круги каким-то образом сумели осуществить поджог Рейхстага. Все остальное было гаданием на кофейной гуще. И тем не менее "Коричневая книга" попала прямо в цель. В считанные недели она вышла тиражом в несколько миллионов экземпляров на семнадцати языках и стала библией антифашистов. В больших количествах "Коричневую книгу" нелегально переправляли в Германию под видом изданий дешевой классики — "Валленштейна" Шиллера и "Германа и Доротеи" Гете, которые выпускало издательство Reclam.

Анонимным автором "Коричневой книги" был ближайший помощник Мюнценберга Отто Кац, он же Андре Симон, которого на процессе Сланского в пятьдесят втором году приговорили к смертной казни и повесили. О нем я еще расскажу.

Пока готовилось издание "Коричневой книги", Мюнценберг попутно занялся другими делами. Вместе с Кацем, под прикрытием все того же благотворительного Международного комитета помощи, он создал Комиссию по расследованию причин организации процесса о поджоге Рейхстага. В комиссию вошли известные юристы из разных стран, в том числе бывший премьер-министр Италии Франческо Нитти, сын бывшего шведского премьер-министра сенатор Георг Брантинг, адвокат на процессе Сакко и Ванцетти Артур Гарфилд Хейес, светила юриспруденции — французы Моро Жаффери и Гастон Бержери, англичанин Деннис Притт и другие. 14 сентября 1933 г. в помещении Юридического общества в Лондоне сэр Стаффорд Криппс открыл первое публичное заседание Комиссии по расследованию. Комиссия занималась опросом свидетелей, отбором показаний и вообще действовала на правах "неофициального трибунала, уполномоченного совестью народов", как писал во второй "Коричневой книге" ("Процесс о поджоге Рейхстага") закулисный организатор Комиссии Отто Кац. Прославилась она главным образом проведением так называемого "контрпроцесса". На Западе публичный "теневой" процесс подобного рода был новинкой и привлек к себе широкое внимание. Идея его организации пришла в голову Мюнценбергу, который в поисках какого-нибудь оригинального пропагандистского трюка вспомнил о "тайных судах" русских революционеров во времена царизма.

20 сентября в лондонском Кэкстон-холле, за день до начала слушания дела в Германском Верховном суде в Лейпциге, этот неофициальный трибунал вынес свой вердикт: коммунисты в поджоге Рейхстага не виновны, Рейхстаг подожгли нацисты. Таким образом, благодаря гениальной выдумке Мюнценберга, нацистам с самого начала пришлось обороняться. Судебное разбирательство в Лейпциге продолжалось три месяца и в основном свелось к лихорадочным попыткам опровержения "Коричневой книги" и материалов контрпроцесса. "Коричневая книга" фактически фигурировала на процессе в качестве "шестого подсудимого". Произошел беспрецедентный в истории криминалистики казус: суду, да еще не простому, а Верховному, пришлось сосредоточить внимание на том, как опровергнуть обвинения третьей стороны, не участвующей в процессе! Только этим и объяснялось появление на трибуне для свидетелей череды государственных министров и фантастический запрос суда начальнику полиции Потсдама — документально подтвердить свое местонахождение в момент поджога, равно как и неслыханное самоуничижение министра-президента Геринга.

"В "Коричневой книге" утверждается, — заявил Геринг на суде, — будто я наблюдал за приготовлениями к пожару. Нехватает лишь добавить, что я, как Нерон при пожаре Рима, в голубой тоге играл на кифаре..." "Коричневая книга" — подстрекательский опус, в ней говорится, что я слабоумный, сбежал из сумасшедшего дома, что у меня в черепе трещины. Книгу эту я приказал уничтожать повсюду и везде."

Оправдание Димитрова, Торглера и остальных подсудимых означало полную победу Мюнценберга. Эта победа имела длительные и далеко идущие последствия. В глазах общественности оправдание Димитрова было равнозначно признанию того, что комму-

нисты вообще не повинны в заговорах и насилии. А раз так, то, следовательно, коммунистический террор — выдумка нацистов, пущенная в ход с целью дискредитации их главных противников, тогда как на самом-то деле они — беззаветные борцы за свободу и демократию, только более решительные и смелые, чем другие. И поэтому говорить, что Димитров — агент Коминтерна, могут лишь нацисты. Димитров превратился в символическую фигуру борца против фашизма, мужественного и всеми уважаемого современного либерала.

Прошло полгода, и 30 июня, во время расправы с главарями СА — так называемая "ночь длинных ножей" — были уничтожены и вероятные организаторы поджога Рейхстага — Рем, Гейнц, Шульц и остальные. Таким образом, фактические обстоятельства поджога, по-видимому, навсегда останутся неизвестными. Шульц и Гейнц представили суду довольно убедительные алиби, да и некоторые другие обвинения "Коричневой книги", как оказалось, были построены на песке. Однако ее воздействие от этого ничуть не уменьшилось. В тоталитарной пропаганде детали не имеют значения.

И что еще более важно, коммунистам удалось вытравить из общественного сознания тот факт, что на протяжении долгих лет в Германии и других странах они призывали к насилию и вооруженному восстанию. Улики были налицо — на первых полосах коммунистических газет. Но поскольку на Лейпцигском процессе было установлено, что коммунисты не замыслили вооруженное выступление в день поджога Рейхстага, то общественность восприняла это как косвенное доказательство, что такого умысла у них никогда не было и не будет.

Самым потрясающим примером одурачивания мировой общественности была история так называемого "Софийского заговора", о которой много говорилось на Лейпцигском процессе. В новейшую историю "Софийский заговор" вошел, пожалуй, как один из наиболее злодейских террористических актов. 14 апреля 1924 года в Софии был застрелен начальник болгарского генерального штаба. Два дня спустя, во время панихиды в Софийском соборе, произошел взрыв бомбы замедленного действия, спрятанной за алтарем. Сто пятьдесят человек были убиты на месте, более пятисот — тяжело ранены. В числе других погибли четырнадцать генералов, начальник полиции, мэр Софии, пятьдесят высших государственных сановников, тридцать редакторов газет и журналистов и другие лица. Ранены были и болгарский король, и несколько министров. Заговорщики явно намеревались одним ударом уничтожить верхушку правящего класса Болгарии.

Ответные меры правительства были еще более устрашающими. По официальным данным, 3 537 человек были отданы под суд, из них 300 — приговорены к смертной казни. Состоялся восемьдесят один судебный процесс. По сведениям оппозиции, были убиты и пропали без вести не менее 5000 человек. В Софийском полицейском управлении несколько узников бросились живыми в горящую печь. В Софийской тюрьме был замучен брат Георгия Димитрова. Самого Димитрова как руководителя болгарской компартии приговорили к смертной казни заочно. Димитров и Коминтерн, разумеется, отрицали ответственность коммунистов за это гнусное преступление и утверждали, что его подстроили полицейские провокаторы.

Через семь лет, когда Димитров был арестован по обвинению в поджоге Рейхстага, нацистская пресса вспомнила о взрыве в Софийском соборе. Димитров и Мюнценберг заодно с коминтерновским агитаппаратом ловко этим воспользовались и постарались убедить весь мир, что раз коммунисты не виновны в поджоге Рейхстага, то не виновны они и во взрыве в Софийском соборе. Об этом не преминул сказать Димитров в своей знаменитой заключительной речи на Лейпцигском процессе.

"Уважаемые, господа судьи! — сказал Димитров. — Не первый раз подобное преступление приписывается коммунистам... Я хотел бы напомнить вам о взрыве в Софийском соборе. Хотя болгарская коммунистическая партия не имела к нему никакого отношения, этим взрывом воспользовались как предлогом для ее преследования. По этому ложному обвинению были убиты две тысячи болгарских коммунистов, рабочих, крестьян и интеллигентов. В действительности же провокационный взрыв в Софийском соборе был организован болгарской полицией".

Правда обнаружилась пятнадцать лет спустя и поведал о ней тот же Димитров. 19 декабря 1948 г., на V съезде болгарской компартии, Димитров признал, что взрыв все-таки организовали коммунисты, в то время, когда в партии был силен левый уклон.

”Внутри страны Исполком не смог преодолеть ультралевый уклон, вовремя свернуть курс на вооруженное восстание и приступить к реорганизации деятельности партии в новых изменившихся условиях. Фашистское правительство страны продолжало с еще большей жестокостью проводить свой террористический курс. Воспользовавшись отчаянными действиями военной организации партии, кульминацией которых явилось покушение в Софийском соборе, оно приступило к массовым расправам с коммунистическими активистами...”

Как ни парадоксально, оба этих заявления напечатаны в книге ”Избранные статьи и речи Георгия Димитрова”, изданной английской компартией с предисловием Гарри Поллита (Georgi Dimitrov. Selected Speeches and Articles, Lawrence & Wishart. London, 1951) — первое, в котором он отрицает причастность болгарских коммунистов к взрыву, помещено на стр. 22, второе — с признанием вины — на стр. 202–203. В первом случае взрыв в Софийском соборе назван в английском переводе ”outrage”, во втором — ”attempt”. Димитров в обоих случаях употребил одно и то же слово — *Attentat*.

После вынесения оправдательного приговора Торглер был взят под ”превентивную охрану”, то есть заключен в концлагерь, а Димитрова и двух его помощников-болгар, несмотря на неоднократные угрозы Геринга, на самом деле поскорее отправили в Москву. Двое специалистов по истории Коминтерна — Рут Фишер и Франц Боркенау — утверждали, что Димитров еще в начале процесса знал о тайной сделке между ГПУ и гестапо и о том, что, независимо от приговора, его должны были благополучно доставить в Союз.

Утверждения Рут Фишер основаны на конфиденциальной информации, полученной ею во время судебного процесса Вильгельма Пика, в то время члена ЦК германской компартии, и от подруги Торглера Марии Ризе, депутата Рейхстага. Пик в то время был обеспокоен, уверяет Рут Фишер, тем, что Торглер может проведать об этой сделке и проговориться от досады, что его самого обошли. Поэтому Пик ”в срочном порядке подыскал в нелегальных кругах гонца для отправки в Лондон с сенсационным известием о предательстве Торглера. Курьер Пика действительно прибыл в Лондон и принял нашептывать свою новость, но поскольку Торглер ни разу не обмолвился об обстоятельствах спасения Димитрова, было решено не раздувать этот слух”.

Сам я не располагаю информацией из первых рук относительно этой будто бы состоявшейся сделки. Однако я хорошо помню, что Мюнценберг не раз многозначительно увещевал сотрудников ”не раздувать роль Торглера”. Подразумевалось, что Торглер может ”подкачать” или даже переметнуться на другую сторону... Впрочем, трудно утверждать, что это подозрение было связано со сделкой, касавшейся судьбы Димитрова.

Если же такая тайная договоренность действительно существовала, то это еще одно подтверждение негласных отношений между двумя тоталитарными режимами в период после прихода нацистов к власти и до заключения пакта между Сталиным и Гитлером. Но даже и в этом случае Димитров во время процесса рисковал: своими речами он мог разъярить нацистов и вынудить их отказаться от сделки. Он действительно проявил необыкновенное личное мужество. Последующее же его поведение на посту генерального секретаря Коминтерна и во время ссоры между Сталиным и Тито лишний раз доказывает, что коммунист способен драться с врагами, как лев, и, как мышь, дрожать перед вышестоящим начальством.

Так завершилась гомерическая по своим масштабам игра в жмурки между двумя великанами. Я извлек из нее урок: в области пропаганды полуправда — оружие более сильное, чем правда, тот, кто обороняется, — всегда проигрывает. И еще один, главный урок: в сфере пропаганды демократия уступает тоталитаризму. На основе длительного опыта общения с Мюнценбергом я скептически оцениваю шансы Запада в ”психологической войне” против таких противников как Гитлер или Сталин. Ибо для успеха в этой психологической войне Западу пришлось бы отказаться от тех принципов и ценностей, которые он отстаивает. ●

ПИСЬМО ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Как это ни странно, многих из нас то, что назвали перестройкой, застигло врасплох. Удивительно, что именно нас. Как будто не боролись мы за это, не добивались этого, к этому не стремились. Смягчение режима вызвало некоторую растерянность даже у тех, кто не терялся перед лицом неприкрытого насилия. Опять, в который уж раз, слышится беспомощный вопрос: "Что делать?" Вообще-то вопрос хороший, и сомнение дело хорошее, но от многократного повторения в сходных ситуациях вопрос теряет значительную долю своей привлекательности, а сомнения на известном этапе останавливают движение согласно общеизвестному закону: "Палок не должно быть больше, чем колес". Невольно вспоминаются рассказы свидетелей и участников первой нашей оттепели пятидесятих годов. Как и сейчас, писатели, художники, режиссеры, кинематографисты бросились печатать, ставить и выставлять то, что копилось на полках и в запасниках, — поскорее накормить, напоить, отогреть после лютой сталинской зимы. Это же они делают и сейчас. Они не растерялись, они честно используют ситуацию до конца.

Но, помнится, после XX съезда на заводах, в научных институтах, в творческих союзах шли бурные обсуждения. Не кучка оппозиционеров, а целые парторганизации принимали такие решения, как рекомендация упразднить КГБ или просьба распустить колхозы. Люди мечтали, горячились и занимались прекрасным делом — социальным прожектерством с несколько утопических, но благородных позиций. Они добивались невозможного, и при этом одни отправлялись в лес, а другие зачастую и по дрова.

Сейчас же меня пугает наша избыточная дисциплинированность, согласованность, отретированность всего того, что происходит. И еще наш тихий ответ на вопрос, что делать. "Ждать".

Чего? В "Известиях" была прекрасная статья, где меня поразила одна фраза: "Демократизация — это как письмо до востребования. Мало его послать, надо, чтобы кто-то его востребовал". Требуем ли мы? Почему мы перестраиваемся строем, почему демократизируемся все в ногу? Конечно, свинцовые времена протяженностью в семьдесят лет научили нас дисциплине. Но неужели навсегда? Чего ждать? Взмаха дирижерской палочки? Разве не следует забегать вперед времени, вместо того чтобы плестись у него в хвосте? Предположим, что у правительства действительно добрые намерения, что оно искренне желает реформ и даже демократии. Очень бы хотелось в это верить. Если так, то мы плохо помогаем ему в этом. Ведь если правительство искренне, оно ждет от нас не аплодисментов и благодарности, а независимых от него же действий на общее благо, социальной и политической активности. Ему нужен тогда не хор славословий, а взыскание нами "сладкой вольности гражданства", несогласие, споры и доказательства того, что нам нужна полная свобода. Ведь ни подарить, ни навязать свободу нельзя. Это нелепо и недемократично.

Не вакцина — не завезут,
и не алкоголь — не забросят.
Проступает свобода, как проседь,
до костей раздирает, как зуд.

(Б. Слущкий)

Давайте, как рекомендовал Сократ, исследуем нашу ситуацию. Освобождение примерно десятой части политзаключенных — большое благо. Никто этого не отрицает. Но

что-то мешает аплодировать. Во-первых, непонятно, почему нельзя освободить сразу всех (по нашим данным, это примерно 1000 человек). Разве оставшиеся 900 человек чем-нибудь отличаются от освобожденных? Они столь же невиновны и так же страдают. Почему длятся их мучения? Почему до сих пор не наказаны, не преданы суду лица, ответственные за мученическую смерть Анатолия Марченко — уже в период перестройки? Почему освобожденные не реабилитированы в печати? Почему правительство не извинилось перед Андреем Дмитриевичем Сахаровым за незаконную ссылку в Горький и за клевету на него в прессе в течение 15 лет? Почему и освобождение, и возвращение А.Д.Сахарова из ссылки определяются как акт гуманности, а не как желание загладить преступления, совершенные режимом? Почему товарищ Герасимов утверждает в "Московских новостях", что юридическим основанием для освобождения явился отказ помилованных от противоправных действий? Во-первых, противоправной деятельностью никто из них не занимался. Противоправны статьи УК, по которым они были осуждены. А потом, большинство вовсе не отказывалось ни от своего образа мыслей, ни от своего образа действий. Ни устно, ни письменно. А некоторые даже обещали (письменно) нечто противоположное.

Как может покаяние сочетаться с таким количеством лжи? И почему, если специальным указом можно ввести в УК 190¹ статью, то нельзя тем же способом немедленно изъять из УК статьи 70, 72, 190¹, 190², 190³, 188³ и 227, которые нас всех позорят? Я уважаю редактора "Нового мира" Залыгина за намерение продолжать дело Твардовского, за роман "После бури". Но почему он в Париже дал такое странное интервью? Конечно, хорошо, что имя А.И.Солженицына впервые за долгое время употреблено без "джентльменского набора" бранных эпитетов. Но что значит утверждение, что никто в СССР сейчас не собирается печатать Солженицына? Ведь отношение Твардовского к Солженицыну было всем хорошо известно. Он напечатал "Один день Ивана Денисовича", рассказы, собирался публиковать "Раковый корпус" и "В круге первом" (был расшан уже готовый набор). Так что, мне кажется, совершенно ясно, как можно продолжать дело Твардовского в этом аспекте. А почему, собственно, никто в СССР не собирается печатать Солженицына? Потому что пока не разрешают? Так надо было и сказать. Или по иным соображениям? Надо было их привести. И причем здесь авторские права? Неужели все дело в том, что Солженицын потребует с "Нового мира" слишком большой гонорар? Этот тот Солженицын, который все свои гонорары передает в Русский фонд помощи политзаключенным, оставляя себе самое необходимое на пропитание?

Интересна статья Лена Карпинского в тех же "Московских новостях". Он пишет, что не является врагом тот, кто имеет свою точку зрения на многие предметы, но при этом верит в социализм. Ну, а если не верит? Разве от этого он становится врагом? Как все-таки понимать свободу? Как свободу выбора методов для достижения единой цели или как свободу выбора целей?

Или заседание президиума Союза писателей, отменившее гнусное решение об исключении Пастернака. Я уже не спрашиваю о том, почему процесс покаяния в этой подлости затянулся на 30 лет, почему роман "Доктор Живаго" не был прочтен хотя бы пять лет назад. Ответ слишком даже очевиден. Меня волнует другое: если члены Союза писателей решили раскаяться, то почему не во всех грехах? Ведь отпущение так просто не дается. Хорошо, что отменено чудовищное решение, хорошо, что будет собрание сочинений, хорошо, что напечатают, наконец, "Доктора Живаго". Но почему не отменены аналогичные решения относительно Л.Чуковской, В.Максимова, В.Войновича, Инны Лиснянской, А.Солженицына и многих других? Или им надо сначала умереть затравленными на родине либо изнемогающими в изгнании, чтобы потом души членов СП возжаждали покаяния? Или покаяние по Пастернаку уже разрешено, а по Солженицыну — нет? Но тогда это покаяние по команде. А такое искупление хуже самого прегрешения.

Итак, поприще широкое. Как для художников и экономистов, так и для политических оппозиционеров. Если правительство искренне, то ему наше недовольство нужнее нашего "глубокого удовлетворения", а наши требования и претензии важнее нашей благодарности. И уж конечно, наша борьба за свои права приятнее дисциплинированной покорности. Так что:

Не оставляйте стараний, маэстро,
Не убирайте ладони со лба.

(Б.Окуджава)

ЛИБО БЮРОКРАТИЯ — ЛИБО ДЕМОКРАТИЯ

Открытое письмо М.Горбачеву

Автор публикуемого письма Алексей Мясников — кандидат философских наук, социолог, журналист. Он был арестован в 1980 г. и обвинен по ст. 190–1 УК РСФСР — "распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй". После освобождения Мясникову не разрешили вернуться домой в Москву, до сих пор не дают возможности работать по специальности, печататься. Письмо А.Мясникова публикуется с сокращениями.

Уважаемый Михаил Сергеевич! Обращается к вам один из тех, кто является искренним сторонником начатых в стране преобразований. Многие из нас ждали этого оздоровительного процесса, были убеждены в его неотвратимости и добивались перемен. Жертвами, искалеченными судьбами заплатили мы за право участвовать в перестройке. Но — не дают.

Два года как новое руководство у власти, год прошел после XXVII съезда партии, — срок небольшой, однако вполне достаточный, чтобы изменить отношение к тем, кто пострадал за идеи и убеждения, высказываемые ныне с высоких трибун. Где-то на самом верху отношение меняется: идет амнистия, пересмотр дел осужденных за свои убеждения. Люди выходят из ссылок, тюрем и лагерей с надеждой, готовые к активной общественной деятельности. Большинство из них могут внести полезный вклад в перестройку. В отличие от массы приспособленцев, вьющихся вокруг должностей и кормушек, мы, как и прежде, готовы работать не за страх, а за совесть. Но несмотря на это, а может, именно поэтому, — не дают работать. Кто не дает? Да те же лица и органы, кто не давал работать и раньше, кто преследовал, сажал, говорил "так нельзя мыслить". Речь идет прежде всего о так называемых правоохранительных органах...

Единственный способ добраться письму до вас — публикация. Это у нас невозможно. Если бы письма и статьи на темы, которые я здесь затрагиваю, печатались, производ наверняка бы убавился, и не было бы нужды привлекать ваше внимание. Темные силы отечественной бюрократии боятся гласности больше, чем вас. Больше всего на свете они боятся самого света. Больше всего в жизни они боятся самой жизни. Сейчас они лицемерно поддакивают гласности только для того, чтобы никогда ее не допустить. Поэтому у нас пока нет подлинной гласности. И меньше всех в нее верят профессиональные ее глашатаи — редакторы. Просто ячейки цензурной сети, в которой дохнет наша печать, чуть стали шире, посвежело, легче дышать — вот и вся наша гласность на сегодняшний день. Сеть-то осталась, и на каждого

редактора куча начальства, от коего всецело зависим, и оно по-прежнему бдит. Сегодня кое-что дозволено, но где гарантия, что завтра редактор не слетит с работы? Гарантия у начальства, а оно бывает всякое, и настроение тоже всякое. Такой ненадежной гарантии редактор предпочитает более надежное, испытанное средство — осторожность. Острый материал он никогда не опубликует, не получив "добро" у начальства. Сегодняшняя гласность — это пока что административная гласность, гласность сверху, то, что разрешено, не более того. Подлинной, общественной, народной гласности, гласности снизу — как не было, так и нет.

В канун XXVII съезда партии — съезда перестройки и ускорения — "Известия" напечатали криминальную статейку (это у них называется "Репортаж с пристрастием") "Сапожное дело". Некто Чилингаров на базе захудалой сельской мастерской организовал производство модной, дефицитной обуви в шесть-семь раз больше планового задания. Не взял с государства ни копейки, но и не обидел мастеров и себя, разумеется. Дали ему 8 лет. От мастерской остались рожки да ножки. Орлы-милиционеры! — "с пристрастием" восхищался автор, — разоблачили такую вредную фирму. А нет бы задуматься: почему у нас на скамье подсудимых нередко оказывается тот, кто не на словах, а на деле добивается перестройки и ускорения?

Я написал об этом в "Известия". К чести редакции, они не обиделись, наоборот, предложили подготовить статью по аналогичному хозяйственному делу и дали командировку в Тулу. Там шли крупные процессы, связанные с нелегальным производством и взятками чинам, в том числе из милиции. Статью приняли и запланировали в печать. Но возник вопрос: почему я шесть лет не печатался? Я сказал, почему. Редактор схватился за голову. Статью сняли. Я предложил поставить любую фамилию, отказался от авторства, от гонорара — лишь бы статью напечатали. "Кикто не возьмет на себя ответственность", — был ответ. Страх перешиб интересы дела.

Однако быстро опубликовали в "Советской России". Правда, хорошенько отутюжили, выкинули все, что касалось мародерства милиции, недостатков расследования и безумной жестокости приговоров, а обвиненных предпринимателей назвали жуликами. Но остался смысл: это такие "жулики", которые нужны в народном хозяйстве, а не в тюрьме, у которых официальной экономике есть чему поучиться. Статью обсудили за "Круглым столом", материалы дискуссии тоже опубликовали. Казалось бы, лед тронулся: можно работать и печататься. Принесли даже анкету для поступления на работу — в штат газеты. На 14-м вопросе я споткнулся: привлекался ли к судебной ответственности? Дальше заполнять не имело смысла. У меня подготовлено еще три материала, два из них уже набраны, — будете ли печатать? Обещали печатать и предложили писать. Но с той поры статьи мои не появляются на страницах газеты...

"Учиться демократии", "демократия нам нужна как воздух", — Михаил Сергеевич, вы произнесли вещие слова и положили начало историческим переменам. Вы завоевали великое число сторонников и в стране, и в мире. Противники перестройки в ничтожном меньшинстве, но это всесильная бюрократия, занимающая ключевые позиции в государстве, контролирующая преобразовательный процесс на практике и не желающая глубоких перемен. Их сила в сложившейся системе тотального контроля над обществом, за сохранность этой системы они держатся мертвой хваткой. Их лозунг: перестраиваться, ничего не меняя. И пока они в силе, они способны извратить любые реформы до неузнаваемости, обратить прогресс в свою противоположность. Поэтому преобразовательный процесс сейчас приобретает контуры некой демократии сверху, полицейской демократии. Перестройка для них — погремушка: побалуемся и перестанем. И действительно все остановится, если граждане не получат реальные права, если не будет настоящей демократии — снизу. И все бы пошло гораздо быстрее и эффективней, если бы бюрократия не сковывала активность ваших сторонников. Прекратить перемены она уже не может, но помешать, извратить

– на это они не жалеют усилий. В этом легко убедиться хотя бы по крену в сторону госприемки или нарочито запутанного проекта Закона о государственном предприятии.

Вопрос стоит так: либо бюрократия, либо демократия. Пока он не решен, подлинной перестройки не будет, сейчас идет не перестройка, а борьба за перестройку. Новый курс победит лишь в том случае, если удастся реорганизовать систему бюрократического контроля над производством и обществом, если общество победит бюрократа. Первое, что необходимо для этого: нормальная юстиция и гласность. Юстиция должна заложить законодательную основу нового общества, освободив его от удушающих пут ведомственного псевдоправового регулирования, которым прикрывается бюрократический произвол. Гласность на основе независимых средств массовой информации обеспечит свободный диалог, обратную связь между обществом и государством. Будет у нас закон, и будет кому за него заступиться.

Надо как-то определить отношение государства к так называемому диссидентству. С официальной точки зрения – это преступники: клеветники, отщепенцы, предатели. На самом деле в основном это люди, отстаивающие гарантированное Конституцией право на свободу мысли, слова, передвижений. Я, например, даже не подозревал, что я диссидент, пока меня не посадили по ст. 190¹.

Наверное, кому-то выгодно раздувать жупел опасности для государства, чтобы героически рыться в личных архивах, морить людей в тюрьмах и лагерях, увеличивать число государственных преступников, а заодно штаты карательных учреждений. Чем больше вредных людей, тем я полезней, чем больше ненужных, тем я нужнее, чем меньше прав у других, тем у меня больше прав. Это единственный, для циника – самый простой способ доказать свою полезность, силу, преданность. Вот такая варварская логика, такие "патриоты" и создали проблему диссидентства. А чем она оборачивается для общества?

И никто об этом слышать не хочет, ни до кого нельзя достучаться. И не дай Бог что-то опубликовать на Западе. А что остается делать? Как одолеть свою немоту и глухоту безответственных лиц, чтобы хоть как-то повлиять на правительство в интересах общества? В крошечной безгласности – Запад единственное спасение. Так кто виноват: те, кто обращается за помощью к западным средствам информации, или те, кто вынуждал на это, кто был обязан помочь, а не помог? Кто прав: те, кто мыслит, или те, кто не давал мыслить? Кто патриот: те, кто ратовал за перемены, или те, кто сажал за подобные убеждения?

Что и говорить – критика не всегда приятна. Но разве это не партийный лозунг: критика и самокритика? Клевета? Но почему клевета определяется в следственных кабинетах карательных органов, по какому праву они насилуют истину, претендуют на роль носителей истины в последней инстанции? Разве само общество, сами люди не способны отличить зерна от плевел? Проблемы возникали и будут возникать. Критика была и должна быть. Не сажать бы надо, а обсуждать, – не было бы тогда и не будет никакого мифического диссидентства. А была бы просто демократия, нормальное, здоровое общество. Проблемы диссидентства нет, есть проблема тотального деспотизма. Проблема диссидентства насквозь фальшива, искусственно создана. Трагическая ошибка, из-за которой наше государство потеряло много честных, талантливых, нужных людей, и еще больше людей было изолировано или отстранено от активной общественной деятельности. Амнистия политзаключенных – осознание и исправление этой ошибки.

Но этого мало. Надо вернуть этих людей к нормальной жизни. Вернуть то, что было отобрано: права, жилье, работу. Люди возвращаются из ссылок и лагерей, а жить многим негде, прописка – проблема, на работу не берут, в редакциях, учреждениях от них шарахаются. Они освобождены из заключения, но в обществе по-прежнему не свободны. И не будет у них реальных прав и свобод, пока на них клеймо судимости. Нужна реабилитация. Это абсолютно необходимо, если демократизация – не внешторговская реклама, а реальный процесс.

Мы не клеветали и не подрывали. Наоборот, нас оклеветали те, кто подрывал, не давал развиваться обществу. Кто сегодня тормозит перестройку. Именно эти люди и сейчас не дают нам прохода. "Вы были и остаетесь преступниками", — заявляют нам они со всеми вытекающими отсюда последствиями. Их можно понять: они не хотят перестройки, боятся свободного слова, боятся разоблачений. А кто мы с точки зрения тех, кто за перестройку? Хотелось бы знать Ваше мнение, Михаил Сергеевич. Пока что мы — лишние люди.

Общество истосковалось по здравомыслящему руководству. Стране нужны честные, думающие люди. Если демократия нужна, как воздух, то ведь и демократы нужны. Кто за нее будет бороться, проводить ее в жизнь — милиция, КГБ, Госкомтруд? Я надеюсь дожить до того времени, когда и названные органы будут не мешать, а защищать демократию, не нарушать, а соблюдать законы, не карать невиновных, а стоять на страже прав человека. Это возможно лишь в том случае, если в каждом проявлении свободомыслия — гражданского ли, хозяйственного ли — они перестанут видеть своего врага. Если личный, должностной или ведомственный интерес не вопреки общественному, то у нас должна быть одна цель — благо общества, и работать мы должны сообща. ●

А. Мясников

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

В январе этого года житель города Калининграда Московской области Игорь Иванович Карпов был вызван в Органы, где с ним беседовали товарищ Мандрыкин и еще один сотрудник. Встреча с ними вдохновила И.Карпова на нижеследующее письмо.

Многоуважаемый гр. Мандрыкин!

Находясь все еще под глубоким впечатлением от полезной и поучительной беседы, которую мне посчастливилось иметь с Вами и с Вашим глубокоуважаемым коллегой 16 января с.г., и переживая в связи с этим состояние творческого подъема, я задумался над тем, не написать ли мне небольшую (или большую, как получится) поэму в стихах. Уразумев из нашей с Вами беседы, что Вы и Ваши сотоварищи являетесь ценителями и любителями поэзии в частности и изящных искусств вообще, хочу поделиться с Вами своими творческими планами и посоветоваться насчет сюжета и особенно насчет окончания поэмы.

Действие поэмы происходит в некоторой воображаемой республике Лимонии (что не имеет, понятно, ничего общего с нашей замечательной действительностью). Население Лимонии состоит из лимонцев, отщепенцев, доносителей и работников некоего Учреждения, наблюдающих за их нравственностью.

В том случае, если работники Учреждения решают, что кто-либо отклоняется от лимонской нравственности или идеологии, его без большого шума увозят ночью в специально отведенные места. Время от времени кто-нибудь из счастливых лимонцев не выдерживает, выходит на площадь, воздевает руки к небу и вопит: "Бог, где ты?!" Ночью его тоже увозят. В конце концов работникам Учреждения почти удается вывести лимонскую породу человека нового типа, но население почему-то начинает спиваться и вымирать. Отыскиваются скептики, которые говорят: "Да, конечно, мы самое передовое в мире общество, но не слишком ли мы — того?" Работники Учреждения смотрят на них пронзительными взглядами и спрашивают: "А наша зарплата? Что же нам — сборщиками лимонов идти работать?" Скептики опускают глаза, ночью их тоже увозят.

В результате эффективной деятельности Учреждения все, кто надо, вывезены куда надо. Учрежденцы остаются без работы (а по лимонским законам никто не имеет права не иметь работы). Учрежденцы начинают тогда, естественно, заниматься теми, кем не надо. В том числе одного из счастливых лимонцев увольняют со службы для

того, чтобы он стал тунеядцем, после чего учрежденцы имеют полное моральное право с веселым гоготом ходить за ним всей кодлой и получать за эту опасную и тяжелую работу хорошую зарплату. Этот бывший счастливый лимонец вместо того, чтобы каяться (лимонцы обычно каются, хотя и не знают, за что; но в данном случае школа, семья и детская лимонская организация недоглядели, в результате чего вырос моральный урод), становится на рога и начинает сочинять стишки. Но этим учрежденцев не напугаешь. Напротив, теперь его можно объявить не только тунеядцем, но и клеветником, отщепенцем, изготовителем документов, порочащих республику Лимонию, онанистом, импотентом, сионистом, антисемитом, формалистом, культурным власовцем, секретным агентом государства Чемодании (это заклятый враг Лимонии), марсианским шпионом, идеологическим диверсантом, алкоголиком, параноиком и шизофреником (если я что-нибудь упустил, Вы, с Вашими профессиональными знаниями и навыками, мне, конечно, укажете).

Счастливые работники Учреждения предупреждают бывшего счастливого лимонца, что он вскоре покончит "самоубийством", в его отсутствие устраивают шмоны в его квартирке, обещают из нее выселить, таскают к психиатру, заставляют доносить на него его друзей и родственников, похищают письма, обещают устроить "на казенный хлеб" и т.д., и т.п., но все это весело, с прибаутками, потому что дяди шутят. Отщепенец, по замыслу, должен подохнуть естественной смертью от недоедания. Но негодяй все время от этого увиливает. Так продолжается десять лет.

И тут случается нечто совершенно невообразимое, попирающее все лимонские нормы морали и нравственности! Его матушка (ей 75 лет, и она живет в другом конце лимонского государства) вдруг начинает посылать своему сыну-негодю двадцать пять лимониев в месяц (лимоний — денежная единица Лимонии; на 25 лимониев можно купить семь килограммов лимонов). Скажите, глубокоуважаемый гр. Мандрыкин, Вы бы на месте лимонских учрежденцев потерпели такое?! Но бедняги терпят, терпят месяц, терпят два, пять, шесть! Наконец и они не выдерживают. Отщепенец вызывается в Учреждение, где с ним "беседуют", при этом учрежденцы страшно волнуются по поводу этих 25 лимониев, присылаемых матушкой, вопя на негодяя дурными голосами: "Тунеядец! клеветник! оборотываешь мать!" (Многоуважаемый гр. Мандрыкин! совпадение лексики лимонцев с Вашей — совершенно случайное, так сказать, лингвистический курьез, не берите, пожалуйста, в голову).

Отщепенец, однако, не реагирует. От него требуют подписать обязательство не вести антилимонскую деятельность, но отщепенец нагло молчит (по правде сказать, он не знает, в чем заключается его антилимонская деятельность, но это и не нужно, лимонцы обычно подписывают, что ни попадя).

Тогда отчаявшиеся работники Учреждения приступают к реализации варианта "медицинское решение". Матушку отщепенца укладывают в больницу. Бедная женщина испытывает чувство глубокой благодарности к лимонскому правительству за внимание и заботу о ее здоровье. Откуда ей знать, что в больнице это здоровье может внезапно резко ухудшиться и замечательные лимонские врачи ничего не смогут поделать. Тогда проклятый отщепенец не будет больше получать переводы в 25 лимониев и сам, сука, приползет на коленках куда надо.

Вот здесь-то я, глубокоуважаемый гр. Мандрыкин, хочу с Вами посоветоваться — каким образом мне закончить свою будущую поэму? Первый вариант: матушка умирает, но отщепенец не ползет, а поднимает, негодяй, шум, предав дело огласке (с него станется). Второй вариант: учрежденцы вовремя передумывают, снова начинается сказка про белого бычка. Как бы Вы закончили поэму? Я бы лично посоветовал лимонцам с поэтами не связываться. А то что ведь получается? Убьешь одного, получишь одну голову, а потом теряешь из года в год на этом деле десятки тысяч душ. Какая-то дурацкая лимонская арифметика.

С пожеланием больших успехов в Вашей тяжелой и опасной работе,

ПОЖИВЕМ, УВИДИМ

...Расскажу о политике, которую наши средства массовой информации ведут в отношении развития отечественного правосознания. Это настолько важный, узловой участок жизни, что здесь заслуживают внимания и самые, казалось бы, малозначительные штрихи, заметные только для наших тренированных глаз. Со стороны это может показаться едва заметной рябью на гладких просторах нашего безмятежно-спокойного идеологического океана, но изнутри, отсюда, эта рябь вырастает чуть ли не до размеров бури, возможно, не без помощи мечтательного воображения... Вооружимся лупой и рассмотрим эту рябь.

То, что я называю здесь "политикой, направленной на развитие правосознания", может быть, по моим наблюдениям, препарировано таким образом: попытка утвердить идею законности, правосудности, плюс пропаганда идей индивидуальной предприимчивости, деловой самостоятельности, права на личный экономический интерес, плюс снятие идеологических табу с таких понятий, как нравственная автономия личности, право на неординарные эстетические вкусы и т.п. Думаю, не надо убеждать вас в том, что в нашей жизни здесь кое-что изменилось; достаточно, если я скажу, — а вы мне поверите, — что по всем трем аспектам правосознания (юридическому, экономическому и духовному) налицо бесспорные сдвиги к лучшему. Чего-то тут больше, чего-то меньше, больше пока словесного, декларативного, меньше институционального, практически реализованного, но ведь это неизбежно: "вначале было Слово", а "слово" это обрушивается в последние несколько месяцев на головы публики поистине ливневыми потоками, то есть с той степенью массированности, на какую способна только наша хорошо организованная пресса. Причем больше всего это относится к центральной прессе и ТВ; на местах народ явно робеет, по многим признакам там преобладает тихая паника, растерянность, нередко — обоснованный страх, ибо "до Бога высоко, до царя далеко", и одна из постоянных тем центральных газет — защита своих провинциальных меньших братьев от погромов местных начальников. Вплоть до того, что публиковалось уже несколько постановлений ЦК по поводу избития той или иной "малой" газеты, с соответствующими образцово-показательными оргвыводами для зажимщиков газетной критики. Дело, конечно, не в самих по себе оргвыводах, кого теперь этим удивить, но я хочу сказать, что дело не просто в том, чтобы вывести прессу из-под власти местных и ведомственных начальников-князей (само по себе это могло бы означать и современный вариант опричнины), но в том, какова стимулируемая сверху *направленность* газетно-печатной критики.

Конечно, не сходит со сцены и вечная тема "бесхозийственности", "разгильдяйства", но чем далее, тем более акценты смещаются в направлении бичевания экономического запретительства, юридического наплевательства, этического пресмыкательства. Хронологически тенденция выглядит примерно так: вначале (в позапрошлом году) главными ключевыми словами, поясняющими суперсимволы "ускорение" и "перестройка", были: борьба за дисциплину, борьба за трезвость, борьба с приписками, борьба со взяточничеством. Затем, с начала прошлого года (съезд), на первое место вышли слова: полный хозрасчет, бригадный и семейный подряд, право на критику, право на эксперимент, законность и юридическое равенство для всех. Наконец, с августа—сентября, после фактического дезавуирования принятого в июне "закона о нетрудовых доходах" (о, как обрадовались было ему органы на местах!), стремительно набрали силу такие символы, как "социалистическая предприимчивость", "демократизация" и особенно "гласность". Последнее слово является сейчас абсолютным лидером и по частоте употребления (уступая разве только основополагающим категориям современной метафизики — перестройке и ускорению), и по месту, на которое ставят его в системе "условий осуществления перестройки". Как-то невольно вспоминается литвиновское, 20-летней давности: "требуем гласного суда..." Таким вот макаром — от славной андроповской "дисциплины"

до не совсем андроповской "гласности". А на Хомутах все еще со вздохом вспоминают о Юрии Владимировиче: "Жаль, не успел развернуться, мало пожил... Он бы показал!.." И это — крестьяне! Не случайно, как говорят, Горбачев в приватной беседе с Ефремовым заметил как-то с тоской: "Эх, Олег Николаевич, жизни моей не хватит, чтобы эту страну раскатать..." Но — поживем, увидим. А пока посмотрим, что уже, на данный момент, удалось раскатать. Без предвзятости любого толка.

Итак, что я имею в виду конкретно под попытками утвердить в незрелых умах моих соплеменников идею законности и правосудности?

Началось все с обычной при всяком новом вожде чистки: кого-то сняли, кого-то посадили. Правда, вскоре поползли слухи о необычно массовых и, главное, "высокопоставленных" посадках. Еще при предыдущих вождах стало известно (не сразу и подспудно) о крупных партийно-хозяйственных мафиях в Средней Азии, Молдавии, затем вышло дело ростовской торговой мафии, кубанской многоотраслевой сети "оступившихся" начальников, наконец, после снятия Гришина, знаменитое "трегубовское дело" — о повальной организованной преступности в московской торговле во главе с завуправлением Мосторга товарищем Трегубовым. Сначала полуоткрыто (в разных лекциях, на семинарах пропагандистов и т.п.), а затем и открыто, в газетах, запестрели фамилии замминистров, министров, секретарей исполкомов и, в конце концов, райкомов, а по национальным окраинам — и обкомов. Стало ясно, что налицо новый невиданный со времен Отца Народов феномен — нарушение иммунитета номенклатуры. Прежде пост министра или секретаря райкома, даже райисполкома был, как известно, надежной броней: такие товарищи неподсудны, в случае надобности их просто снимают и прячут на пенсию, либо переводят на другую работу, тихо и без шума. А тут скандал за скандалом, и притом с постоянным, все нарастающим рефреном: "закон равен для всех". А что, раньше разве не был равен?..

Уже на этой фазе возникла некоторая сумятица в массах. В газеты посыпались письма. Одни читатели горячо поддерживали и поощряли разоблачения. Другие с опаской предостерегали — льем воду на мельницу, создается искаженное представление, зачем так громко и пр. Такие письма, правда, почти не печатали, но о них сообщали и вежливо давали им отвод: дескать, закон, мораль, довольно прикрываться постами, "нет" припискам, взяткам, коррупции (встречал я даже и такое словечко) и прочим злоупотреблениям... После апрельского (1985 г.) пленума и особенно после съезда возник устойчивый символ: "предшествующие годы застоя". С ним стали соотносить источники болезней, сначала экономических ("негибкость", "устарелость", "успокоенность", "экстенсивность"), но очень скоро и социально-нравственных ("атмосфера вседозволенности", "зажим критики", даже "моральная развращенность" — как социальное явление, применительно к слою начальства, с намеками на достаточно широкий, хотя точно и не определяемый уровень обобщения).

И вот на этом фоне пошли косяком статьи на собственно юридические темы: о недостатках существующей уголовно-процессуальной системы и практики судопроизводства и правоприменения в целом, о необходимости изменений в этой сфере; вскоре даже стало высываться слово "судебная реформа". "Литгазета" от отдельных остропроблемных случаев вопиющего беззакония следователей и судей перешла к анализу причин — ограниченному, конечно, но все-таки, — стала печатать интервью с разными профессорами права, прокурорами, адвокатами. От нее не отставали "Известия", где Феофанов чуть ли не через день публиковал свои "юридические диалоги" с разными чинами нашей судебно-юридической иерархии. Кстати, замечу, что именно эти две газеты являются сейчас наиболее интересными (по внутренним вопросам, конечно; по внешнеполитической части они все пока — близнецы, разве что опять-таки известинский Бовин поумнее других; зато литгазетовские борзописцы дадут сто очков вперед любому "Труду"). Не случайно число подписчиков, например, "Известий" подскочило более чем на один миллион (то есть почти на 20%). К "Литературной газете" и "Известиям" пытается подтянуться "Советская Россия" (там сменился редактор), но она все-таки остается желтой, а "Правда", как ей и положено, — серая, гораздо серая. В среду, когда выходит "Литгазета", работа в НИИ и подобных конторах, по крайней мере в Москве, замирает до обеда: судебные очерки, проблемы наркомании, обсуждение очередной "забойной",

книги или фильма, "перестройка" на ТВ, бои за экономическую реформу (семейный подряд, индивидуальное предпринимательство), защита потребителя от жульнических хитростей торгового, транспортного, телефонного или коммунально-бытового министерства, а на закуску — Жванецкий или Арканов (это, правда, не в каждом номере). Все это весьма отвлекает от работы...

Но я отвлекся от темы — повсеместно требуемых и ожидаемых изменений в УПК и практике судопроизводства. К числу таких изменений — оказывается, все, ну прямо все как один согласны, что эти изменения назрели! — можно отнести: допущение адвоката к следствию с момента задержания (предъявления обвинения); разделение функций следствия и прокурорского надзора (а то ведь прокуратуре приходится надзирать и за собой, а это, *оказывается*, не очень здорово!); публикация судебной статистики (прекращенная с 1934 г.); "легитимизация" оправдательных приговоров; более жесткая регламентация санкций на арест и кое-какие другие предложения. Но, пожалуй, еще важнее то, что отнесится к неформальным моментам, о чем очень много сейчас пишется и говорится как о фактическом безобразии, которое нужно решительно прекратить. Эти "пороки" (их изживанию был посвящен недавно специальный пленум Верховного суда): давление на судей со стороны местных властей ("*оказывается*", комнаты для совещания судей очень часто снабжены *селекторной связью* с райкомами, вот ужас!); безграмотность и произвол судей в ходе судебного разбирательства (пришлось, например, Верховному суду *специально указать*, что всякий присутствующий в зале суда имеет право вести записи, — притом что все это уже разрешено в УПК); и, наконец, специально понадобилось разъяснить уважаемым судьям и народным заседателям, что все данные следствия имеют лишь предварительный характер и должны быть непременно подтверждены (или опровергнуты) в ходе судебного разбирательства, коему отдается, так сказать, юридический примат. Приводились жуткие случаи, когда люди осуждались на "вышку" исключительно на основе данных, выбитых из них следователями, хотя на суде обвиняемые все обстоятельно и аргументированно опровергали. Не помогло... Ваксберг написал блестящий репортаж с этого пленума Верховного суда. Правда, тот же Ваксберг, да и другие его коллеги из "ЛГ", уже много лет приводят массу подобных случаев, а в последний год сопровождают их и указанием на истинные причины: преступный заказ местного (конечно, пока лишь "местного") начальства или требования выполнить план по раскрытию преступлений — при полной угодливости судей, прокуроров и нередко даже адвокатов-защитников в кавычках.

И лейтмотивом через всю эту оголтелую и чуждую нам свистопляску — слова-символы: "гласность суда", "контроль общественности (прессы)", "демократизм" и "состязательность сторон" в судопроизводстве. В последнем случае имеется в виду равноправие защиты и обвинения, формальное и фактическое. Говорят, скоро должен выйти закон о судебной реформе: сейчас этого слова "реформа" уже не боятся, как год назад; говорят даже о необходимости "радикальных" социально-экономических реформ. Пока это только слова, но и они характерны. Что это будет за закон, в частности, как он обеспечит независимость судей хотя бы от местного начальства? Предлагалось, например, ввести институт несменяемых судей, их назначение Верховным судом и т.д., но в это плохо верится. Поживем — увидим! Я думаю, что небесполезны уже и сами разговоры в печати на эту тему, а тот факт, что "беседовать" заставляют министра юстиции, генерального прокурора, председателя Верховного суда, — настраивает на весьма оптимистический лад.

Далее, нельзя, конечно, не сказать о кампании бичевания *юридического* произвола местных начальников — секретарей райисполкомов и райкомов. Много пишется о том, как они дают на местных прокуроров, вынужденных, *оказывается*, регулярно отчетываться перед секретарями и согласовывать с ними свои ордера, если дело касается директоров предприятий, председателей колхозов и других важных в районном масштабе лиц. Еще одна тема, также не сходящая со страниц газет, — это более или менее тотальное несоблюдение демократических процедур при выборах в местные советы, в правление колхозов, разных там кооперативных организаций и т.п., вплоть до комсомольских и парторганизаций. Совсем недавно, например, "ЛГ" опубликовала выдержки из очень любопытного документа — инструкции Московского горкома ВЛКСМ район-

ным комитетам о том, как ликвидировать "сложные" ситуации на выборных районных конференциях, — если не хватает кворума, если предлагается "с мест" иная повестка дня, когда поступают какие-то контрпредложения и пр. Короче, как надо в таких случаях жульничать (ну, нас учить этому не надо, сами были комсомольцами, да и все это знают, — но часто ли над такими инструкциями, обнародовав их, издеваются печатно?!). Правда, завершается эта публикация на оптимистической ноте: районные конференции на самом деле прошли отнюдь "не по инструкции", "бурно, как никогда", с намеком, значит, на то, что дни данного горкома сочтены. А отсюда — ведь речь идет о *Московском* горкоме! — рукой подать и до ЦК ВЛКСМ. Понятно, что политика *такого* уровня — дело серьезное, и не газетке ее самостийно решать; но методы, средства — вот что интересно: за *что* цепляют! Да еще и с наглым постскриптомом: полный текст "плана-инструкции" находится в редакции! Дескать, не верите — приходите, покажем в натуральную величину. Ну прямо как "у них" (то бишь "у вас"): добыл газетчик компрометирующий документ — и прощай политическая карьера! Шутки шутками, но *и это* все ж таки — нечто. А между прочим, когда дело касается конфликта местных (областных, районных) газетчиков с местными же властями, где куда как меньше определенности "кто — кого", то дело это и вовсе перестает быть шуточным.

Я очень подробно на этой теме остановился, но это и вправду важно. В результате всей этой свистопляски в последние месяцы года как-то неожиданно для многих провокационные символы "гласность" и "демократизация" выплыли в первую тройку, вместе с "перестройкой", оттеснив бывшего лидера "ускорение" на четвертое место. А возглавившая вначале этот забег "дисциплина" и вовсе оттерлась куда-то в группу середнячков, вместе с "трезвостью", "качеством", "бригадным подрядом" и другими словечками начальной фазы, пропустив вперед пока что ровно, без сбоев бегущую группу "хозрасчетных" символов — "самоокупаемость", "прибыльность", а также стартовавших позже, но стремительно набирающих темп "семейный подряд" и "индивидуальная трудовая деятельность". (Внешнеполитические — "разоружение", "звездный мир" и проч. — я здесь не учитываю: у них как бы своя трасса гонок. В этой области пока ничего отрадного, гласность сюда не проникла, да и перестройки что-то не видать.) Теперь самый момент перейти ко второй составляющей "политики правосознания" — к пропаганде *экономических* прав личности.

Тут опять-таки наблюдается некий взрыв. Сначала шли обычные, ставшие рутинными слова о хозрасчете, о бригадном подряде, экономическом эксперименте.. Далее незаметно от него отпочковался "семейный подряд" — в сельском хозяйстве, — а с августа, сентября вдруг пошли косяком статьи про венгерский опыт, китайский опыт, про нэп: тут как раз подоспел юбилей — 65-летие "нэповской" статьи Ленина, — и пошло поехало! В "ЛГ" появились блестящие, резкие статьи Стреляного, Жуховицкого, Черниченко и других о личном приусадебном хозяйстве, о психологии "уравниловки", статьи, где вскрывались практика и идеология запрещения "чрезмерных заработков", "сверхдоходов", приводилась масса всяких примеров и случаев произвола местных чиновников, перекрывающих пути на рынок, душивших всяческую предпринимательскую инициативу и т.д. и т.п., — при этом даже с элементами, я бы сказал, социально-психологического анализа. Конечно, больше эссеистического, нежели статистического, больше примеров, чем обобщений, но и обобщения тоже были. Да еще какие! Тут, конечно, сложная игра откровенного и эзоповского, чистого и нечистого. Но, мне кажется, такие вот "писательские" атаки для общественного сознания значат не меньше, а то и больше, гораздо больше, чем ученые статьи Заславской, Шаталина, Абалкина, Воскресенского и других на эти темы.

Короче, я взял на себя смелость утверждать, что к настоящему моменту "идеологию коллективизации" можно считать полностью разложившейся. Конечно, все это вроде бы как давно понятно каждому, но очень важно, психологически и идеологически важно, чтобы мыслимое внутри было кем-то сказано вьявь, публично. Думаю, что *на этом участке* заднего хода уже не получится... Итак, к данному моменту наиболее передовой формой сельского хозяйства — там, где только можно, — считается "семейный подряд": совхоз или колхоз заключает долгосрочный договор с отдельными семьями, и те на отведенном им участке совхозного поля (огорода, коровника) выдают продук-

цию: продналог колхозу, остальное — куда хочешь, на рынок или тому же колхозу по рыночно-закупочной цене. Беда только в том, что кроме Прибалтики и некоторых других мест форма эта что-то не очень прививается *в народе*: работать хотят и умеют не все, а из колхоза (совхоза) не выгонишь. Собственно, упираются и начальники: их-то роль уплывает. Но все дело идет к тому, что будет приниматься вскоре (похоже на то) какое-то подобие закона о банкротстве, как у венгров и китайцев. То есть перевод на самоокупаемость — и об этом говорится очень жестко и угрожающе — потребует жертв... И все-таки это еще пока не экономика, а *идеологическая экономика*, так сказать, нереализованная концепция. Однако пропаганда этой концепции идет полным ходом.

Другая сторона внедрения понятий экономических прав — права потребителя. Уже с позапрошлого года в "ЛГ" стали появляться публикации А.Рубинова — о том, как потребителя надувают разного рода торгово-бытовые ведомства, подымая цены за несуществующие услуги и качества, о том, какими оказываются психологические и юридические позиции сторон в отношениях "ведомство—клиент". И это не просто воззвания и декларации типа "усилим борьбу за качество", как раньше, но всегда *требования* от лица потребителя, с вызовом на ковер конкретных министров, с едким комментарием по поводу их отписок в газету. Трудно объяснить, в чем разница этих и подобных публикаций с теми, что всегда бывали в газетах и раньше, но разница эта чувствуется явственно. Появилось некое подобие "общественного защитника" законных интересов потребителя, пассажира, клиента, и более того — нечто вроде *морально-правового просвещения* этого самого много лет забытого и забытого клиента. Почему, на каком основании бытовая служба имярек устанавливает какие-то правила обсуждения, составляет какие-то инструкции? Нет, позвольте, так не пойдет! Подать сюда вашего начальника. Почему опять исчез в магазине кофе? Что, опять нас ожидает подорожание? Говорите громче, товарищ министр, не слышно! А что там за проекты втихаря готовятся в министерстве транспорта насчет всеобщего обязательного (!) приобретения проездных билетов? Это что, новый налог? А какими вы располагаете полномочиями для введения такого налога? И причем тут "борьба за качество" транспортных услуг? Нет, нет, будьте добры ответить по существу... И так далее. И обалдевшие, совершенно не привыкшие к такому обхождению министры и замминистры, сопя и потея, вымямливают из себя иногда жалостливые, иногда опасливо-нагловатые "ответы редакции". Что так, мол, и так, зачем шум, кофе не есть предмет первой необходимости, а повышать цену никто и не собирався, просто закупили его не так чтобы мало, но и не совсем как бы достаточно, но все в порядке, в будущем году уж непременно... И с проездными билетами это пока — так, эксперимент, просто посмотреть хотели... для начала... для общего же блага, да и овес нынче вздорожал...

И так — по многим, многим бытовым вопросам, порою достаточно серьезным. Как например, непрекращающаяся обработка хлопковых полей в Средней Азии сильнейшим ядохимикатом со зловещими медицинскими и экологическими последствиями. Собкор "ЛГ" (при поддержке, правда, узбекской АН и республиканского прокурора) объявил настоящую войну центральным властям в лице Госагропрома, Минхима и... Минздрава СССР, буквально принуждавших (и до сих пор принуждающих!) местные власти пользоваться этим ядом. Читать все это чрезвычайно интересно и поучительно, а местами, когда цитируются заключения медэкспертов, письма местного населения, с одной стороны, лживые заверения и разъяснения Минхима и Минздрава — с другой, и тут же тайные инструкции того же замминистра Минздрава своим подчиненным — разрешить "временное" применение этого ядохимиката, — все вместе производит жуткое впечатление. Вроде бы все это *в общем* было известно. Тем не менее адекватные эмоции порождает лишь *конкретное* знание, подробности, документы. А главное, пафос таких статей состоит в защите интересов не "народа", не "общества" и тому подобных абстракций, неотделимых от "государства", а вполне живых, конкретных групп населения, которым как раз и противопоставляются интересы государства в лице его ведомственных аппаратов. Тем самым теоретические рассуждения Заславской о правомерности существования частных (личных, групповых) интересов получают практическое подтверждение и эмоционально-публицистическую поддержку.

Нет сомнения в том, что поддержка эта инспирирована сверху, но сожалеть об этом вряд ли придется. Будущие летописцы определят этот период как войну "группы Горбачева" против "аппарата" (который, по-моему, даже нет смысла разделять на государственный, партийный, милиционерско-чекистский, — это все срлось воедино). Такие "войны" — не новость в отечественной истории; последняя попытка была предпринята Хрущевым с печальным для него исходом; победа в этой войне отнюдь не гарантирована. Важный вопрос: на какие силы опирается тот или иной реформатор? В этой роли мы видели раньше опричный сброд, армию, даже люмпен-разночинную братию, а вот теперь, по существу впервые, — так называемую творческую интеллигенцию. Заметьте, не научно-техническую (где вы, физики!), — она интегрирована в аппарат, ей ничего не надо, никаких реформ, — а гуманитарную: киношников, писателей, артистов, журналистов и прочую несолидную, плохо управляемую (если говорить о творческих работниках) публику. Факт непреложный: все, что касается инноваций в реальном положении и роли "говорящей" интеллигенции (журналистика, литература, кино, театр), — все это направлено на высвобождение имманентно присущих ей антиаппаратных сил, на стимулирование ее дееспособности. Первое, что сделал Горбачев, придя к власти, — распустил отдел писем ЦК и разогнал кадры отдела информации, послав Замятина "послать" в Англию. Второе: позволил (фактически дав свою санкцию) разогнать руководящую художественно-литературную мафию, попутно отняв толстые и тонкие журналы у "старой гвардии" (исключений немного, в частности, редактором "Москвы" остался Мих. Алексеев, но он так отчаянно перестраивается, что ухитрился раньше всех напечатать Набокова; хочешь жить — умей вертеться). Третье: фактически парализовал цензурскую самостоятельность "художественных" министерств (Министерства культуры, Госкино, Гостелерадио) и даже, по слухам, отдела культуры ЦК, сосредоточив все бразды непосредственно в руках секретаря по культуре Яковлева, бывшего посла в Канаде, с весьма широкими полномочиями по части либерализации. И четвертое: весьма последовательно и, я бы сказал, свирепо защищается неприкосновенность газетчиков от посягательств местных держиморд.

Словом, я хочу подчеркнуть, что никоим образом не следует понимать происходящее в идеологическо-культурной сфере как следствие "растерянности" верхов. Определенно мы имеем дело с продуманной и долгосрочной политикой либерализации, ведущейся Горбачевым и его ближайшим окружением. Другое дело, что политика это протекает отнюдь не гладко, ей оказывается скрытое, но отчаянное сопротивление, которое, вероятно, Горбачев не ожидал поначалу, когда замыслил экономическую реформу. И, к чести его референтов по экономическим делам (Аганбегян и другие), им удалось его убедить, что единственным средством сломить это сопротивление является десакрализация аппаратных функций, то есть вскрытие их идеологической скорлупы, чтобы зримо увиделись всему миру ясные, прозаические интересы паразитирующего на тоталитаризме чиновника. На робкий вопрос интервьюера: "Значит, верхи и низы желают реформ, а среднее звено как бы противится им?" Аганбегян ответил: "Почему "как бы"? — действительно противится!"

Итак, от "большей самостоятельности" — к "полному хозрасчету", от "прибыльности" — к "самофинансированию", от поощрения "социалистической предприимчивости" — к праву (и поощрению!) "индивидуальной трудовой деятельности". Что из этого выйдет в массовом масштабе — говорить пока рано. Но один из фронтов подготовки этих реформ проходит и по сфере психологии, морали, — думаю, именно *ТАК* доказывают референты Горбачеву, а Горбачев своим менее сообразительным и менее просвещенным коллегам необходимость собственно культурной, духовно-идеологической либерализации. Лично я не представляю себе, чтобы большинство нынешнего Политбюро и ЦК было способно исходить из каких-то более широких, нежели утилитарно-экономические, соображений. Но одно дело понимать важность "человеческого фактора" в труде и обороне, а другое — осознать ценность личности как духовно автономной единицы, как субъекта прав, а не только обязанностей. Кажется, что кое-кто и кое-где уже сообразил, что "реформация" заходит чересчур далеко и как бы чего не вышло..

А теперь, напоследок, перейдем к последней части "обзора" — к попыткам утверждения духовной автономии личности, к политике развития правосознания в сфере мо-

ральных ценностей. Я, к сожалению, совсем не в курсе театральных дел (а там сейчас творится много чего), понаслышке знаком с кинопроцессом, да и литературу наблюдаю главным образом со стороны, по отзывкам. Поэтому речь коснется лишь прессы, да и то кратко.

Первое, что бросается в глаза в немеждународной журналистике, — это некоторое общее раскрепощение, некоторая дестандартизация публицистической манеры. Например, если в начале нового правления к новым символам ("ускорение", "перестройка") относились с обычным идеологическим благоговением, то теперь над этими словами позволяется подшучивать и весьма свободно их интерпретировать, не говоря уже о других понятиях и темах, еще вчера считавшихся священными и неприкосновенными. Это не значит, конечно, что вовсе нет запретных тем, отнюдь, — но согласитесь, еще год-два назад немыслимо было услышать с экрана ТВ такие шуточки, как, например: "Аве, цензор! Идущие на смех приветствуют тебя!" Или более серьезные рассуждения в публицистической пьесе-диалоге Ф.Бурлацкого, где "старый" и "новый" секретари обкома спорят о том, примет ли народ реформу, ибо понятие "социальной справедливости" выступает в народе в форме "социальной зависти" (точно по Амальрику), что "уже были две попытки таких реформ — после смерти Сталина и в 65-м, а что получилось? — пшик!" (Вельяминов, игравший в телефостановке "старого" секретаря, очень живописно изображал скепсис нормального партаппартчика и прямо-таки сверлил глазами Болтнева — "нового" человека, одновременно убеждая его: "Не соответствует это нашей системе, ничего не выйдет!"). В "Известиях" появилась рубрика "Обзор писем", редактором ее стал бывший фельетонист В.Надеин, который взял довольно резвый — по нашим понятиям — старт, в частности, вынося наружу критику читателей по поводу молчания прессы о националистических волнениях в Алма-Ате. Регулярно печатаются подборки писем-откликов на некоторые "забойные" статьи, например, на статью "Полемические заметки о культуре полемики", где развивались идеи о пользе множественности мнений, о терпимости и т.п. Статья эта до сих пор служит красной тряпкой для множества "твердых искровцев", и их гневные или обескураженные письма печатаются вместе с письмами "за" (в пропорции 1:2), читать их — одно наслаждение.

Или вот такая телепередача. Собираются в кружок: философ В.Толстых, социолог И.Кон, еще 3—4 человека и смотрят ролик с опросом разных людей, молодых и не очень молодых, на тему: что такое достоинство личности? Результат опроса ужасающий: кроме одного школьника, никто и близко не "угадал", что это такое. Говорили об "ответственности перед обществом", о "честном труде" и т.п., и лишь этот мальчуган сказал, что "это когда стоишь на своем, отстаиваешь свое мнение". И философы с горечью комментируют, что ведь этому понятию много лет не учили, вытравили его всем стилем нашего воспитания. Кон точно указал: "Обратите внимание — почти у всех опрошенных налицо стремление *представительствовать*, говорить не "я", а "мы", прятаться за коллектив, общество..." А Карахан (есть такой кинокритик, молодой парень) закончил это любопытное обсуждение тезисом, что достоинство личности — феномен досоциальный, чисто духовный, и в общественной жизни он как раз служит средством защиты от подавления, растворения личности в социальной среде, преградой на пути приспособленчества. Вообще слово "приспособленчество" стало ныне весьма популярным. Например, опубликованные фрагменты воспоминаний Ю.Трифонова о Твардовском 60-х годов, об атмосфере вокруг "Нового мира", о том, как развивалась травля Твардовского в 69-м году и как группа писателей (Трифонов, Бакланов, Бондарев, Тендряков, Нагибин и др.) организовала письмо в его защиту. В этих и других публикациях, живописующих атмосферу нашего славного прошлого, делаются попытки нравственно-психологического анализа, и темам приспособленчества, страха, беспринципности уделяется все больше места. И это не в каких-то труднодоступных, специально-литературоведческих или исторических изданиях, а в сверхмассовом, традиционно желтом "Огоньке"...

А вот еще один характерный штрих. Новый фильм Абдрашитова "Плюмбум, или Опасная игра" еще толком не вышел на большой экран, а уже идет бурное, причем явно положительное его обсуждение. И в газетах, и по ТВ. И вот представьте себе, оказалось, что школьники, с которыми беседуют по телевидению авторы фильма, считают образ Плюмбума — Павлика Морозова наших дней — *положительным!* Абдрашитов с

Миндадзе (сценарист) почти в ужасе и недоумении: почему? ведь это же чудовище, в котором вытравлено живое человеческое чувство? А ему — а как же? А Павлик Морозов? А героика революции? И вот приходится "вдруг прозревшим" взрослым начинать объяснять детишкам, что такое хорошо и что такое плохо... Конечно, Абдрашитова, Быкова, да и Кона во "внезапном прозрении" не обвинишь. Но я согласен с Брехтом, что "горе стране, которая нуждается в героях". И то обстоятельство, что во главе "перестройки" бодро шагают Ф.Бурлацкий вкупе с В.Коротичем, вызывает не только улыбку, но и нечто вроде оптимизма. Я всегда считал, что о качестве столовой следует судить по компоту, а не по фирменному блюду. В конце концов, что важнее: порядочность Чаковского и интеллект Мих.Алексеева — или то, что они позволяют печатать в своих газетах и журналах? Думаю, что все же второе. Вот на это только и надлежит рассчитывать. Думаю, так: если эта линия продержится еще два года — можно будет открывать шампанское. ●

Январь 1987

А.П.

*Дух свободы...
К перестройке
Вся страна стремится.
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.*

*Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется.
Полицейский! Будь покоен:
Старый гнет вернется.*

Саша Черный (1906 г.)

ГОЛОСА ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

*Поворот начался.
Вы его поддерживаете или нет?*

За городом, в деревенском доме — тишина. Долгая прогулка в прекрасном лесу, высокие сосны, ели, и снова тишина. Но меня сейчас занимает другое — тринадцатый номер "Московских новостей"... Разве само по себе это не потрясение? — это меня-то, никогда не выписывавшего газет, почти никогда не читавшего их даже в витринах. Так, брошу взгляд и пройду.

Мне не понравился тон письма эмигрантов. Они пишут так, словно адресат — Брежнев или Черненко, то есть чувствуют перед собой систему и не чувствуют лица, человека. Человек другой, а они к нему по-старому. Инерция противостояния. Честь полка, честь учреждения — Интернационала сопротивления, что ли... — требует продолжать свою линию. Ну и продолжили. Я не виню Буковского, Орлова. Они слишком много вытерпели, и им трудно повернуться. Я просто считаю их поведение (психологически оправданное) неразумным. Раньше сделайте то-то и то-то, тогда мы вам поверим... Слово Рейган в переговорах на высшем уровне, без желания договориться, с уверенностью, что договориться нельзя. Тогда как сейчас самое необходимое — *риск доверия*. Именно риск. Риск доверия с целью спасти нашу страну от катастрофы и все человечество — от гибели. Не бывает в истории застрахованных поворотов. Не бывает безупречных поворотов. Но поворот начался. Вы его поддерживаете или нет?

Чего хотят эмигранты? Судя по последнему абзацу их письма — поворота на 180 градусов. Но ведь любой экипаж, самый поворотливый, при таком маневре опрокинется. Допустим, марксизм-ленинизм признан обнакотившимся и выброшен на помойку. Авторы письма (вместе с Александром Исаевичем) испытали моральное удовлетворение. А Россия? Десятки миллионов людей потеряли все ориентиры; моральный шок, общая растерянность, хаос — и *неизбежная* реакция. Либо в одной, либо в другой форме, но неизбежная. Гораздо разумнее сохранить привычные термины и растолковать их так, чтобы вышло развитие марксизма, отбрасывая устаревшие формулы и подчеркивая то, что раньше оставалось в тени, — но сохраняя социалистическую ориентацию. Главное — отказ от идеи единственной истины, переход к диалогу внешне и внутренне; торжество духа диалога, в том числе диалога с религией как ориентации в вечности, при сохранении идеологии как ориентации в потоке событий, требующей постоянного пере-

смотра и уточнения в связи с каждой переменной. Горбачев к этому приближается, а Буковский и другие остаются на старых позициях: они догматически убеждены, что марксизм-ленинизм к развитию не способен. Но ведь это еще не доказано. Годы сталинизма были годами истребления "троцкистско-бухаринских выродков", то есть теоретиков-марксистов: все они были или троцкистами, или бухаринцами. Дайте неомарксистам, евромарксистам и т.п. ожить и заговорить. А потом уж выяснится, смогут ли они что-то сказать современности.

Местами авторы письма просто передергивают. Мое положение как беспартийного не равно положению негра в Южной Африке. Грубо говоря, право совещательного голоса у беспартийных — у Д.С.Лихачева, у С.С.Аверинцева — есть. Они не участвуют в голосовании (впрочем, кто из партийцев *сегодня* участвует?), но очень серьезно влияют на общественное мнение. Расширение внутрипартийной демократии немедленно отразится на всех. Вот примеры. В ходе конфликта с директором сотрудники Библиотеки иностранной литературы, беспартийные, кричали на молодого человека из райкома: "Чтобы я больше не слышал таких выражений, которые пахнут недавним темным прошлым!" Инструктор смолчал. Была избрана "комиссия по перестройке" (в составе которой многие беспартийные). Эта комиссия сейчас противостоит официальному треугольнику и добивается смещения директорши (Гвишиани-Косыгиной). В Институте мировой литературы на *открытом* партийном собрании директора обвинили в безграмотности и моральном прошлом доносчика; было выдвинуто требование немедленно, не дожидаясь уставного срока, переизбрать партком, пресмыкавшийся перед этим директором. Правда, на закрытом собрании представители райкома убедили — не без труда — сохранить уставные нормы, но моральный перелом достигнут, один из представителей дирекции подал в отставку, и, видимо, директору тоже долго не усидеть.

Каков будет исход этого процесса, не знаю; будет ли реакция или курс Горбачева завершится выходом из нынешнего тупика? Не знаю. Но я поддерживаю реальное движение к лучшему и не требую, чтобы Россия сперва стала чем-то вроде Франции. Европейский уровень свободы может быть достигнут лет через 30—40. А пока, что ж, — не ставить на Таганке новых пьес? Не печататься в Москве? Я могу как-то понять Буковского, Кузнецова, Орлова, Плюща: это политическая партия. Но писатели, режиссеры, — их место здесь. И пусть они здесь идут впереди перестройки. Взяв на себя риск и не требуя гарантий от Горбачева, который сам действует без страхового полиса. Участие в истории — это всегда риск, и порой смертельный. Но где другой путь? Разве в святости, которая в истории вовсе не участвует, — прямо не участвует, — а дает истории некоторый общий импульс со стороны...

*Открылась полынья,
тюлени высунулись подышать*

После возвращения А.Д. [Сахарова] невозможно отрицать, что началась оттепель. Может ли она перейти в весну? Теоретически это нетрудно себе представить. По телевидению передавали диалог, сочиненный Бурацким, что без коренных реформ мы опустимся ниже Китая, Индии, Бразилии. Это правда, и какая-то часть номенклатуры хочет реформ. Но думается, что скорее меньшинство; большинству плевать. Кроме того, на пути реформ несколько барьеров. Во-первых, не то время. В шестидесятые годы часть интеллигенции рвалась к реформам, сейчас всех разогнали по границам или пересажали, создали косную массу — и теперь эту массу зовут к инициативе. Ускорение... Но люди исхалтурились, укоренились в разгильдяйстве, и ускорение означает рост калтуры, рост вероятности катастроф (уже были). Теперь госприемка: не допускать калтуры! Но тогда конец ускорению, до 50% продукции — брак. Значит, нужен лозунг: лучше меньше, но лучше. И мировые часы за то же: развиваться медленно, аккуратно, не разрушая естественной среды, то есть отбросить гонку за Америкой, поставить реальную цель на, скажем, ближайшие тридцать лет, медленно воспитывать чувство ответственности за свой труд и проч. Какая сила это выполнит?

Во-вторых, помимо косности аппарата, есть (и это важнее) косность социальной структуры. Уменьшили продажу водки — растет наркомания. Опыт социологии разви-

тин говорит за то, что отдельные реформы бесполезны, они тонут в инерции структуры, надо перестраивать все, в том числе политику, право, создать совершенно другие человеческие отношения. Нужны гарантии, что инициативные деятели завтра не будут раскучачены. В то же время нужна твердая власть с твердым курсом. Вот и решайте квадрату круга.

В-третьих: сдвиги непременно расшатывают отношения между нациями, фиксированные в 1922 году и затем искусственно замороженные. Мир изменился, и нужно что-то другое (евразийское сообщество?). Простая ампутация инородных членов дела не решит, Россия — не Англия, колонии не за морем, русские и нерусские всюду почти вперемешку.

В-четвертых: реформы сталкиваются с теми же имперскими амбициями, которые их подталкивают. Величие России, понимаемое как экспансия в Афганистан или в Анголу, как сохранение господства старшего брата над младшим, как сохранение гигантских вооруженных сил, — все это либо надо отбросить, либо тощие коровы пожрут тучных.

И, наконец, в пятых, для реформ нужен энтузиазм, — а где его взять? Господствует скорее духовная пустота. Может ли ее заполнить религия? Какая? Православие? Вряд ли оно вдохновит мусульман. К тому же православие по определению антиреформно. Никакой протестантской этикой оно не пахнет. А ислам пахнет Каддафи и Хомейни. Как создать политику в области культуры, способную превратить Москву в духовный центр, центр мирового диалога, привлекательный для *всех*, как Париж остался Меккой для освобожденных африканцев?.. Словом, со всех концов трудности, которые преодолеть можно только с прямой помощью Бога. Я не отказываюсь от веры в чудо, но на уровне социологии остаюсь пессимистом. Человеческими силами не управиться. Неизбежна реакция, конец оттепели и новые заморозки. Но пока — дышим, надеемся. Шестидесятые годы даром не прошли, не пройдут и восьмидесятые. Чем бы ни кончилась игра, самый процесс ее — жизнь. Открылась полынья, и тюлени высунули морды — подышать..

*Работать приходится больше, пить меньше —
и при этом та же зарплата*

У нас, как известно, всегда пишут, обещают и треплются в сто раз больше, чем делают. Разговоров, призывов, в основном общего характера, действительно, хватает. Сдвиги есть, это несомненно, но как всего мало и медленно. Горбачев, видимо, искренне хочет существенных перемен, но, мне кажется, не может пробить стену сопротивления. Я не буду писать о сопротивлении "правящего класса" — об этом мы сами узнаем из "голосов", да и нетрудно об этом догадаться: кому хочется, добравшись до тепленького местечка для себя, своих родственников и своих потомков, лишиться его и всех связанных с этим благ, зависеть от выборов (если они станут действительно выборами) и пр., и пр. Интересно, — и это я неоднократно наблюдал сам, поскольку вращаюсь в связи со своей работой в "гуще народной", — интересно, что имеет место сопротивление этому новому у значительной части народа. Народ развращен, "гегемон" привык работать до обеда или не работать вообще, пить каждый день, подворовывать по мелочам по мере возможности ("несуны", — приработок к зарплате) и при всем этом быть уверенным, что зарплата в любой ситуации будет выплачена. И вдруг ситуация начинает меняться, а именно: заставляют работать больше, пить приходится меньше, так как за спиртным большие очереди, подворовывать становится сложнее, так как усиливается репрессия, — и при этом — та же зарплата! "Так на хрена нужна эта перестройка?" Такие вещи, как свобода слова, демократия и т.д. очень мало весят на чаше весов народа. Очень много ожидающих, безразличных, ни во что не верящих. Часто я слышу такое мнение: всех "разбогатевших" (по нашим понятиям) на индивидуальной деятельности рано или поздно посадят, как это было с сельскими "богатеями"-кулаками, с нэпманами, с другими частниками; просто все это прекратят, если у власти будет другой человек или по тысяче других причин. Очень трудно перебороть неверие, безразличие и многое другое, что

прививалось десятилетиями. Не знаю, удастся ли нашему лидеру вообще эта перестройка: большой трагедией будет, если в силу каких-либо обстоятельств все будет сведено на нет.

Спротивление имеет место даже у среднего звена. Вот, к примеру, высказывания знакомого начальника строительного управления, администратора среднего или ниже среднего разряда: "Раньше мне жилось лучше — до перехода на хозрасчет; план — фуфло, его всегда натянешь, а не натянешь — уменьшат, и всегда будет 100,2%; воровать легче было, машина — под ж...ой, начальство всегда без труда можно было подмазать. А сейчас все усложняется, — да на хрена мне эта перестройка". Я и сам часто ловлю себя на мысли, что мне лично никакая перестройка сейчас не нужна, что она мне ничего кроме неприятностей не дает: на работе сокращения, работы стало больше, дисциплины тоже; моя мечта, чтобы нашу шарашку не разогнали и чтобы мне дожить в ней до пенсии, может не осуществиться. Но нельзя, конечно, при оценке происходящих изменений исходить только из одного критерия: сколько платят и сколько приходится за это работать; надо же принимать во внимание и другое: освобождают людей из тюрем, приоткрывают глаза, рот и уши, газету читать стало интереснее, в кино, в театрах и по телевидению иногда стало появляться что-то стоящее; появилась даже какая-то перспектива повышения уровня жизни — правда, весьма отдаленная...

*Интеллигенции дали некоторую свободу.
А нам — одни обещания.*

Ты знаешь, мы люди рабочие, мы не представители интеллигенции. Так что нас вся эта перестройка совершенно не касается. Она нам только дополнительные трудности приносит, а не облегчение и свободу. Все больше на судах (дальнего плавания) кричат о "происках империалистов". Хотят, вернее, требуют от нас удвоить бдительность, мол, провокации могут быть и так далее. Все упирается в такой пример, что мы, мол, к миру стремимся, а вот американцы, враги наши, все тормозят, нет никакого сдвига в переговорах о сокращении ядерного вооружения, и так далее. В общем, все это старая песня, которую мы слушаем уже много лет. Все эти слова о самоуправлении — тоже ерунда, о демократизации — тоже. Все по-старому, только тяжелей работать стало. Отдачи требуют намного больше, а вот базы для достижения этой отдачи нет никакой, ничего не изменилось! Разговоры, разговоры, и ничего конкретного. Сам посуди, какое положение. Для интеллигенции дали некоторую свободу. Хотя возможно, что эта свобода кому-то нужна для других целей. Стали душещипательно-"объективные" спектакли ставить, фильмы, которые раньше не пускали, выползли на экраны, о некоторых книгах заговорили. Я, конечно, хочу смотреть эти фильмы, читать эти книги, они как-то больше отображают мое мнение о действительности. Это все хорошо и необходимо. Это уже есть, и это видно — можно, как говорится, пощупать. Рабочему же люду обещают светлое будущее. Вроде того лозунга: "Заводы — рабочим, землю — крестьянам." Мол, товарищи-"масса", поддержите меня, и все будет хорошо. У нас уже был подобный опыт с такими призывами. Конечно, поэт или там режиссер очень рады, что им дали хоть небольшую долю свободы, но нам-то пока ничего не дали, даже запчастей не дают. А требуют "усилить" и "увеличить". Это не только мое мнение. То же самое на многих заводах и фабриках: только требуют и обещают, а на обещаниях, между прочим, производительность труда не увеличишь, что-то другое надо. Так что для нас Горбачев — ноль без палочки. Может, и верит ему кто-то, но не думаю, чтобы много было таких среди рабочего люда. А что показывают по телевизору? Рабочие радостно кричат: Михаил Сергеевич, вы только руководите, а мы поддержим и постараемся! Это все ерунда, наш шаблон поведения с руководством. Брежневу не кричали? Андропову не кричали? Кричали. Так и остальным кричать будут. Покричат на митинге, а потом идут домой и говорят между собой: "Вот, мол, дожили! Тот хоть воровать разрешал, а этот совсем гайки закручивает!" Вот так. О нашей морячко-тюремной жизни вообще лучше не вспоминать. Пашешь, пашешь, а толку ноль. Мы как фарца мелкая. Бегаем за этими шмотками, дома жены бегают в надежде выгодней продать, и за этим света Божьего не видим. Фарца хоть бабки приличные делает и на берегу сидит, а я в море пашу за 140 рублей и на берегу курицу за

15 рублей вынужден покупать... Я, например, могу понять, что зарплату или квартиру дать не так просто. Но вот эти idiotские группы при выходе на берег отменить можно? Дай моряку почувствовать себя человеком, а не шавкой загнанной, — и пить меньше будут, и к делу своему серьезней относиться. Ходим в иностранных портах, как звери загнанные, и все тут. Вот тебе и перестройка вместе с демократизацией. Да тот, кому убежать надо, он и так сбежит. Не этого они боятся. Они боятся, чтоб мы не увидели и не почувствовали нормальной жизни. ●

Олег БАТАЛИН

ЗАПИСКИ БЛУДНОГО СЫНА

Въезд в Москву, как известно, начинается с аэропорта Шереметьево. Здесь же, на таможне, вас встречают первые советские люди — служащие аэропорта. Перестройка пока еще до них не докатилась, поэтому ни любезности, ни открытости нельзя разглядеть на их лицах; лишь раздражение и чувство превосходства маленькой власти, которой они компенсируют понятную зависть к этим прибывающим из близких, но недоступных пунктов модного дефицита и раскованных улыбок подозрительным пассажирам. Впрочем, на нашу, довольно многочисленную группу туристов из ФРГ почти не обратили внимания, за исключением, смешно сказать, одной советской гражданки из категории "постоянно проживающих". Кажется, она что-то неправильно указала в декларации, и ее заставили вынуть серьги и отнести их на экспертизу. Когда она пыталась объяснить, суровый голос таможенницы отрезал: "Постоянно проживает, а еще рассуждает". Эта прелестная формулировка, выстраданная, вероятно, за долгие годы непорочной службы, достаточно красноречиво говорит об иерархии прибывающих "оттуда", иерархии, в которой советский подданный, приехавший из-за границы, оказывается подозрительнее и бесправнее любого иностранца, как потенциальный шпион и идеологический растлитель, везущий с Запада не только дефицитные тряпки, но и вредные идеи.

Не произошла пока перестройка и в Интуристе, заставившем нас больше часа ждать автобус, который доставил группу в гостиницу на другой конец города. С волнением всматривался я в вечернюю Москву, провожая глазами шпиль Речного вокзала, заснеженные аллеи парка и полупустой каток Водного стадиона. Хрущобы и недавно возведенные многоэтажки, так же как и непомерные хаотические пространства между ними, давно уже определяют визуальный облик столицы, отводя скромное место плохо оберегаемому центру. Москва — это прежде всего гигантская сеть жилых микрорайонов. Человеку, привыкшему к европейскому транспортному комфорту, бросается в глаза неоптимальность транспортной сети, ее утомительная античеловечность. Да, в этом городе 9 миллионов человек, не считая приезжих; в отличие от европейских столиц, Москва является не просто главным городом, но суперстолицей, не только центром политической, культурной, научной жизни, но и местом сосредоточения всевозможных дефицитных товаров и услуг. Москва — объект ненависти и вожделения миллионов провинциалов. Но несмотря на этот особый статус города, десятилетиями ничего, в сущности, не делалось для того, чтобы коренным образом модернизировать его планировочную структуру, чтобы сделать "лучший город Земли" не античеловеческим, а гуманным. Западные усовершенствования не коснулись или почти не коснулись этой гигантской многоэтажной деревни. Стремительное расплозание вширь, аннексия плодородных пригородных земель, отводимых под строительство, перенесение городской черты чуть ли не к Переделкину — и ничего ради того, чтобы усовершенствовать, ускорить и упростить передвижение

жителей. Впрочем, в такой планировке есть и свои достоинства; многоэтажная застройка с зелеными разрывами создает лучшие условия для проветривания, чем, скажем, в задыхающихся от загазованности крупных городах Европы, хотя едва ли этим можно утешить москвичей, вынужденных полтора-два часа добираться из дому на работу.

Давайте еще немного пробежимся по "поверхности" города. Выйдя утром на улицу, я намеревался купить несколько газет, так сказать, для общей ориентировки. Оказалось, что все, кроме "Правды", уже распродано, автоматы стоят пустые. В вагонах метро — и утром, и вечером — однообразная картина: все уставились в газеты. Раньше это было занятием пенсионеров. Звоню старому приятелю, чтобы условиться о встрече. Едва услышав о моем приезде, он кричит в трубку: "Ты уже читал речь Михаила Сергеевича?" Честно говоря, мне становится слегка не по себе. Мой приятель всегда принадлежал к кругу людей "из подполья", к тем, кого не без основания было принято называть внутренней эмиграцией; он не только никогда не читал газет, но и само это занятие считал позорным. А теперь? Я являюсь в гости к человеку, лет тридцать не отлипавшему от всевозможных радиоголосов, не державшему в руках ничего, кроме Там- и Самиздата, и вижу стол, заваленный газетами и журналами ("Знамя", "Новый мир", ха-ха — "Огонек"), вижу уже полгода как бездействующую "Спидолу" ("сломалась"). Вниманию иностранных голосов: сейчас приемники почему-то сломаны у многих.

Я слышу непривычные речи, незнакомые интонации: на работе все нормально (никогда раньше не было нормально), в городе уже есть частные кафе и такси. Позволь, говорю я, какие кафе? Вчера мы были в учреждении под названием "Остоженка", поели тухловатого супцу. "Ну ты это брось," — говорит он. Мой скепсис его раздражает.

Вчера вечером нас при потушенных огнях посадил к себе в машину один частник. Сказал, что на такси особо рассчитывать нечего, ибо хотя владельцам машин будет разрешено в нерабочее время заниматься извозом, но лишь по особому разрешению, на несколько часов. Правда, в Эстонии будто бы уже существует целая сеть частных такси и парикмахерских. Но утверждают, что при трудности техобслуживания и дороговизне соответствующего инструментария промысел оказывается невыгодным. И вообще, по мнению бывалых людей, если где что-то и выгорит с частным сектором, то разве что в Прибалтике, а в России комсомольцы двадцатых годов заедят.

И все же я хотел бы заметить, что перемена, случившаяся с моим другом, за последний год произошла не с ним одним, значительная часть московской интеллигенции в разной степени захвачена соблазном гласности, заинтригована многочисленными разоблачениями (газеты читаются как детективы), развлечена новыми публикациями, фильмами, театральными постановками. Поражает готовность принять желаемое и обещаемое за существующее. У меня возникло впечатление, что многие вообще не отличают "планов громадьё" от реальной действительности. Такова мощь печатного слова в России! Его эффект порой удивителен. Например, поток публикаций о взяточниках, ворах и других распутелях несправедливой жизни возбудил — Впрочем, уже не впервые — прямо-таки расистские эмоции, направленные, как кажется, не только против евреев, но и вообще против инородцев (включая, разумеется, грузин и "урюков", ибо они торгуют на рынке), а в придачу к ним — против официантов, продавцов, а также всех "непрописанных". Этот синдром знаком нам по некоторым произведениям современной советской литературы. В переполненном автобусе я услышал разговор двух работяг. Сейчас довольно часто обсуждают и пересказывают друг другу газетные новости. Вот, дескать, арестовали в Москве какую-то спекулянтку, которая жила без прописки семь лет, нашли у нее товаров на сто тысяч и т.д. Ничего особенно занимательного не было в этом рассказе. Удивительной была реакция слушателя. Он спросил: "Она что, нерусская?" — "Да нет, — растерянно возразил рассказчик, — русская..." В этом обмене реплик мне

послышалось неудовлетворенное желание найти чужака, сорвать злость, нацелить на него агрессивные инстинкты, разбуженные сложной и непонятной ситуацией — очевидным несоответствием той лапши, которую вешали на уши с пеленок и серьезной, недетской, не поддающейся осмыслению в элементарных идеологических и "народных" терминах социальной коллизии.

Кстати, призывы нового генерального секретаря к демократизации и критике многие восприняли своеобразно. Например, несколько бездельников с моей бывшей работы написали коллективную докладную на начальника отдела, весьма достойного человека, недостатком которого всегда было стремление заставить своих подчиненных хоть как-то работать. О нескольких подобных случаях мне рассказали мои знакомые. Игра в демократию в стране, почти никогда ее не знавшей, небезопасна и легко может перейти в свою противоположность. Предлагаются, к примеру, выбирать одного из двух кандидатов. Но ведь сила демократии не в количестве кандидатур, а в том, какие идеи и какие силы стоят за ними, то есть в выдвинувших их партиях, в самом факте существования противоборствующих групп и партий. Если представления нового руководителя о демократии несколько, на мой взгляд, наивны, то у народа они восходят прямо к новгородской вольнице. И хотя до кулачного боя еще не дошло, но на будущее никто никаких обещаний дать не может... Демократия предполагает правовые гарантии существования социальных институтов, воспроизводящих государственный порядок при сохранении прав граждан. Приятно, конечно, что в Союзе кинематографистов вышли в начальники хорошие люди — допустим, Климов вместо Бондарчука, — но кто может гарантировать, что со временем, как это часто бывает, и это начальство, по-русски говоря, не скурвится? И каковы в таком случае гарантии обновления руководства? Их нет. Предположим (раз уж мы говорили о кино), выйдут на экран залежавшиеся на полках фильмы, — а новые, непонятные начальству художественные идеи и направления будут снова зажиматься. Хотелось бы верить, что все будет не так, но повторяю, пока что в стране не существует никаких правовых гарантий для свободы творчества, а на доброй воле отдельных лиц далеко не уедешь.

Я думаю, что для того, чтобы понять современную ситуацию в Союзе, надо освоиться с двумя вещами. Во-первых: Советский Союз — уже не тоталитарное государство, несмотря на однопартийную систему, на всеведение и повсеместное присутствие КГБ. Власть принадлежит не одному генсеку, не только Политбюро, и даже не только партии. Реальная экономическая власть, определяющая сейчас социально-экономическое положение в стране, принадлежит всей сети партийно-ведомственных отношений и учреждений полупфеодалного государства. Во-вторых: общество — не только в данный момент, но и в исторической ретроспективе — есть итог нашей совокупной деятельности (или бездеятельности), а не результат насилия кучки негодяев над добрым и несчастным народом. Если мы и впредь будем исходить из представления, которое, по-видимому, дорого некоторой части эмигрантов, что события в стране совершаются по мановению руки генсека, мы ничего не поймем в происходящем. И еще одно. Не впервые русское общество оказывается не на высоте своего руководства. Можно вспомнить, к примеру, историю с "Наказом" Екатерины, когда созданные царицей представители сословий передрались за привилегии, не думая об общих интересах. Несчастье в том, что молодых творческих сил, способных преодолеть косность общества, и сейчас незаметно. Не видно, чтобы, помимо уже известных поборников и спасителей старины или экологов, и прежде пытавшихся — без особого успеха — заниматься общественной деятельностью, нарождались какие-то новые общественные силы. Чувствуется, как никогда, усталость общества, усталость всего населения и, вопреки надеждам и, так сказать, литературному интересу — чем все это кончится, — нежелание что-либо менять, палец о палец ударить ради оздоровления общественной атмосферы и экономики. Привычка ждть дары и удары сверху, неуверенность в том, что за требуемую сегодня инициативу

завтра не накажут, проявляется прежде всего в поведении людей на работе. Когда директор приглашает подчиненных к откровенному обсуждению наболевших вопросов — это воспринимается как провокация. Лозунги и призывы новые, а начальство старое. Кто его знает...

Между тем и руководство, по-видимому, не готово к широкой демократизации путем создания не то что многопартийной системы, но хотя бы общественных организаций, где могли бы объединиться энтузиасты, желающие "помочь Горбачеву". Получается парадокс, когда генсек, который, кажется, искренне хочет опереться на массы, лишен конституционной возможности это сделать. Ибо "ведущая и направляющая сила советского общества" есть, как известно, партия и только партия. Попытки ввести самоуправление на предприятиях — вообще не самое разумное из начинаний Михаила Сергеевича. В такой сложной области, как промышленность, нужно не просто участие рабочих в управлении, а настоящие профсоюзы, способные защитить права трудящихся от произвола администрации.

Этими мыслями делились со мной в Москве друзья и знакомые. Тревожные мысли, ибо до сих пор, мне кажется, в среде интеллигенции преобладает сознание, которое можно было бы передать словами известного пушкинского письма к Чаадаеву о том, что в нашей стране единственный европеец — это правительство.

В одном научно-исследовательском институте ученых мужей перед аттестацией заставляли заполнить анкету с вопросом: "Как вы относитесь к советской власти?". На приемных экзаменах в гуманитарные вузы вот уже два года вместо истории и иностранного языка сдают занимательную, воспетую еще бардом нашей молодости Ю.Кимом науку под названием "обществоведение". Говорят, это личный вклад Лигачева. Не знаю. Вообще слухов по Москве ходит великое множество, главным образом — внушающих надежду. И одновременно — жестокое и горькое сознание: "Народ — сволочь". Не подумайте, ради Бога, что имеется в виду какой-нибудь "русский народ", крестьяне, рабочие, вообще простые люди. Народ, каким он представляется сегодня, — это "граждане", население без различия национальностей и социального положения. Это люди, которые лучше будут не иметь ничего, чем что-нибудь будет у соседа, которые не брезгают ничем ради достижения своих маленьких целей. Это завистники, доносчики, интриганы, это доктора наук или уборщицы, короче говоря, это мы сами. Круг замкнулся. Общество "вышло само на себя". Может быть, оно, наконец, разучится кивать на дядю? Останется ли тогда Горбачев у власти? Или все начнут изучать только обществоведение? Никто сейчас не в силах ответить, придут ли свежие силы, найдутся ли позитивные идеи.

Спору нет, оживление в сфере "надстройки", вопреки основополагающим марксистским предписаниям, не находит себе соответствия в области социально-экономической. Да его и нельзя было бы разглядеть за такой короткий срок. Но если не считать отдельных экономических экспериментов, серьезных указаний на то, что намечаются какие-то существенные изменения в принципах управления хозяйством, нет. Похоже, что партийное руководство капитулирует перед незыблемой ведомственной структурой. Парадокс, но, при неслыханной централизации власти, в политической и идеологической сфере партия всецело зависит от поддержки реальной экономики, организуемой министерствами и ведомствами. А эти гигантские ведомства сейчас — цитадели сопротивления переменам, ведь именно они реально владеют территорией, богатствами недр, предприятиями, продукцией, они и обеспечивают себя привилегиями. Здесь должна развернуться настоящая схватка, гражданская война, — или все останется как было.

Словом, обсуждать социально-экономические реформы не приходится: их просто нет или пока еще нет. Вопрос "кто — кого" остается открытым. Но не будем торопиться. Ведь то, что звучит сейчас со страниц газет и журналов, на театральных сценах, на экранах телевидения и кино, — возникло не из пустоты, но исподволь зрело в умах людей, дожидалось своего часа — в столах писателей, на

полках кинопроката — подчас десятилетиями. Социальное и эстетическое осмысление действительности, расчет с прошлым — не начались, а в сущности заканчиваются обнаружением давно выношенных произведений, созданных в основном людьми старшего поколения. Над всеми этими плодами ищущей и страдающей мысли возвышается великий фильм 63-летнего грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе "Покаяние". Фильм этот — потрясение для каждого, кто его видел.

Итак, мне хотелось бы судить о происшедшем в столице не по тому, чего не сделано, а по тому, что я видел и пережил. Для меня неудобная, неприветливая Москва неотделима сейчас от имени Горбачева и от "Покаяния" Абуладзе.

...Вечером, накануне моего отъезда, мы сидели в тесном кругу, о котором всегда с тоской вспоминаешь на Западе, над единственной бутылкой водки "Горбачев", привезенной из Германии. Все явно не добрали. "Жаль, — промолвил бывший внутренний эмигрант, — не дает Михаил Сергеевич выпить за его здоровье". ●

Марк ДЕЙЧ (Москва)

НЕУДАВШЕЕСЯ ИНТЕРВЬЮ

Несколько вопросов журналисту Владимиру Познеру,
на которые он не пожелал ответить

— А чего ради? — воинственно спросил меня Познер. — Вы, собственно, кого представляете? Если у вас есть хозяин, пусть он запрашивает согласие руководства Гостелерадио, и если таковое последует, тогда уж буду решать я... Или вы — freelancer? Тогда платите мне за интервью.

— И дорого оно стоит? — поинтересовался я.

— У вас не хватит денег, — отрезал Познер.

(Тут он, безусловно, прав. Ибо ныне Владимир Познер — один из самых высокооплачиваемых сотрудников Государственного комитета по телевидению и радиовещанию. Но дело было не только в деньгах, Познер недвусмысленно дал мне это понять.)

— И потом, — продолжал он после небольшой паузы. — Насколько я знаю, у нас с вами не слишком схожие взгляды. А вернее — диаметрально противоположные. Зачем же я буду давать вам интервью, которое неизвестно когда, где и в каких целях будет использовано?

(Хорошо еще, что Познера хватило на то, чтобы удержаться от основных терминов нашей контрпропаганды — чего-нибудь вроде "провокации" или "идеологической диверсии". Но логика все же странная. Пусть наши взгляды не совпадают, — разве это повод, чтобы отказывать в интервью? Как же тогда Познер ведет "телемосты" с американцами? И что это вообще за журналистика, которой он занимается? Может быть, дело все-таки в презренном металле? В таком случае я предлагаю начать сбор средств в "Фонд будущих интервью с Владимиром Познером".)

— Ну, хорошо. — Я понял, что разговора не получится. — А хотя бы на формальные вопросы вы можете ответить? Например, — когда родились?..

— Плохо же вы готовились к нашей беседе, — усмехнулся Познер. — Эти данные можно легко найти в прессе.

— Западная пресса мне, в отличие от вас, недоступна.

— Я имею в виду советскую прессу. А родился я в 1934 году. Что еще?

— Когда приехали в СССР и когда получили советское гражданство?

— В СССР я живу с 1952 года, гражданство взял в 16 лет. Ну, хватит. — Он подрулил к тротуару и остановился, не заглушая двигатель. (Еще не зная, в чем дело, Познер,

сославшись на нехватку времени, отказался встретиться со мной иначе как в автомобиле. Завидная предусмотрительность!)

Так закончилась наша короткая и не слишком приятная беседа. И писать тут вроде бы не о чем, если бы не одно обстоятельство: снизойдя до ответов на "анкетные" вопросы, Познер даже тут умудрился соврать. В СССР он действительно приехал вместе с отцом в 1952 г., это я знал. Но вот гражданство... Я не исключаю возможности получения гражданства до приезда в СССР (по словам Познера, он "взял" его в 16 лет, то есть в 1950 г., когда жил еще в США). Подобные случаи мне известны. Вот один из них. Потомок аристократического рода, эмигрировавший из СССР, как и Познер-старший¹, в 20-х годах, в сорок восьмом году вернулся с женой и двумя детьми. Прямо с вокзала родители были отправлены в лагерь, а сыновья — в детский дом. Отец погиб, вдова и дети, слава Богу, остались живы, — я дружу с ними. Ситуация для тех лет (разгар "борьбы с космополитизмом") вполне типичная, и я не знаю, каким образом и за какие заслуги Познером удалось ее избежать. Но мне известно другое: много лет Познер-младший жил в СССР, имея лишь "вид на жительство". Советского гражданства он добивался долго и упорно, и добился. Не знаю только, как.

Ныне Владимир Познер — популярный телекомментатор, организатор уже упомянутых "телемостов" между американскими и советскими зрителями. Однако путь к нынешнему положению был долгим и нелегким: сложные анкетные данные, трудности со вступлением в КПСС, многолетнее недоверие к "перемещенному лицу"... Теперь-то все это позади. Но положение неустойчивого равновесия, в котором он пребывал много лет, не позволяет ему расслабиться и определяет его крайнюю ортодоксальность — при внешнем демократизме и даже некотором "американизме". Память ли об этой неустойчивости побудила его отказать в интервью безвестному freelancer'у — внештатному репортеру?

Что ж, я не сетую. Конечно, мне хотелось бы услышать ответы Познера на мои вопросы. Но, может быть, их задаст ему кто-нибудь другой, кому повезет больше, чем мне. Может быть, тогда мои вопросы пригодятся.

— Считаете ли вы себя, г-н Познер, свободным журналистом? Можете ли вы писать (или говорить по радио и телевидению) о чем хотите? Если да, означает ли это, что в ваших комментариях достаточно полно отражены ваши убеждения и нравственные принципы?

(Такой вопрос, безусловно, неоригинален: он не раз задавался нашим генералам от журналистики. Правда, ответы тоже не отличались разнообразием, и я не думаю, чтобы Познер посмел отступить от утвержденного образца. Конечно, ответит он, я свободен в своей профессии — в той мере, в какой журналист вообще свободен от своего работодателя. Мой работодатель — государство, в котором я живу; его взгляды и убеждения я разделяю.

Ответы в этом роде мне доводилось слышать не раз. И ни один интервьюер не захотел пойти дальше: ну, а если точки зрения журналиста и работодателя не совпадут, — как быть тогда? К примеру, в США журналист, не разделяющий позицию "New York Times", имеет возможность предложить свою статью другой газете. В СССР, как известно, подобной альтернативы не существует. Может быть, именно этим, а не влиянием западной пропаганды или криминальными наклонностями отдельных советских граждан следует объяснять общественное явление, называемое Самиздатом?

Очень хотелось бы мне услышать ответ Познера на этот вопрос...)

— Во время вашей недавней поездки в США вам задали вопрос о проблеме эмиграции из СССР. Вы сказали, что ваша личная точка зрения такова: никого из желающих эмигрировать задерживать не нужно. Такое высказывание делает вам честь. Далее, однако, вы заметили, что гражданин, стремящийся уехать из СССР, вы считаете предателями.

¹ Отец В.Познера, французский писатель Владимир Познер-старший, родился в 1905 г., детство провел в России. Член Французской компартии с 1932 г. Во время войны жил в США. Верный друг и слуга советского государства, чьи действия он неизменно защищал и оправдывал.

И подобное отношение к ним многих советских граждан полагаете справедливым — ибо желание покинуть страну, которая так много перенесла (в частности, во время Второй мировой войны), не может и не должно расцениваться иначе.

В связи с этим возникает несколько вопросов. Как в таком случае вы относитесь к своему отцу, покинувшему СССР в 1922 г.? А к себе самому? Вы родились во Франции, жили и учились в США, эмигрировали — именно эмигрировали, а не репатрировались — в СССР. Как, в свете вашего высказывания, должны были бы отнестись к вам французы? Ведь оккупация Франции была для них не менее тяжким испытанием, чем Великая Отечественная война — для нас.

Далее. Упаси меня Бог от сравнений, но почему эмиграция, к примеру из Чили, где многие не могут или не хотят ужиться со своим правительством, представляется вам, как я понимаю, естественной, а выезд из СССР — предательством?

И наконец: не кажется ли вам, что подобная точка зрения на проблему выезда из СССР звучит как бы призывом к расправе над теми, кого вы называете предателями? Помните, тем же термином пользовался доктор Геббельс по отношению к немцам и "лицам еврейской национальности", покинувшим после переворота 1933 г. Германию. Не следует ли этих предателей — тех, кто открыто высказывает желание уехать из СССР, — в целях защиты их от "народного гнева" собрать в специальные резервации или лагеря для перевоспитания, по образцу не слишком давних нацистских или совсем недавних китайских?

(Скорее всего ответа на первую часть вопроса долго ждать не придется: реакция у Познера вообще отменная. В 1932 г., скажет Познер, мой отец был подростком. Из России его увез мой дед, чью трагическую ошибку отец исправил, вернувшись.)

О себе самом Познер, вероятно, скажет, что приехал в СССР, ощущая свое духовное родство с этой страной и, конечно, "по идейным соображениям". Если так, то напрашивается вывод: Познера устраивает только позитивный взгляд на "реальный социализм", иное мнение может быть лишь у предателей.

Что касается последней части вопроса, то она не может быть охарактеризована Познером иначе как "провокационная". Этим определением — когда нечем крыть — наши обозреватели пользуются вместо традиционного по comment.)

— В передачах, именуемых "телемостами", американская сторона не раз поднимала вопрос об Афганистане. Вам прекрасно известно, что немало людей в СССР отрицательно относятся к присутствию в Афганистане "ограниченного контингента советских войск". Чем объяснить, что ни один из них не появился перед телекамерой?

(Ответ Познера и на этот раз предугадать легко. Я, скажет он, об этих людях ничего не знаю. Если они и существуют, то их, вероятно, так мало, что при нашей системе отбора участников передачи, отбора намеренно случайного, чтобы избежать упрека в предвзятости, эти люди просто не попали в поле нашего зрения.)

Что касается произвольности отбора участников, тот тут я бы г-ну Познеру не поверил. В делах пропаганды и контрпропаганды любая случайность у нас исключена. Или, если хотите, хорошо организована. Конечно, кое в чем Познер был бы прав: тех, кто не поддерживает нашу оккупацию Афганистана, по крайней мере не поддерживает *открыто*, действительно немного. Прикинем, однако. Согласно полуофициальным сведениям от наших официальных лиц, за шесть лет войны в Афганистане советские потери составили примерно 90 тысяч человек. Вряд ли родственники рады тому, что их сыновья, братья или мужья до конца выполнили свой интернациональный долг. Таких родственников по самым скромным подсчетам наберется, пожалуй, тысяч 300—350. Журналист обязан был найти кого-нибудь из этих людей и дать им возможность высказаться.)

— Во время одного из недавних телемостов с американской стороны был задан вопрос, могут ли советские люди открыто протестовать против чего-либо, происходящего у нас. На вопрос отвечала молодая женщина, по своей нетерпимости и догматичности — тип комсомолки 20-х годов. Ее ответ свелся к тому, что вот у вас в Америке все эти так называемые протесты — чепуха: поговорили и разошлись. А у нас протесты всегда действительны. Вы, г-н Познер, в качестве ведущего и комментатора, не сочли нужным вмешаться. А ведь такой ответ дискредитирует нашу страну, пожалуй, больше, чем иные нападки со стороны. Вы гораздо лучше многих осведомлены в том, что более полтора

последних десятилетий (о более раннем периоде я уж и не говорю) во главе государства стояло правительство, приведшее страну к невиданному доселе размаху коррупции и развалу многих отраслей промышленности и сельского хозяйства. Сейчас это открыто признается с самых высоких трибун, что само по себе уже немалое достижение. Важно, однако, что за эти полтора с лишним десятилетия ни одного голоса протеста услышано не было. Все потонуло в шуме победных реляций, в нашем стройном хоре, который все "одобрял и поддерживал".

Вам это, безусловно, известно. Промолчав, вы ввели в заблуждение думающих, благожелательно к нам настроенных американцев, отлично знающих силу общественного мнения, с помощью которого в их стране можно даже сместить президента. Чем объяснить ваше молчание?

(То, что вы слышали с экрана, — ответит Познер, — было мнением рядовых советских граждан. Мое вмешательство было бы неправильно понято.

Тут он опять же прав: после подобного вмешательства недолго оставалось бы ему работать в Гостелерадио. Да и мнение "рядовых советских граждан" чаще всего, увы, именно таково. И не один Познер ответствен за формирование этого мнения, если это вообще "мнение". Но это уже другой вопрос, толковать о нем с Познером бессмысленно.)

После краткой аудиенции, которой удостоил меня Познер (да и то лишь потому, что когда-то мы недолго работали вместе), я попытался представить себе дальнейшее развитие его карьеры. Конечно, он и теперь уже достиг немалого. Но это далеко не венец. Перестройка у нас в стране только началась, но уже привела к смене элиты на всех ее уровнях. Процесс этот коснулся и элиты журналистской, особенно того ее отряда, который от длительного употребления оказался дискредитированным и потому непригодным к дальнейшему употреблению. Вот, скажем, Виктор Луи: кроме западногерманского "Bild", который, как известно, никем и ничем не брезгует, услуги этого журналиста от КГБ более Западу не надобны — ни один издатели не хочет быть скомпрометированным. Виктору Луи нужна срочная замена: требуется другая фигура, еще не уличенная в связях с вышеупомянутым "компетентным" заведением. Пришедший на смену должен будет, с одной стороны, заслуживать доверие высшего начальства, а с другой — обладать хотя бы видимостью широты и неортодоксальности взглядов. Таким человеком — Виктором Луи-вторым — и должен, судя по всему, стать Владимир Познер. ●

Октябрь 1986 г.

ИСЛАМ В СТРАНЕ И В МИРЕ

Ислам сейчас, как никогда, – в центре внимания всего мира. “Исламский религиозный ренессанс”, активная политическая роль мусульманских государств в современной международной жизни, исламские страны и нефть, афганская война – все это придает современному исламу значение, какого он, пожалуй, не имел со времен Халифата.

Все большее внимание обращает на себя и ислам в Советском Союзе – и как эхо интервенции в Афганистане, и как возрождающаяся политическая сила. Не случайно именно в Ташкенте М. Горбачев произнес осенью прошлого года речь о необходимости борьбы с религиозными пережитками. Диссидентство, общественно-политическое инакомыслие в традиционно мусульманских республиках долгое время никак себя не проявляло. И когда оно со значительным запозданием появилось – оно приняло именно исламскую форму. Первые политзаключенные из этих районов – это распространители мусульманского Самиздата, в том числе нелегально напечатанного Корана (см. наш журнал, № 10 за 1985 г.), “подпольные” муллы, организаторы религиозных школ. Советские газеты, издающиеся в Средней Азии, на Северном Кавказе, в Азербайджане, сейчас, в период гласности, полны тревожных статей о деятельности “параллельного” ислама (ислам официальный, государственный вызывает столь же мало забот, как и деятельность Московской патриархии).

В нашей стране ислам – это идеология пробуждающегося национального самосознания, часто с ним попросту отождествляемая (или отождествляющаяся). Это мировоззрение, помогающее народам мусульманского сообщества, уммы, сохранить свою национальную “особость”, противостоять мощному культурному и политическому натиску западного мира. Для советских народов уммы этот натиск принял парадоксальную форму русификации. “Запад” явился на советский Восток в облике завоевателей. Здесь еще живы воспоминания об искоренении огнем и мечом пресловутого “басмачества”, жива еще и память о генералах Скобелеве и Куропаткине.

Сейчас эта сжатая пружина вновь начинается расправляться. Очень важно для судеб нашей страны, чтобы национальное возрождение народов “советской” части уммы не приняло такого уродливого, страшного облика, как это произошло в современном Иране или Ливии, странах, где ислам стал государственной религией. Пример этих стран с предельной отчетливостью показывает те опасности, которые несет с собою политизация религии. Наш журнал уже писал об этом в связи с “теологией освобождения” (№ 1–2 за 1985 г.). Для ислама – религии исторически и традиционно политизированной – такая опасность особенно велика.

Есть основания для надежд, что в нашей стране этого не произойдет. В памяти наших народов – не только завоевания и кровь, но и длительное духовное, культурное взаимовлияние. Если русский народ искренне признает национальные чаяния народов уммы, с уважением отнесется к их духовному культурно-историческому наследию, если в национально-освободительной борьбе этих народов не сработает правило бумеранга и не будут отвергнуты идеи демократии и прав человека, традиционно связываемые с западной цивилизацией, – тогда будущее наших народов не будет внушать опасений.

В публикуемых ниже статьях и материалах освещаются (разумеется, далеко не всесторонне) различные аспекты этой животрепещущей проблемы: ислам и современный мир. ●

Шанталь ЛЕМЕРСЬЕ—КЮЛЬКЮЖЕ (Париж)

ОТ ПЛЕМЕНИ К УММЕ

Выдающийся русский востоковед Владимир Бартольд дал знаменитое определение национального самосознания народных масс в Туркестане перед революцией: "Когда вы спрашиваете туркестанца, кто он такой, — я цитирую по памяти, — он вам ответит, что он прежде всего мусульманин, затем — обитатель того или иного города или деревни ("бухарали" или "самарканди") или, если он кочевник, член того или иного племени — мангит, йомуд или найман...

Никто до революции не определял себя как принадлежащего к той или иной национальности, как узбека, таджика или каракалпака, по той простой причине, что национальности эти тогда не существовали.

В царской империи среди мусульман одновременно существовало несколько типов самосознания в зависимости от области обитания, социальной структуры населения, более или менее недавних исторических традиций (я имею в виду одно-два последних столетия — период русского завоевания) и, наконец, в зависимости от социального статуса: горожане, сельские жители, интеллигенты, крестьяне, городские ремесленники и т.д. Важно отметить, что эти традиционные типы самосознания могли сосуществовать, не исключая друг друга.

Первым и, безусловно, важнейшим типом самосознания было религиозное. До революции принадлежность к *умме* (сообществу правоверных) ясно осознавалась всеми мусульманами Российской империи — и до сих пор осознается подавляющим большинством советских мусульман. Это сообщество включает и суннитов, и шиитов. Между мусульманами обоих толков не было вражды (за исключением Бухарского эмирата, где стычки между горожанами — суннитами и шиитами — происходили вплоть до революции). На Кавказе и в области волжских татар уже к концу прошлого столетия противостояние суннитов шиитам постепенно исчезало, в особенности среди интеллигенции. Было жизненно важно сохранить единство перед лицом общего врага — русских.

На первом Мусульманском конгрессе России, состоявшемся в Нижнем Новгороде в 1905 г., было официально объявлено о примирении суннитов и шиитов. Шиитский *мазхаб* (юридическая система) на территории всей страны был уравнен с суннитскими юридическими системами. Сопредседателем конгресса, на котором преобладали татары-сунниты, был шиит Мардан-бей Топчибаши, тюрк из Баку.

Несколько малых мусульманских групп не принадлежали к умме. Их можно разделить на две категории.

К первой относились неортодоксальные, еретические общины, исключенные из уммы ортодоксальными мусульманами. Таковы были йезиды Закавказья, они же "дьяволопоклонники" (в 1926 г. их было около 15 тысяч), — в основном курды, эмигрировавшие из Ирана и Османской империи. Они составляли небольшую замкнутую общину, без всяких контактов с прочими мусульманами, даже с кавказскими курдами, будь то сунниты или шииты. Таковы были бехайты, переселенцы из Ирана, образовавшие небольшие городские общины на Кавказе и по Волге. Мусульмане Российской империи не рассматривали бехайтов и йезидов как единоверцев.

Ко второй категории принадлежали несколько любопытных радикально-консервативных пуританских общин, диссидентских суфийских братств, отклонившихся от своего ордена (*тарики*) по моральным и политическим причинам и порвавших связи с еди-

новерцами-мусульманами. Они замкнулись в себе, защищая себя при помощи внутри-общинных браков. Причины их изоляции от уммы просты: они считали, что подчинение правлению неверных (русских) противоречит Корану и запрещено шариатом. Следовательно, те мусульмане, которые на это пошли, перестали быть мусульманами и стали хуже самих *кафиров* (неверных). Нам известны две такие радикальные пуританские общины, существовавшие до революции. Это вайсы или "Вайсов Божий полк", диссидентская ветвь суфийского братства Накшбандия в Казани, и братство Лаахи (ветвь братства Ясавия) в восточной части Ферганской долины.

Странно, но вполне логично, что и вайсы, и лаахи, считавшие себя единственными истинными мусульманами в Российской империи, во время гражданской войны присоединились к большевикам и сражались против своих единоверцев бок о бок с Красной Армией. Однако сотрудничество большевиков с суфийскими братствами не смогло пережить анархии гражданской войны. Уже в 20-е годы вайсы исчезли, а лаахи ушли в подполье и существуют в Киргизии по сей день.

После Второй мировой войны еще одна суфийская группа образовала закрытую общину, изолированную от остальных мусульман. Она возникла в 1956 г. среди чеченцев и ингушей, депортированных в конце войны в Казахстан. Члены братства, получившего название тарика Вис Хаджи (ветвь ордена Кадирия), не считают себя единственными мусульманами в Советском Союзе, но лишь самими лучшими. Они считают, что, дабы сохранить чистоту веры, они должны насколько возможно обособиться от неверных русских и от тех "плохих" мусульман, которые приняли русское господство. Адепты Вис Хаджи придерживаются жесткой эндогамии. Советские авторы вынуждены признать, что несмотря на свой ригоризм — а может быть, именно благодаря ему — тарика Вис Хаджи является наиболее динамичным и наиболее популярным суфийским братством на Кавказе.

До революции религиозное самосознание мусульман имело несколько негативный оттенок: "мы, мусульмане" против "этих христиан", — примерно то же, что у греков-византийцев, называвших себя православными в противоположность католикам-латинянам и мусульманам. Для масс религиозное самосознание не имело политического содержания, и умма не представляла собой нации в современном смысле этого слова.

Но, и это важно для понимания эволюции мусульманских наций в советский период, в некоторых областях, особенно в Татарии на Средней Волге, завоеванной русскими четыре столетия тому назад, местное население ощущало большую необходимость самоопределить себя в противопоставлении завоевателям, чем на других мусульманских территориях империи. Накануне революции для сильной и динамичной татарской буржуазии ислам становится своего рода суррогатом политического и национального самосознания, особенно среди горожан и интеллигенции, для которых ислам был главным связующим средством и единственной возможностью избежать ассимиляции русскими. Среди татар шел процесс преобразования традиционной уммы в реальную нацию, точнее сверхнацию, в политическое, а не только духовное сообщество. Именно в Казани и других татарских городах родился панисламизм (доктрина, провозглашающая политическое, а не только религиозное и культурное единство мусульман Российской империи) — в сочинениях татарского политического философа Абдурашида Ибрагимова. Доктрина эта была с энтузиазмом встречена большинством местной интеллигенции.

Религиозный характер такого самосознания был особенно важен. До революции никто — даже немногочисленные марксисты, вышедшие из мусульманской среды, — не решался заявить о своей оппозиции исламу и желании найти иную основу для самосознания. Покинуть умму все еще было немислимо. До революции мусульманин, изменивший исламу (добровольно или под давлением властей), переставал быть частью "нас" и становился частью "их", чем-то даже худшим, чем русский кафир, ибо его презирали как предателя.

Тем не менее отход от ислама то и дело происходил в Татарии, а также Башкирии. Перед революцией имелась значительная татарская христианская община (примерно 150 тысяч человек) и гораздо менее многочисленная башкирская община (около 15 тысяч). Хотя они и не были вполне ассимилированы русскими и говорили на родном языке, татарском или башкирском, они никоим образом не рассматривались как часть татарской или башкирской общины. Политически они обычно объединялись с русскими против своих единоплеменников. Это убедительный пример того, что среди татар религиозное самосознание (*исламлик*) преобладало над этническим (*тюрклик* или *татарлик*). И все же в целом мусульмане демонстрировали замечательную силу сопротивления религиозной ассимиляции. Члены небольшой общины литовских (или польских) татар, осевших в Польше и Литве в начале XV в. после Грюнвальдской битвы и очень рано утративших свой ногайский диалект (они говорят по-польски, литовски или белорусски), принадлежали к числу наиболее стойких мусульман Российской империи (а позднее — нью-йоркского Бруклина, где литовско-татарская мечеть — самая большая и наиболее деятельная).

Второй тип традиционного самосознания, упомянутый Бартольдом, — это местное и географическое самосознание. О нем мало что можно сказать, ибо еще до революции оно быстро исчезало в результате развития средств сообщения, большей подвижности местного населения и урбанизации. Местное самосознание среди интеллигентов уступало место самосознанию, связанному с крупными географическими районами, особенно на Северном Кавказе и в Средней Азии.

На Северном Кавказе местная элита — и мусульмане, и христиане — определяла себя как горцы (*тавлулар* по-кумыцки), разделенные по признаку религии, языка и в соответствии с социальной структурой, но объединенные образом жизни, общенародной культурой, обычаями, историческими традициями, эпосом, танцами, наконец, кухней и одеждой. Накануне революции северокавказские либеральные интеллигенты надеялись использовать это коллективное самосознание как основу для создания политического союза всех горцев, и мусульман, и христиан. Их мечты рухнули с падением в 1919 г. недолговечной Горской республики, которая должна была объединить горцев-мусульман — чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев и дагестанские народности — и осетин-христиан, а также терских казаков. Идея эта не осуществилась, ибо ее поддерживала лишь небольшая горстка умеренной или либеральной интеллигенции, которая отказывалась признать религию за единственную основу своего самосознания. Для подавляющего большинства населения, особенно для многочисленной и влиятельной группы традиционных *улема* (богословов и правоведов), христиане — даже христиане-горцы — оставались прежде всего неверными. Единственное приемлемое самосознание было религиозным.

В Средней Азии в конце XIX в. формировалось другое, географически достаточно широкое "туркестанское" самосознание, но не в крестьянских массах, а среди городской интеллигенции. Своим рождением оно было обязано пониманию того, что национальное и политическое единство всех туркестанцев перед лицом русского вторжения — залог национального выживания. Все дореволюционные туркестанские политические теоретики — Абдурауф Фитрат, Махмуд Ходжа Бехбуди, Мустафа Чокай и даже те, кто позднее присоединился к большевикам, такие, как Файзулла Ходжаев или Турар Рыскулов, — считали себя *туркестани*, туркестанцами.

Третий тип самосознания — клановый или племенной. Это самосознание противоречило *шариату*, исламские философы его осуждали. Сайед Джемаледдин аль-Афгани писал, например: "Любые связи, кроме тех, что созданы исламским законом, Аллах не одобряет" и цитировал *хадис* Пророка: "Среди нас нет места племенному единству". Имам Шамиль рассматривал борьбу против трибализма и против *адата* — традиционного

закона, который укреплял клановую систему, — как важную составную часть своего *джихада*, необходимую в борьбе против русских.

Однако клановое и племенное сознание выжило и существовало перед революцией не только среди кочевников Средней Азии, ранее бывших лишь "поверхностными" мусульманами, но и среди оседлых чеченцев и ингушей на Северном Кавказе, из числа которых рекрутировались в свое время лучшие боевые части мюридов Шамиля. У них клановая лояльность попросту была сильнее исламского самосознания. Шамилю, разрушившему клановый дух у дагестанцев, не удалось сделать это в Чечне.

Более широкое племенное самосознание было по-прежнему сильно среди туркмен, которые определяли себя скорее как члены определенного племени — теке, йомуды или гоклены, — а не как туркмены; то же наблюдалось у кочевников-узбеков (локаев), башкир, ногайцев, казахов и каракалпаков. Особенно развитое племенное самосознание было у племен монгольского происхождения найман, мангит, ктай, кесек, кунграт или тейит, разбросанных по территории Российской империи от Крыма и Башкирии до афганской границы. Поразительно, что и сейчас, через 70 лет после революции, бывшие кочевники Средней Азии отлично знают свою племенную принадлежность.

Клановое и племенное самосознание подкреплялось брачными запретами, эндогамными (у туркмен и чеченцев) или экзогамными (у казахов и узбеков-кочевников). До революции эти запреты были обязательными, а ныне сохраняются в форме "предпочтительных браков".

Наконец, в начале XX в. в некоторых областях, особенно на Средней Волге среди татар, стало складываться, хотя еще не очень ясно выраженное, новое этническое самосознание. Татарский писатель Абдул Каюм аль-Насыри во второй половине XIX в. первым назвал себя *татарин*ом. Другие татарские интеллигенты осыпали его насмешками, и последователей у него не оказалось. Однако примерно к 1905 году татарская интеллигенция уже искала основу для какого-то иного, не исключительно религиозного самосознания, опирающегося не только на ислам, но и на "этнос". Большинство — так называемые *тюркчулер* — определяли себя просто как турки; меньшинство, представленное преимущественно социалистами и левыми националистами, — так называемые *татарчилар* или *топракчилар* (местные), — считали себя татарами, ограничивая свое национальное самосознание сообществом волжских татар.

Такова была сложная картина самосознания мусульман Российской империи накануне революции, соответствующая докапиталистическому этапу их экономического развития. Лишь волжские татары, уже успевшие вступить в капиталистический этап, обладали зачаточным национальным самосознанием современного типа.

Царская администрация мало была озабочена национальным самосознанием мусульман, доколе они платили налоги и вели себя мирно, и никак не пыталась на него влиять. Советская же власть, напротив, начиная с 1924 года, осуществляла прямое вмешательство, пытаясь разрушить традиционное самосознание и построить на его развалинах новое советское самосознание, основанное на четырех сталинских критериях: единство языка, территории, экономики, исторических и культурных традиций.

Советские власти, очевидно, полагали, что современное самосознание — будь то национальное сознание узбеков, киргизов или башкир — не может возникнуть, если не будут ликвидированы традиционные типы самосознания, клановые или религиозные.

Главные усилия сосредоточились на разрушении ислама — и как религии, и как образа жизни, — ислама, который советские теоретики считали главным препятствием в построении Прекрасного Нового Коммунистического Мира. Усилия эти частично принесли успех. После полувека жестокого давления официальный советский ислам сжался до минимума: сохранилось лишь 450 функционирующих мечетей, две религиозные школы (медресе Мир-и-Араб в Бухаре и Исмаил аль-Бухари в Ташкенте), одно религиозное

периодическое издание и журнал "Мусульмане Советского Востока", издающийся в Ташкенте для более чем 45 миллионов советских мусульман.

Очевидно, что официальный советский ислам совершенно не способен удовлетворить минимальные духовные нужды населения. Парадоксально, однако, что благодаря деятельности "параллельного" ислама (как его называют советские авторы), подпольного народного сообщества, возглавляемого энергичными суфийскими братствами, религиозные чувства населения не только не угасти, но по-прежнему удивительно сильны. Согласно нескольким недавним советским обследованиям, проведенным в Средней Азии и на Северном Кавказе, убежденные атеисты в мусульманских районах составляют не более 20% населения; остальные 80% — это различные категории верующих и те, кого в советской литературе называют "неверующими, соблюдающими обряды", например, все те, кто постится во время Рамадана, чтобы не быть исключенными из "сообщества правоверных". Но даже убежденные атеисты так или иначе связаны со своими религиозными корнями. Обрезание, религиозный брак и, разумеется, религиозное погребение практикуются почти всем населением, включая членов КПСС и даже пропагандистов-антирелигиозников.

В Средней Азии (и тем более на Северном Кавказе) все жители — верующие, и неверующие — по-прежнему определяют себя как мусульмане. Часто можно слышать: "Я коммунист и атеист, но, конечно, я мусульманин". Эти определения, по-видимому, не исключают друг друга. В советских публикациях можно встретить выражение "неверующий мусульманин".

Концепция уммы (сообщества правоверных) по-прежнему хорошо понятна всем, исламское самосознание вполне живо. У меня создалось впечатление, что за последние несколько лет оно стало еще сильнее. В чем причина? Демографические успехи мусульманских наций? Воздействие войны в Афганистане? Влияние иранской исламской революции? Или, может быть, попросту понимание того, что Средняя Азия есть часть *Дар аль-Ислам*, исламского мира? Вероятно, все эти факторы имеют свое значение.

Главный вопрос, конечно, таков: совместимо ли религиозное самосознание с новым советским национальным самосознанием, например, узбекским или казахским? Жители Средней Азии уверены, что не только совместимо, но одно усиливает другое. Журнал "Наука и религия" приводит такой диалог. "Почему ты считаешь себя мусульманином?" — спросил лектор-антирелигиозник киргизского комсомольца. "Потому что я киргиз", — ответил тот. Можно слышать и такие заявления: "Необрезанный не может быть узбеком (или киргизом, туркменом)". Немусульманин, даже рожденный в Туркестане и бегло говорящий на местном языке, всегда остается "чужаком, живущим среди правоверных". Власти, напротив, убеждены, что современное национальное самосознание несовместимо с религиозным. Поэтому давление на ислам и мусульманский образ жизни сейчас сильнее, чем когда-либо.

Местное самосознание (самосознание *бухарали, ташкенди, самарканди* и т.д.) полностью исчезло по вполне понятным причинам: для него в современной жизни просто не осталось места. Но любопытно, что клановое и племенное самосознание сегодня сильно, как никогда. У этого парадокса есть свое логическое объяснение.

Антирелигиозное наступление на исламский образ жизни, на обычаи, ритуалы, на религиозную жизнь мусульман вообще, не затронуло все еще сохранившуюся племенную и клановую структуру. Сегодня в СССР можно быть атеистом и марксистом и в то же время — лояльным членом своего племени. Шумную пропаганду против трибализма нельзя подкрепить какими-либо юридическими мерами. Практически невозможно, например, законодательно запретить эндогамные или экзогамные табу.

Кланы, племена или племенные объединения в Казахстане и Туркменистане активнее, чем когда-либо, играют роль своего рода мафии, замкнутого мира, из которого русские исключены. Традиционная племенная структура существует в неожиданном сим-

биоэ с партийной системой. Местный коммунистический вождь меньше боится быть преданным членами своего племени, нежели своими партийными товарищами. Вот почему, например, бывший Первый секретарь ЦК компартии Казахстана Динмухамед Кунаев, принадлежащий к племennому объединению *улы жуз* (старший жуз, или орда) окружил себя соплеменниками из того же жуза. В ЦК КП Киргизии преобладают члены клана *бугы*, в Туркменистане и в ЦК партии, и в Академии наук, и в Ашхабадском университете господствуют текинцы.

Итак, трибализм, племенная лояльность прекрасно существуют и процветают в коммунистическом государстве. Коммунистическое и племенное самосознание не исключают друг друга.

Советские теоретики убеждены, что рано или поздно традиционные типы самосознания исчезнут. Они полагают, что знаменитая формула Сталина — «кадры решают все» — все еще не потеряла своей силы. Речь идет, конечно, о партийных кадрах. В счет идет самосознание местных бюрократов, а не масс. В Москве, очевидно, думают, что личные интересы местных бюрократов в среднеазиатских республиках требуют консолидации наций в современном смысле слова, а не сохранения религиозной или племенной лояльности, что это в конечном счете преобразует искусственно созданное советское самосознание в нечто реальное и естественное, исключая все прочие типы самосознания.

Оправдана ли такая уверенность? Это зависит от многих факторов, которые мы не рассматривали. Насколько надежна местная номенклатура? Насколько она лояльна по отношению к советской власти и насколько предана своим республикам и новоиспеченным нациям? Действительно ли они верят, что их личные интересы связаны с этими слабыми и лишенными исторических корней национальными образованиями?

Пока что на эти вопросы нельзя дать удовлетворительного ответа. Но следует помнить, что в отличие от своих русских товарищей среднеазиатские партийные кадры, будучи официально марксистами и атеистами, никогда полностью не порывали своих связей с народом, до сих пор приверженным к исламу и *тюрклук*. В результате этого мощного психологического единства между массами и элитой в течение последнего десятилетия наблюдается медленная, но неуклонная «реисламизация» элиты, а вовсе не «коммунизация» масс, на которую надеются власти. ●

БОЙ С ИСЛАМОМ

Переделка мусульманского самосознания в советской Средней Азии

1.

Когда перед Лениным, а вслед за ним и Сталиным встала задача консолидации русского влияния и укрепления роли коммунистической партии в Средней Азии, им очень скоро стало ясно, что решение этой задачи — это в первую очередь решение "мусульманского вопроса". Здесь они шли по пути своих царских предшественников, которые давно поняли, что в политическом самосознании населения Средней Азии, да и ряда других регионов ислам играет немаловажную роль. Термин "мусульмане" был официальным юридическим термином Российской империи. Такие слова, как "узбек", "татарин" и "киргиз" использовались лишь для обозначения племенной принадлежности, но даже в этом качестве они употреблялись зачастую неправильно или неточно. Например, словом "татарин" назывались не только волжские или крымские татары, но и северокавказские тюркские народы (карачаевцы, балкарцы, кумыки — часто называвшиеся северокавказскими татарами), и даже азербайджанцы (их называли кавказскими татарами). Эти племенные названия в то время их не имели практического никакого политического значения. Сами эти народы почти никогда их не употребляли.

В наследство от царской администрации большевики получили ясное понимание того, насколько важен ислам как средство политической общности в Российской империи. За редкими исключениями, в канун революции все видные мусульманские реформаторы Средней Азии и Волго-Уральского района, от самых консервативных до самых социалистических, были убежденными панисламистами. Политические организации, которые они создавали или в которых принимали участие, почти всегда имели в своем названии слово "мусульманский": "Союз русских мусульман", созданный в Санкт-Петербурге в 1906 г., "Мусульманская рабочая партия", основанная в 1907 г., и др.

Ленин и Сталин осознали политическую важность ислама, когда им пришлось иметь дело с коммунистами из мусульманских районов, помогавшими большевикам захватить и утвердить власть. Даже те мусульмане, которые заявляли, что они лично не имеют ничего общего с исламом, инстинктивно понимали: утвердить марксизм в их обществах возможно только в том случае, если марксистские идеи будут пропущены через мусульманский фильтр. Наиболее известный мусульманский "национальный" коммунист, Мирсаид Султан-Галиев откровенно писал об этом в своей работе "Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман" (1921 г.). Он доказывал необходимость секуляризации ислама. Таким путем, по его мнению, можно изолировать наиболее реакционные элементы мусульманской общины, но мусульманская *умма* — исламское политическое сообщество при этом бы сохранилось. Иными словами, Султан-Галиев хотел сделать мусульманское общество более эффективным, более гибким политическим инструментом. Он и другие мусульманские национал-коммунисты понимали, что нельзя бросить вызов населению среднеазиатских и ряда других областей Российской империи, ощущавшему себя как единое мусульманское сообщество, без того чтобы не вызвать яростной ответной реакции. Другие мусульмане, в том числе такие видные деятели, как мулла Нур Вахитов, казанский татарин, назначенный Сталиным на пост главы комиссариата по мусульманским делам, яростно призывали к радикализации панисламизма. Короче говоря, "мусульманская проблема" как таковая оставалась бы, но с ней можно было бы управиться и даже записать ее себе в политический и стратегический актив.

После 1917 г., но до того, как русские большевики стали достаточно сильны, чтобы подчинить нерусские политические группы своим целям или поставить их перед угрозой уничтожения, большевики повсеместно признали политическую важность номинально "мусульманских" политических образований. Это нашло отражение в создании ряда центральных и региональных политических и военных организаций, задачей которых было заниматься исключительно мусульманскими делами. Например, при Наркомнаце существовал Центральный комиссариат по делам мусульман Внутренней России и Сибири. В 1918 г. была учреждена Центральная мусульманская военная коллегия, первым председателем которой стал Султан-Галиев, были созданы Мусульманская рабоче-крестьянская Красная Армия и Российская партия мусульманских коммунистов (большевиков) с собственным Центральным Комитетом. В рамках Наркомюста имелась даже специальная комиссия по шариату, которой была поручена задача согласования советского и коранического права. Наконец, в 1918—1923 гг. широко созывались "мусульманские конгрессы", на которых обсуждался вклад мусульман в революцию и рассматривались пути достижения сугобо мусульманских политических целей.

2.

По мере укрепления власти русских большевиков уменьшалась их терпимость по отношению к соперничающим центрам власти. После 1923 г. советское руководство во главе со Сталиным дало понять, что в новой советской империи исламу не будет более позволено оставаться альтернативным общественным фактором. Примерно в это же время сталинское руководство приступает к осуществлению плана, исторически беспрецедентного и амбициозного: заставить мусульман изменить свое самосознание. Мне кажется, можно с полной уверенностью утверждать, что этот советский эксперимент — превратить мусульман в нечто другое — уникален. Ничего подобного никогда не предпринималось раньше, во всяком случае в современной истории.

План изменения самосознания мусульман советской империи состоял из двух основных частей. Их можно было осуществлять по отдельности или одновременно — в зависимости от политических требований момента. Первая часть плана — разрушение установившихся институтов ислама, посредством которых каждое новое поколение приобретает к мусульманской умме и вливается в нее. Вторая — введение суррогатного самосознания, которое должно занять место искорененного ислама.

Выполнение первой части оказалось самым легким делом и прошло успешно. Оно началось в 1923 г. с ареста Султан-Галиева и продолжалось до 30-х годов, когда было закончено физическое уничтожение мусульманских национал-коммунистов. (Вахитов еще раньше, в 1918 г., попал в руки наступающего Чехословацкого корпуса; чехословаки казнили его, опередив Сталина на несколько лет.) Других мусульман, принадлежавших к разным частям политического спектра, но настаивавших на сохранении за исламом особого политического статуса, ожидала такая же судьба. Особенно лютой стала эта политика после 1928 г. К 1938 г. были уничтожены многие тысячи представителей мусульманской интеллигенции, политические руководители и другие видные общественные фигуры.

Следующая фаза разрыва связей, посредством которых ислам передавался от поколения к поколению, началась примерно в 1928 г., когда во всех мусульманских районах развернулась широкая антиисламская кампания, направленная как против основ веры, так и против религиозной практики ислама. Десятки тысяч мечетей были снесены, священнослужители "ликвидированы" или отправлены в лагерь. Официальные цифры красноречиво говорят о жестокости и размахе этой программы уничтожения. До революции в Российской империи было 26 тысяч мечетей (еще 7—8 тысяч мечетей находилось в формально независимых Бухарском эмирате и Хивинском ханстве). К 1942 г., по официальным советским данным, это число сократилось до 1 312. Сегодня в Советском Союзе осталось примерно 450 мечетей.

Борьба с исламским образованием проводилась еще более последовательно. Ко времени революции почти при каждой мечети была начальная религиозная школа — *мектеб*; число высших мусульманских школ — *медресе* достигло нескольких тысяч

(в 1913 г. только в Дагестане было 800 медресе и почти столько же в Азербайджане). Однако примерно к 1928 г. советская власть закрыла все мусульманские школы. Для ислама это был особо жестокий удар, ибо именно в этих школах изучался арабский язык, а знание арабского необходимо для чтения Корана, для молитв, для отправления мусульманских обрядов. В период между 1928 и 1945 гг. исламское образование в Советском Союзе было постепенно прекращено.

В те же годы был сначала введен модифицированный арабский алфавит (1923 г.), затем, в конце 20-х и начале 30-х гг. — латинский алфавит, в середине 30-х гг. — модифицированный латинский алфавит. Наконец, после 1939 г. все языки Средней Азии были переведены на русский алфавит. Таким образом, молодое поколение мусульман Средней Азии и других мусульманских районов советской империи было успешно отрезано от величайших письменных памятников исламской культуры, — ведь почти все они написаны на языке, который молодежи был уже недоступен.

К осуществлению второй части программы — вытеснению исламского самосознания мусульман Средней Азии новым типом самосознания — также приступили в середине тридцатых годов. В основу ее было положено сталинское определение нации: единство территории, языка, экономики и культуры. Пришедшее на место ислама современное национальное самосознание по плану большевиков не должно было достигать опасной степени сепаратистского национализма, но должно было стать достаточно глубоким, чтобы помешать сохранению или возрождению среди мусульманских народов каких-либо форм панисламского сознания. Это была стратегия типа "разделяй и властвуй". Ее хорошо описали А.Бенигсен и Ш.Кюлькюже в своей известной работе "Ислам в Советском Союзе".

"Эта политика, — пишут авторы, — состояла в том, чтобы разбить большие массы мусульманского и тюркского населения на отдельные фрагменты, а затем составить из них определенное число единиц, каждая из которых имела бы точную территориальную границу. Эту политику изобретательно проводили и администраторы, и экономисты, и ученые, — на долю последних выпала работа по созданию письменных языков."

В те же годы, когда советская власть перекраивала территории, а ученые создавали национальные литературные языки, были созданы и другие "национальные" учреждения — такие, как национальные академии наук, издательства и музеи, целью которых было подчеркнуть размежевание народов. Этот процесс начался всерьез в начале тридцатых годов и продолжается по сей день. Для каждой крупной единицы было создано собственное культурное и историческое наследие. Цель и здесь оставалась та же — подчеркнуть, что силы, разделяющие мусульман Средней Азии, сильнее, чем те преимущественно исламские силы, которые их объединяют. Это привело к некоторому воображаемому "культурному империализму" со стороны определенных среднеазиатских национальностей. Так, узбеки утверждают, что Алишер Навои — их национальный поэт.

Можно выделить и третью составляющую этого советского наступления, которая многое нам проясняет в кампании по насаждению национальных типов самосознания: это массивная пропаганда русской культуры и языка. Насильственное внедрение русской культуры и языка в Средней Азии, начавшееся в конце 20-х гг. и с тех пор остающееся постоянной чертой отношений между Россией и Средней Азией, если его сопоставить с попытками создать современные среднеазиатские народы методом "размежевания", кажется по меньшей мере странным, выглядит как нарушение элементарных принципов формирования наций, как восстание против здравого смысла. Если большевики действительно хотели создать узбекский, таджикский, киргизский и другие народы, зачем, позволительно спросить, насаждать среди этих народов все русское? Даже в двадцатые и тридцатые годы можно было предвидеть, что это приведет к ответной реакции.

И тем не менее все русское среди этих народов насаждалось. Почти везде был введен русский язык, а пользование местными языками, например, в школах, сокращалось. Советские историки перетолковали завоевание Россией Средней Азии — а косвенным образом и советское завоевание — таким образом, что оно превратилось из империалистического зла в неожиданное культурное счастье, свалившееся на головы туземцам. Русский народ был возведен в ранг "старшего брата" среди всех народов советской

империи и т.д. и т.п. Все это хорошо известно, и здесь нет нужды повторяться. Я говорю об этом только потому, что, как мне кажется, эта история проливает свет на образ мысли русских большевиков в вопросе о создании в Средней Азии отдельных типов национального самосознания. Разделение Средней Азии на различные национальности представляло собой тактический маневр, но оно было и частью более широкого стратегического плана. Создание узбекского, таджикского, киргизского и других народов рассматривалось просто как этап в сознательно запланированной эволюции мусульманского самосознания, этап, на смену которому должно было прийти что-то другое. Это "что-то другое", как ясно из советской печати, — Новый Советский Человек. Но очевидно также, что с самого начала сталинский режим предусматривал для жителей Средней Азии такой личный и общий тип самосознания, который был бы насквозь пропитан русской культурой; иначе говоря, жители Средней Азии должны были быть русифицированы. В этом смысле "узбекизация" или "таджикизация" должна была служить лишь шагом по направлению к советизации (или русификации, что в общем-то одно и то же). Оба процесса были призваны ограничить, а затем уничтожить исламское сознание.

3.

Зададимся, однако, вопросом: можно ли заменить или просто уничтожить в сознании мусульман ислам как систему их самоопределения? Иначе говоря, может ли мусульманин потерять свое мусульманское самосознание? Существует соблазн ответить на этот вопрос утвердительно: современная социология убеждает нас, что в результате естественных процессов или, что вероятнее, путем направленного воздействия любой тип самосознания может быть изменен. Но лично я скептически отношусь к такой возможности — разве что за исключением особых, необычных случаев. Моя собственная "самодельная" социология — у которой, признаюсь, нет научной основы — говорит мне, что крайне незначительное число бывших мусульман в современном мире уже само по себе демонстрирует особую способность ислама удерживать приверженцев в сфере своего культурного, если не религиозного притяжения. Мусульманином рождаются; в отличие от христианина, мусульманина не "крестят" в мусульманство. Быть мусульманином — это экзистенциальный факт, а не результат свободного выбора. Перестать быть мусульманином — значит перестать существовать.

Марксизм-ленинизм как альтернативная система убеждений не показал, что он способен (если не говорить о физической ликвидации, практикуемой его сторонниками) заставить мусульманина перестать быть мусульманином. Советские социологические исследования показывают, что марксистско-ленинский образ мышления не может подавить даже открытые проявления культурной жизнеспособности ислама — такие, как исламские обряды, связанные с рождением, обрезанием или похоронами. Практически все советские мусульмане соблюдают эти обряды. Конечно, в Советском Союзе были (и возможно, еще есть) мусульмане, которые считают марксизм-ленинизм применимым в мусульманских условиях, — это много говорит об условиях, существующих в СССР, но мало или ничего об исламе. Марксизм-ленинизм можно наложить на "мусульманизм", но он не может его заменить; по крайней мере, пока еще это нигде не произошло. Это видно из того, что и сегодня в смешанных социально-политических обществах в так называемых социалистических государствах Среднего Востока и Африки (например, в Ливии, Алжире и Сирии) ислам преобладает. Чаще встречается другое — попытка "привязать" марксизм к исламу, как это пытались сделать мусульманские национал-коммунисты в 20-х годах в Советской России или различные "исламские марксисты" типа движения Муджахиддин-и-Халк. Советские власти непримиримо враждебны и к тому, и к другому.

Если бы ислам представлял собой просто этнический тип самосознания, было бы возможно, при прочих равных условиях, заменить его современным национальным самосознанием — скажем, узбекским или азербайджанским. Можно привести много примеров, когда отдельные личности или этнические группы в результате естественных причин теряли свой первоначальный тип самосознания. В этом нет ничего необычного.

Тот, кто отказывается от одного типа самосознания и в конечном итоге приобретает иной, как правило, не осознает это сам (исключение составляет уникальный американский опыт); можно почти с полной уверенностью сказать, что он не находит в своем новом самосознании ничего такого, что вступило бы в конфликт с его взглядом на самого себя. Однако в случае советской Средней Азии ситуация была совершенно иной. Способы, с помощью которых мусульман Средней Азии побуждали отказаться от ислама, едва ли можно назвать частью естественной социальной эволюции. От них грубо требовали, нередко с применением насилия, отказаться от мусульманства, иначе... Одни лишь применявшиеся средства могли поставить под вопрос шансы советских властей на успех в их попытках переделать мусульман.

Не знаю, понимают ли советские власти, какие трудности сопряжены с любой попыткой уничтожить ислам, в особенности путем замены исламского самосознания чем-то другим. Дерзость, с которой решились на это Сталин и советское руководство, выдает их невероятное самомнение.

Ислам, как должны были убедиться советские руководители, — не просто тип этнического самосознания. Человек может быть тем-то и тем-то и одновременно мусульманином, но только ислам есть нечто постоянное. Нет причин, почему бы не могли развиваться отдельные нации — узбеки, казахи или туркмены. В конце концов, все они долгое время являлись частью созвездия подтипов национального самосознания мусульман Средней Азии. Советская политика, без сомнения, в значительной степени ускорила это развитие, что в любом случае могло бы произойти в определенный исторический период. Но это не означает, что ислам должен от этого ослабеть. Нет такой альтернативы: либо ислам, либо этническое самосознание. Мусульманину нет необходимости выбирать; он может быть одновременно и мусульманином, и узбеком, и его приверженность к исламу и к своему этническому типу самосознания может усиливаться либо порознь, либо одновременно. Надежда советской власти на то, что эти тенденции окажутся взаимно исключаящими, что в конечном итоге и само этническое самосознание будет заменено самосознанием Нового Советского Человека с русской ориентацией, — эти надежды с самого начала покоились на ложных предпосылках.

Свидетельств растущей политической важности исламского фактора в СССР более чем достаточно. Советская власть озабочена жизнестойкостью ислама в СССР, трудностями, которые создаются на пути осуществления советского социального планирования. "Книжная летопись" свидетельствует: в 1980 г. исламу было посвящено 27 книг, изданных в СССР, в 1982 г. — 37, а в 1983 г. это число возросло уже до 52.

У меня нет сомнений, что повышение внимания к исламу вызвано исламской революцией в Иране и советским вторжением в Афганистан. Советские мусульмане всерьез озабочены событиями, которые совершаются рядом с ними; их симпатии зачастую принадлежат мусульманским братьям по ту сторону государственной границы. Недавно стало известно о существовании мусульманского самиздата в Средней Азии, о мусульманских книгах, которые контрабандой провозятся в советскую Среднюю Азию из Афганистана.

Сейчас советские власти обращают все более пристальное внимание на суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Новая антимусульманская кампания имеет много отличительных черт, какими характеризовалась печально известная грубая антиисламская кампания 50-х годов при Хрущеве.

Через 70 лет после революции, более чем через полстолетия с начала первых советских попыток создать в Средней Азии новый тип самосознания, все еще проводится и развивается политика изменения самосознания, по-прежнему сосредоточенная на исламе, как на главном препятствии, которое необходимо преодолеть. Сегодня время от времени можно наблюдать вспышки местного национализма в Средней Азии. Последний пример — события декабря 1986 г. в Алма-Ате. Это косвенно свидетельствует о том, что советская политика создания наций в Средней Азии оказалась успешной. Однако принимая во внимание то, что кампания, направленная против ислама, не принесла ожидаемых плодов, советские руководители должны быть обеспокоены тем, что вместо одного чудовища теперь им противостоят два: исламское самосознание и новый этнический национализм, который они же сами помогли создать. ●

”СТИРАНИЕ ГРАНЕЙ”

Межэтнические процессы в Средней Азии

Как идет ”стирание граней” между народами советской Средней Азии — процесс, который со временем должен привести к созданию ”новой исторической общности — советского народа”? С точки зрения пропагандистов такая общность уже создана, но даже для советских специалистов вопрос далеко не так прост. Однако и они рассматривают ”стирание граней” как начало межнациональной интеграции, как тенденцию, способную нейтрализовать последствия нарушения демографического равновесия славянских и мусульманских групп. Неудачи в этой области приписываются крестьянской отсталости и клеймятся как пережитки прошлого. Западные же специалисты рассматривают эти неудачи как доказательство сопротивления со стороны мусульман процессу интеграции, который часто отождествляют с русификацией (нередко преувеличенно).

В числе показателей стирания различий между этническими группами чаще всего рассматривают: процент лиц, сохраняющих родной язык, а также владеющих русским языком как вторым; выравнивание уровня образования; частоту и этнический состав смешанных браков; сходство или различие семейных привычек и способов проводить свободное время; состав рабочей силы и межэтническое разделение труда.

Ценность этих показателей подвергается, однако, сомнению. Например, для советских евреев можно было бы на основании подобных показателей сделать вывод, что перед нами — классический случай межэтнической интеграции, граничащей с ассимиляцией. Тем не менее у всех евреев, даже у тех, кто чувствует себя по культуре столь же русскими, как и сами русские, существует ярко выраженное национальное самосознание. Отсутствие социальной интеграции — важное указание на социальную обособленность, в то время как наличие интеграции не обязательно доказывает противное. Имея это в виду, посмотрим, насколько ”интегрированы” или, если хотите, русифицированы мусульманские народы Средней Азии.

Какой язык для вас родной?

Число советских людей, назвавших русский своим вторым языком, возросло с 36,1% в 1970 г. до 47,4% в 1979 г. Однако в то же самое время доля тех, кто утратил родной язык, в период между 1926 и 1979 гг. оставалась стабильной (только 1,1%). Национально-лингвистическое самоопределение сохраняется очень долго. Исходя из этого советский демограф Ю.Бромлей приходит к заключению, что происходит ”не ассимиляция, а межэтническая интеграция”. Если взять только мусульман Средней Азии, то здесь статистические данные практически не отличаются от средних по стране. Например, число русскоговорящих узбеков с 1970 по 1979 гг. резко выросло (от 14,5 до 49,3%); однако процент узбеков, называющих русский язык родным, увеличился незначительно (0,53 и 0,63% соответственно), что указывает на отсутствие ассимиляции.

Более того, ответы, которые давали люди во время переписи населения, кажутся недостаточно объективными. Иначе трудно объяснить, каким образом число русскоговорящих узбеков увеличилось с 1970 по 1979 г. в три раза, в то время как, например, русскоговорящих эстонцев оказалось вдвое меньше, чем узбеков, и их численность упала более чем на 10%. Налицо, очевидно, упрямое преуменьшение в одном случае и хвастливое преувеличение в другом; и то, и другое снижает надежность полученных данных. Ю.Бромлей и сам не очень удовлетворен результатами переписи: ”В некоторых республиках кажется, что молодежь знает русский язык хуже, чем люди среднего возраста.”

Можно ли, однако, вообще рассматривать владение русским языком само по себе как показатель интеграции, а не простого улучшения образования? Кроме того, каким образом интеграция связана с ассимиляцией и связана ли вообще? Не является ли она простым межэтническим взаимодействием, которое может и не иметь более глубоких последствий?

Успехи образования

Советские ученые и публицисты, всемерно подчеркивающие достижения советской власти в Средней Азии, любят опираться на данные о народном образовании. Что ж, здесь достижения Советского Союза несомненны; добрую волю Москвы трудно оспаривать (если, конечно, не вспоминать о "наказанных народах"), подъем уровня образования коренных жителей Средней Азии до уровня, среднего по стране, — явление, безусловно, замечательное.

Тем не менее и здесь некоторые вопросы остаются нерешенными. Прежде всего, хотя количественное выравнивание почти достигнуто, различия в качестве образования по-прежнему очень заметны. Многие советские авторы открыто подвергают сомнению полноценность образовательного уровня жителей Средней Азии, которые должны заменить уезжающих оттуда русских. Одной из причин неравноценной подготовки является сама политика "продвижения национальных кадров", сходная с традиционной советской практикой в промышленности, практикой, которая всегда ставила на первый план количество в ущерб качеству.

Далее, хотя образование женщин — жительниц Средней Азии и улучшилось, их перспективы на получение равной с мужчинами работы по специальности далеко не соответствуют успехам образования.

Опять же неясно, можно ли считать выравнивание уровня образования показателем успешного межэтнического "сближения". Благодарны ли доминирующей нации коренные жители за то, что их образование улучшилось? История показывает, что чувство, которое они в таких случаях испытывают, — это скорее затаенная обида, чем благодарность: более образованные коренные жители способны яснее понять социально-экономическую и политическую зависимость своей этнической группы от доминирующей нации. "Благоденствия" с ее стороны воспринимаются как оскорбительное покровительство.

А вы бы выдали свою дочь за...?

Советские статистические обзоры содержат обширные данные, свидетельствующие о росте числа смешанных браков. Однако в них необходимо внести две поправки. Во-первых, не все равно, заключаются ли смешанные браки между этнически родственными группами (например, русскими и украинцами или узбеками и казахами) или, напротив, между этнически "чуждыми" группами (например, русскими и узбеками). Во-вторых, существенно, кто именно, муж или жена, принадлежит к политически доминирующей группе (в случае СССР — к русской). Если жена, то значение такого смешанного брака в качестве показателя межнациональной интеграции уменьшается: даже в последнее время, когда столько говорят о правах женщин, женам редко удается улучшить социальное положение своих мужей, когда муж принадлежит к группе, традиционно воспринимаемой как социально неполноценная. Обычно жена "растворяется" в группе мужа.

Из всех советских семей 14,9%, или примерно 10 млн. из 66 млн., являются смешанными. Однако подавляющее большинство смешанных браков, заключаемых в Средней Азии, — это браки между этнически близкими группами. Более того, в тех ред-

ких случаях, когда заключается мусульманско-русский брак, почти всегда муж — мусульманин, а жена — русская. Причина этого двоякая: во-первых, шариат запрещает браки между мусульманскими девушками и мужчинами немусульманами (но не наоборот); во-вторых, по традиции мужчины, принадлежащие к социально доминирующей славянской группе, не склонны вступать в "неравный брак" (похожее наблюдается в браке между белыми и черными в США).

Можно с уверенностью сказать, что в советской Средней Азии этнически смешанные браки пока не играют важной роли в межнациональной интеграции, и едва ли это произойдет в ближайшем будущем.

Семейные традиции

В Советском Союзе, и в советской Средней Азии в частности, проводились многочисленные социологические исследования семейной жизни, в том числе изучался вопрос, как люди проводят свободное время. Грубо говоря, результаты показывают, что существует значительное сходство в том, как семьи используют свободное время, между тем как в других семейных привычках наблюдаются резкие расхождения между "европейскими" и "азиатскими" семьями. Так, в отличие от жителей Европейской части Советского Союза, мусульмане советской Средней Азии явно предпочитают более многодетные семьи, не склонны к разводу, в значительной степени полагаются на советы родителей, городская жизнь их не очень привлекает.

Четверо из каждых пяти туркменов и двое из пяти узбеков предпочитают после женитьбы жить с родителями. Большинство туркменских семей, в среднем две из трех, в зависимости от размера семьи, полагаются при решении важных вопросов на советы родителей. Почти в половине узбекских семей только муж принимает важное решение, касающееся всей семьи в целом; в двух из пяти случаев такие решения принимаются после консультации с родителями. С женой советуются редко — ситуация, весьма отличная от той, что имеет место в русских семьях, где отношения становятся с каждым годом все более "западными".

С другой стороны, лишь 0,4% опрошенных узбеков назвали свою семейную жизнь неудовлетворительной, и четыре пятых мужчин (но лишь две трети женщин) были ею весьма довольны — поистине очень высокий процент. В то же время мужчины-узбеки, которые, похоже, принимают на себя почти всю ответственность за семейные дела, усердно помогают женам по хозяйству и в воспитании детей. Никакой помощи не оказывают лишь 6,5%, значительное большинство помогает в какой-то мере, а 21% мужчин полностью разделяют все заботы по домашнему хозяйству со своими женами. Это сохранение традиционных семейных ролей мужчины и женщины является одновременно и источником демографического взрыва среди мусульман, и препятствием к межэтнической интеграции.

На рабочем месте

Рабочее место, армия и школа являются основными местами межэтнической интеграции. Вот почему в Соединенных Штатах Америки попытки интеграции проводились в первую очередь в этих направлениях. Однако армия и школа играют подчиненную роль; лишь рабочее место оказывает более длительное влияние на межэтнические отношения.

У советских мусульман, которые в основном посещают собственные школы, где почти все преподавание ведется на родном языке, социальные контакты с русскими часто отсутствуют до тех пор, пока юношу не призывают в армию или пока молодежь не начинает работать в городе. Таким образом, по мнению советского исследователя, "кон-

кретной микросредой, которая несомненно влияет на людей, является социально-профессиональная среда". Наличие "межнационального коллектива" в условиях современной научно-технической революции делает объединяющие межэтнические контакты неизбежными. Однако не обходится и без препятствий. Прежде всего, труд в сельском хозяйстве практически не интегрирован. Кроме того, во многих "городских" профессиях или видах занятий ведущую роль все еще играет та или иная этническая группа, что фактически создает "этническое разделение труда".

К примеру, коренные жители Средней Азии преобладают в сельском хозяйстве, животноводстве, торговле, а также в некоторых областях легкой промышленности и в сфере обслуживания. Они также образуют и самый высший, и самый низший эшелоны рабочей силы: значительную часть руководства и большую часть неквалифицированных рабочих. Русские и другие европейцы, с другой стороны, господствуют в промышленности, в особенности в более сложных ее отраслях. Так, в Узбекистане среди машиностроительных рабочих узбеки составляют только 18%, в текстильной промышленности — 57,5%. Русские по-прежнему составляют большинство технических кадров и квалифицированных служащих.

Такое положение — не просто результат постоянной нехватки квалифицированной местной рабочей силы, нехватки, которую можно было бы уменьшить, повышая образовательный уровень населения. Оно скорее вызвано устойчивостью традиционных психологических препятствий. Молодые мусульмане с неохотой идут на заводы, где работа имеет монотонный характер, и это отрицательное отношение сохраняется и по сей день. Для служащих требуется хорошее знание русского языка, поскольку вся переписка на уровне выше колхоза или небольшого кооператива ведется на русском языке; это ограничивает возможности для служащих-мусульман. Многие мусульмане не любят города, что также снижает их удельный вес в учреждениях и на заводах. Важность этих "местных рабочих традиций" отмечают и советские социологи.

Таким образом, очевидно, что на предприятии, где техники и квалифицированные рабочие — это русские и другие европейцы, а чернорабочие и нетехнический персонал — мусульмане и где лишь немногие рабочие бригады и часть руководящего состава действительно являются этнически смешанными, возможности для подлинного "стирания граней" между национальностями невелики. Встает вопрос, может ли общение на работе, со всеми вышеописанными ограничениями, привести к чему-либо более глубокому, чем поверхностная интеграция в рабочие часы. В районах со скрытыми национальными конфликтами, в особенности с конфликтами между демографически уменьшающейся господствующей этнической группой и демографически расширяющейся подчиненной группой, рабочее место может превратиться в место межэтнического соперничества. Растущее число публикаций, посвященных межэтническим отношениям, в советской научной и популярной печати подтверждает, что Советский Союз понимает серьезность этой проблемы.

Русские уходят?

Одно из важных последствий мусульманского демографического взрыва и связанного с ним роста социально-политической значимости мусульман — исход из Средней Азии европейских поселенцев. Сейчас факт реэмиграции русских признан многими советскими специалистами, например, В.Переведенцевым. Реэмиграция русских вызвана несколькими причинами, часто действующими одновременно. Возросла конкуренция при получении работы, вызванная ростом числа образованных местных жителей, готовых получить рабочие места, обычно занимаемые более квалифицированными и более опытными европейцами, конкуренция, которая связана с политикой "выдвижения национальных кадров", проводимой местными властями. Способствует отъезду евро-

пейцев и сгущение националистической атмосферы, вызванной чувством демографической жизнеспособности местного населения и его успехами в области образования. Растет психологическое беспокойство европейцев, обусловленное сокращением численности их собственной этнической группы (отчасти это напоминает бегство белых из районов с меняющимся демографическим составом в США). Многие просто стремятся "вернуться домой", на родину. Значительная часть европейских жителей Средней Азии — это либо лица, высланные туда в 30-х и 40-х годах, либо эвакуированные во время войны и их дети. Устранение препятствий к возвращению на родину (за исключением немцев и крымских татар), а также нехватка рабочей силы в родных местах поощряют реэмиграцию.

Не следует недооценивать важности русской (и другой европейской) реэмиграции. Традиционной русской политикой со времени Ивана Грозного было создание русских поселений на покоренных азиатских территориях, что было надежным способом обеспечения русского господства. От этой политики никогда не отказывались, ее никогда не меняли, и все переписи населения вплоть до 1959 г. показывали постоянный рост числа переселенцев.

После русского покорения Средней Азии туда одна за другой двигались волны европейских поселенцев. Первыми были военные, в том числе казаки. Затем казакам раздали "пустующие земли" в ряде районов Казахстана для возделывания земли на русский лад. В это же время русские чиновники, железнодорожники, купцы двигались в Туркестан. Сама революция в этих местах была делом рук русских поселенцев, коренное население принимало в ней минимальное участие. Позже сюда хлынули новые волны европейской (и неевропейской) миграции: высланные семьи кулаков в начале 30-х годов, городские жители — жертвы бесконечных чисток в конце 30-х, "западники" из аннексированных польских территорий и прибалтийских государств в 1939—41 гг. и снова в 1944—45 гг., немцы Поволжья, крымские татары и другие "наказанные народы" во время Второй мировой войны, не говоря уже о корейцах 1938—39 гг. Кроме того, в военные годы в Среднюю Азию покатила волна "неорганизованных" беженцев, к которым добавились рабочие и служащие эвакуированных предприятий. Лишь небольшая часть новоприбывших после войны смогла вернуться назад. Освоение целины в конце 50-х гг. повлекло за собой новую волну переселенцев — на этот раз на негостеприимные земли Северного Казахстана. Наконец, теплый климат Средней Азии, постоянная нехватка здесь технических кадров, не столь строгое отношение к частной инициативе продолжали привлекать рабочих из районов, и без того страдающих от нехватки рабочей силы: возник феномен "иррациональной миграции".

Однако переписи 1970 и 1979 гг. показывают резкое изменение этой тенденции. С 1959 по 1978 г. процент русских во всех союзных республиках Средней Азии и Кавказа упал, и эта новая тенденция не обнаруживает признаков ослабления.

Это приводит к важным политическим последствиям. С уменьшением числа европейских поселенцев для коренного населения открывается больше возможностей для работы, они могут шире участвовать в решении собственных дел, хотя всего лишь на местном уровне. Поэтому Москве приходится больше полагаться на местные кадры. Это требует повышенного внимания к экономическим нуждам местного населения и большей терпимости к его национально-религиозным чувствам. Руководящие посты тоже все больше начинают переходить к местным кадрам.

Примечательно, что задача прекращения русского заселения, то, за что сражались мусульманские повстанцы и чего требовали местные национальные коммунисты, — в обоих случаях безуспешно, — эта задача сейчас мирно решается чисто демографическим путем.

Мусульмане не мигрируют

Одной из ключевых проблем, стоящих перед советскими властями, является упорное нежелание коренных жителей Средней Азии покидать свои насыщенные рабочей силой родные места и переселяться в страдающие нехваткой рабочих рук районы РСФСР. Последствия этого, в первую очередь экономические, многочисленны.

Разрыв в трудовых ресурсах между югом и севером растет. Коррективы, которые мог бы внести свободный рынок, поощряющий избыточную рабочую силу искать работу в районах, где ее не хватает, в советских условиях искусственно извращаются. Прогнозы западных экспертов, ожидавших, что Советский Союз встретится с повторением типичной для свободного мира миграцией рабочей силы с юга на север, оказались ошибочными. Почему?

Известно, что для пуэрториканца, приезжающего в Нью-Йорк, или для турка, эмигрирующего во Франкфурт, побудительным мотивом является желание улучшить свое экономическое положение: он хочет жить сытнее и состоятельнее. В Советском Союзе дело обстоит не так.

Советская экономическая система традиционно решает проблему местной безработицы путем запланированной неполной занятости рабочей силы. Такое решение продиктовано исключительно политическими соображениями. В свою очередь, не полностью занятый рабочий предпочитает употреблять свою энергию на более выгодные личные дела, иногда граничащие с нарушением закона. Он мирится с тем, что за халтурную работу на предприятии он получает низкую зарплату. Советский социолог Д.Зюзин приводит пример таджикского колхоза, где главный агроном получает в год зарплату 2 280 рублей, в то время как его доход с приусадебного участка составляет от 5 до 15 тысяч рублей. Ясно, что этот агроном уж никак не захочет уехать в Сибирь, какую бы зарплату ему там ни предложили. Таким образом, более благоприятная обстановка для личной инициативы является принципиальной дополнительной льготой, привлекающей тех, кто живет и работает в Средней Азии.

Стоимость жизни в Средней Азии на 10% ниже, чем в Центральной России, и на 20% ниже, чем в Сибири. Доход семьи здесь выше на 34,4%. Следовательно, отъезд из Средней Азии непременно приведет к ухудшению уровня жизни.

Коренные жители Средней Азии не только не хотят уезжать из своих мест навсегда, их не так-то легко заставить уехать хотя бы на время на далекие стройки. На широко разрекламированном БАМе рабочие — выходцы из Средней Азии немногочисленны. Их доля вдвое меньше той, какую можно было бы ожидать при пропорциональном представительстве на БАМе населения разных районов. Вдобавок, лишь один из шести приехавших "среднеазиатов" — мусульманин, прочие — европейские переселенцы.

Кроме экономических, есть и социально-психологические факторы, препятствующие миграции мусульманского населения.

В СССР трудно сохранить свою национально-религиозную "особость", находясь за пределами своей национальной территории. Это относится и к узбеку-мусульманину, и к литовцу-католику, живущим в РСФСР. В то время как турки в Западной Германии или арабы во Франции могут беспрепятственно сохранять свои религиозные традиции и национальные привычки, советские мусульмане, живущие вне *уммы*, сталкиваются с трудностями, вытекающими из атеистических основ советского государства. Хотя давление государства направлено не только на ислам (этому давлению подвергаются все религии), но человеку, живущему в чуждой ему среде, приходится особенно трудно.

Второе препятствие заключается в том, что советская программа "выдвижения национальных кадров" распространяется только на Среднюю Азию, но не на собственно русские районы. Таким образом, узбеку, поселившемуся в РСФСР, придется на равных

соревноваться с русскими, — к такому соревнованию он, как правило, не подготовлен.

Есть и еще одно препятствие: русские города не кажутся мусульманской молодежи чем-то уж очень привлекательным. Крупнейшие столицы мира, такие, как Нью-Йорк, Париж, Лондон и даже менее крупные центры, например, Мюнхен, с магнетической силой притягивают к себе провинциальных жителей и иностранных рабочих. С советскими городами дело обстоит иначе. Самые привлекательные крупные города СССР, такие, как Москва, Ленинград, Киев или даже Ташкент, — строго ограничивают свой рост. Новоприбывшему приходится преодолевать тройной барьер: найти работу, на которой он окажется незаменимым, найти жилье и получить прописку. Все это надо добыть одновременно, без одного не получишь другого. Малоквалифицированному, не имеющему связей иногороднему рабочему едва ли удастся преодолеть такой тройной барьер.

Социологические исследования показывают, что лишь меньшинство молодых мусульман хотели бы жить в "высоких" городских домах, даже в своем собственном регионе. Этим мусульманская молодежь, которую городская жизнь не привлекает, резко отличается от русской молодежи, бегущей из деревень в города.

Советские специалисты пришли к заключению, что "существующее в данный момент положение не позволяет надеяться, что межрегиональное движение местного населения Средней Азии произойдет самотеком" (Д.Зюзин), и начинают призывать к "организованной миграции". В то же время в узбекской печати появляются предложения о переводе требующей рабочих рук промышленности в Среднюю Азию. Те же соображения в немалой степени стояли и за печально известным проектом поворота сибирских рек на юг; все это направлено на создание рабочих мест в Средней Азии, а не на экспорт мусульманской рабочей силы.

Назад от "слияния" к "развитию"

Межэтнические отношения в СССР по традиции определяются с помощью терминологического трио: расцвет, сближение и слияние.

В 70-х годах сближение было разделено на десяток различных этапов. В литературе появился термин "единство", заменивший нереалистическое "слияние", которое перенесли в отдаленное будущее. Далее, к существительному "единство" были добавлены определяющие прилагательные, и был введен еще один термин — "единение" (движение по направлению к единству). Одновременно вошло в оборот и более скромное слово "общность"; наконец, в словарь советских специалистов по национальным проблемам проник западный термин "интеграция".

Эта новая, более реалистическая позиция отозвалась и в советском академическом мире. Уже в 1981 г. в одной крайне откровенной статье о Средней Азии, опубликованной в издании АН Таджикистана, говорилось, что "сближение" более подходит для развитых европейских народов РСФСР, в то время как население Средней Азии еще находится на таком уровне, когда вполне довольно и "расцвета". Но и этот ограниченный "расцвет", первая ступень в иерархии степеней совершенства советских национальностей, заменяется иногда менее пышным термином "развитие", что можно расценить как еще один шаг к реализму в национальных делах.

Сейчас, когда в шифрованном языке советской национальной политики "развитие", "общий характер" и "интеграция" открыто соревнуются с "расцветом", "сближением" и "слиянием" (даже в "исторической перспективе"), проблема этнического самоопределения нерусских национальностей СССР обсуждается более открыто, чем прежде. Устойчивость чувства национального самосознания среди народов СССР признается сейчас открыто всеми серьезными советскими авторами. Оговорка, что проблема "уже не носит того характера", как во время революции, по сути ничего не меняет. ●

Имам Рухолла ХОМЕЙНИ (Кум, Исламская республика Иран)

РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ

Фрагменты из религиозно-политических сочинений

Имя имама Хомейни вот уже несколько лет не сходит с первых полос газет всего мира. Можно без преувеличения сказать, что это одна из самых мрачных фигур нашего века, стоящая в одном ряду с Гитлером, Сталиным, Пол Потом.

Рухолла Хомейни родился в 1902 г. в городе Хомейн, что вблизи священного города Кум. Он – внук и сын шиитских религиозных вождей. Отец его был убит по приказу местного землевладельца, воспитывал мальчика старший брат, Рухолла Хомейни начал как *улема* (ученый-правовед) и профессор богословия. Его каламу принадлежат многочисленные сочинения по исламской философии, праву и этике. Труды эти снискали ему широкую известность. Он был признан аятоллой – одним из религиозных вождей шиитского мусульманского сообщества в Иране. В 1962 г. Хомейни поселился в Куме, духовном центре иранских шиитов.

В 1963 г. в Иране начались антиправительственные волнения. Хомейни проявил себя в это время как один из самых резких и непреклонных критиков шахского режима. Особенно горячо обрушивался он на объявленную шахом земельную реформу. Именно тогда аятолла Рухолла Хомейни стал известен всенародно и утвердил свой авторитет по всей стране.

4 июня 1963 г. армия арестовала Хомейни, спустя полтора года он был выслан в Турцию. Оттуда он перебрался в Ирак, где поселился в Наджафе, священном городе шиитов этой страны. Годы жизни в Ираке Хомейни провел в размышлениях, причем далеко не только религиозных. Он готовил свою революцию. Законченная им в Наджафе вчерне книга "Велаяят-е-фагхи" (труднопереводимое выражение, приблизительно означающее "Царство умудренных") – это подлинное руководство для религиозных лидеров по захвату власти.

В 1978 г. иракское правительство попросило Хомейни покинуть страну. Он поселился в Нюфле-Шато, в предместье Парижа. Оттуда он развернул широкую пропагандистско-агитационную кампанию за свержение шаха и создание в Иране исламской республики.

Массовые волнения, развернувшиеся в Иране в 1978 г., заставили шаха уступить. 16 января 1979 г. он навсегда покинул страну. Первого февраля вернулся аятолла Хомейни. В Мехрабаде ему был устроен триумфальный прием. Хомейни был провозглашен религиозным вождем революции и сменил свой титул аятоллы на титул имама. Первым его шагом на родной земле было посещение кладбища, где он провозгласил наступление "эпохи мученичества". "Чем больше людей, особенно молодых, погибнет за наше дело, тем сильнее мы станем", – заявил имам. Стране еще предстояло вспомнить эти слова.

Почему 37-миллионный народ с готовностью последовал за имамом и продолжает преданно следовать и поныне, несмотря на суровые испытания последних лет? Это можно понять только в контексте шиитского учения о двенадцати имамах. Шииты являются "сторонниками" (таково значение этого арабского слова) семьи пророка Мухаммеда и не признают других авторитетов. В их глазах подлинными *халифами* или, вернее, *имамами* являются лишь Али – двоюродный брат и зять Мухаммеда (пророк не оставил наследника мужского пола) и двенадцать его прямых потомков. Если в суннизме имам – это избранный или назначенный духовный и светский глава, то шиитский имам становится таковым в силу божественного указания, переданного через Мухаммеда. 12 имамов непогрешимы, каждый из них творил чудеса. Каждый, умирая, назначал себе преемника-имам. Так шло до Хасана ибн Али аль-Аскафи, который, передавая имамат сыну, заявил: "он – *махди* и владыка времени". Сын этот родился в 873 г. в Самарре, но не умер, а исчез – по преданию, удалился в потайное место, где ждет своего часа, чтобы явиться миру. Такова суть шиитского предания о "скрытом имаме".

Хомейни никогда не называл себя махди, мессией, но именно так воспринимает его народное сознание. Поэтому прочность его власти нельзя сравнить с прочностью власти светских владык. Кстати, Хомейни давно уже превзошел по длительности пребывания у власти самого Али: тот был убит, когда находился у власти немногим более четырех лет. В глазах шиитов это имеет особое значение.

Хомейни вернул в страну средневековье, умело сплавив его с современностью: с армией, вооруженной ракетами, с нефтепромыслами, обеспечивающими приток долларов. Но преобладает средневековье, определяя облик всей Исламской республики. Массовые казни, подавление всякого инакомыслия, пытки, запрет светской культуры, унижение женщин, планомерная отправка на пушечное

мясо – на бессмысленную войну с Ираком – не только взрослых мужчин, но даже детей. Во внешней политике – авантюры, вроде захвата американских заложников в Тегеране, и, конечно, – терроризм, организованный и массовый, открыто провозглашенный государственным делом.

Имам Хомейни, разумеется, de facto политический руководитель исламской революции и Исламской республики, но прежде всего он – их духовный вождь, их идеолог. Указания имама во всех областях жизни – это то, чем должен руководствоваться каждый правоверный шиит.

Мы приводим ниже ряд высказываний Хомейни, взятых из его книг: "Велаят-е-фагхи" ("Царство умудренных"), "Кашфол-асрар" ("Ключ к тайнам") и "Товзихол-масаэль" ("Разрешение вопросов"). Выбраны преимущественно высказывания по общественно-политическим и философским вопросам. Мы публикуем также несколько его поучений, регламентирующих повседневную жизнь мусульманина и его религиозную практику. Эти последние, наугад выбранные отрывки дают представление скорее о стиле, чем о сущности воззрений мыслителя.

Ислам – это вера тех, кто борется за правду и справедливость, кто требует свободы и независимости. Это школа тех, кто борется с колониализмом.

У мусульман нет иного выбора, как вооруженная священная война с нечестивыми правительствами, если мусульмане хотят исправить нарушенное политическое равновесие в обществе и принудить стоящих у власти чтить законы и начала Ислама.

Священная война означает завоевание всех немусульманских территорий. Такая война может быть объявлена после образования Исламского правительства, достойного этого имени, под руководством Имама и по его велениям. Долгом каждого взрослого и здорового мужчины будет тогда отправиться добровольцем на эту завоевательную войну, чья конечная цель – утвердить закон Корана от края до края Земли. Но мир обязан понять, что всемирное господство Ислама значительно отличается от владычества прочих завоевателей. Нужно, следовательно, сначала создать Исламское правительство под руководством Имама, дабы он, Имам, мог предпринять такое завоевание, отличное от всех прочих завоеваний, которые были несправедливыми и тираническими и отрицали нравственные и цивилизующие начала Ислама.

Исламская вера и справедливость требуют, чтобы противоисламские правительства не имели права на существование в исламском мире. Установление мирского общественного порядка равносильно активному противодействию распространению исламского порядка. Всякая нерелигиозная сила, какой бы облик она ни приняла, есть по необходимости сила безбожная, орудие Сатаны. В наши обязанности входит преградить ей путь и бороться с ее влиянием. Такая сатанинская сила не может породить на земле ничего кроме коррупции, этого верховного зла, которое должно быть безжалостно искоренено. Чтобы этого достигнуть, нет иного способа, как низвергнуть все правительства, не опирающиеся на подлинно исламские начала. Таков не только наш долг в Иране, но также и долг мусульман во всем мире: довести исламскую политическую революцию до окончательной победы.

Европа – всего лишь собрание неправедных диктатур. Все человечество должно железной рукой сокрушить этих смутьянов, если только оно желает вновь обрести покой. Если исламская цивилизация будет править Западом, нам более не придется терпеть это варварское поведение, недостойное даже диких зверей.

Первой подрывной силой, действующей против исламского движения, стала еврейская нация, которая ныне является главным источником антиисламской клеветы и интриг. Далее наступила очередь еще более проклятых слуг Сатаны – империалистов.

О какой, собственно, общественной жизни мы говорим? Об этих рассадниках порока, называемых театрами, кино, дансингами, музыкой? Похотливые мужчины и женщины, вперемежку друг с другом на наших улицах, с обнаженными руками, ногами, грудью? Смехотворные шляпы наподобие европейских или подражание европейцам в их обычае пить вино? Мы убеждены, что вы потеряли способность различать добро от зла, а взамен получили радиоприемники и смехотворные западные шляпы. Ваши взоры притягивают раздетые женщины на пляжах и в бассейнах. Прекратите это постыдное поведение, дабы возгорелась заря новой жизни!

Руководители нашей страны были настолько глубоко подвержены влиянию Запада, что даже ход времени в стране сверяли с европейским, гринвичским временем. Какой кошмар!

Иранский плакат: Хомейни ведет корабль революции через бурное море

Мы решительно утверждаем, что нежелание носить чадру нарушает закон, данный Аллахом и Пророком, и бросает вызов всему обществу. Мы утверждаем, что ношение смехотворных западных шляпок стоит на пути к достижению независимости и противоречит Божьей воле. Мы утверждаем, что музыка порождает безнравственность, похоть и распутство, подавляет храбрость, мужество и благородный дух.

Так как империалисты, предательские и тиранические правительства, евреи, христиане и материалисты объединились, чтобы исказить правду об Исламе и сбить с пути мусульманские народы, сейчас, больше чем когда-либо, нашим долгом является развернуть активную пропагандистскую кампанию.

Исламское правительство не может быть тоталитарным или деспотическим, а лишь конституционным и демократическим. Однако законы этой демократии не сотворены волей народа, а основаны на Коране и сунне Пророка. Конституция, гражданский и уголовный кодекс должны вдохновляться лишь исламскими законами, записанными в Коране и переданными Пророком. Исламское правительство — это правительство Божьей волей, и его законы нельзя ни изменить, ни оспорить.

Подумать только — политизированные священнослужители! А почему бы и нет? Сам Пророк был политиком!

Часто заявляют, что религия должна быть отделена от политики, что священнослужители должны держаться дальше от государственных дел. Такие утверждения могут исходить только от безбожников; они продиктованы и распространяются империалистами.

Если есть обоснованные опасения, что торговые отношения с иностранцами могут повредить исламским рынкам и привести к экономической зависимости, такие отношения следует разорвать и подобную торговлю объявить противоречащей вере.

Написано: "Священнослужители управляют султанами". Если султаны послушны Исламу, они должны быть послушны и священнослужителям, должны спрашивать их о законах и правилах, и о том, как их применять. Священнослужители, таким образом, становятся подлинными вождями, и власть принадлежит им.

В некоторых случаях обман необходим для поддержания Ислама и веры вообще; без обмана вера не может выжить.

Руководители СССР и Англии и президент Соединенных Штатов, подобно Иمامу, наделены властью, но они — неверные. Они используют свою политическую власть и влияние для удовлетворения своих отвратительных личных вожделий, вводя бесчеловечные законы и действуя бесчеловечными политическими методами. Но Имам и священнослужители обязаны использовать политический аппарат, чтобы применить законы Аллаха и установить систему равенства на благо всего народа.

Тот, кто управляет мусульманским сообществом, всегда должен иметь в сердце своем интересы сообщества, а не свои собственные. Вот почему Ислам осудил столь многих людей на смерть — чтобы охранить интересы мусульманского сообщества. Ислам уничтожил многие племена, ибо они были источником коррупции и были вредны для благосостояния мусульман.

Ислам имеет предписания для всего, что касается человека и общества. Они исходят от Всевышнего и переданы людям Его Пророком и Посланцем. Можно поражаться величию этих заповедей, охватывающих все стороны жизни — от зачатия до погребения! Нет такого вопроса, по которому Ислам не высказал бы своего суждения.

Если бы карательные законы Ислама применялись хотя бы в течение года, несправедливость и безнравственность были бы повсеместно искоренены. Преступления должны караться по закону возмездия: отсеки вору руки; убей убийцу, а не сажай его в тюрьму; бичуй женщину или мужчину, уличенных в прелюбодеянии. Ваши сомнения, ваши “гуманитарные” колебания неразумны и достойны малого ребенка. Всякий судья, удовлетворяющий семи требованиям (достигнуть зрелости, быть верующим, в совершенстве знать кораническое право, быть справедливым, не страдать от потери памяти, не быть незаконнорожденным, не быть женщиной), может отправлять правосудие по всем делам. Он может выносить до двадцати судебных решений за день, тогда как для западной юстиции на это потребовались бы годы.

Вы, молодежь нового поколения, старайтесь мыслить более ясно. Перестаньте обращаться к науке и ее законам, которые привели к тому, что столь многие из вас пренебрегли своими главными обязанностями. Придите на помощь Исламу! Спасите правоверных!

Радио и телевидение дозволены, если они используются для трансляции новостей или богослужений, для распространения хороших образовательных материалов. Но должны быть запрещены пение, музыка, антиисламские высказывания, прославление тиранов, лживые слова и все передачи, которые сеют сомнения и подрывают доблесть.

Испражняясь и мочась, надо приседать так, чтобы не быть обращенным лицом к Мекке, но и не поворачивать к ней спину.

Чтобы помочиться или испражниться, желательно присесть в укромном месте. Желательно также ступить в это место сначала левой ногой, а выйти из него сначала правой. Тому, кто облегчается, лучше быть с покрытой головой и вес тела переносить на левую ногу.

Пять вещей следует избегать пьющему воду: пить слишком много; пить после плотной еды; пить, когда встаешь ночью; держать кувшин с водой в левой руке; пить с того края, где кувшин выщерблен или треснул, или со стороны ручки.

Одиннадцать вещей нечисты: моча, кал, семя, кости, кровь, собаки, свиньи, мужчины и женщины немусульмане, вино, пиво и пот поедающего испражнения верблюда.

Вино и все другие одурманивающие напитки нечисты, но опиум и гашиш — чисты.

Человек, у которого изверглось семя при сношении с женщиной, каковая не является его законной женою, и который затем вновь испустил семя, совокупляясь с законной женою, не имеет права молиться, покуда он еще покрыт потом. Но если он имел сношение сначала со своею женою, а затем с женщиной, которая ему не жена, то он может произносить молитвы, даже будучи еще потным.

Не следует допускать в мечеть слабоумного, ребенка и того, кто недавно поел чеснока.

Если тот, кто молится, покраснел в лице, пытаясь удержать смех, то ему следует начать молитву заново.

Муж обязан иметь сношение с женой по меньшей мере раз в четыре месяца.

Разрешается извлекать тело мусульманина либо мусульманки из могилы: чтобы достать еще живое дитя из чрева матери; если дикий зверь может пожрать тело; если наводнение может его унести с собою; если тело может попасть в руки врага. Можно также вскрыть гробницу, чтобы положить в нее часть тела покойного, которая была найдена после погребения.

ЗАГАДОЧНАЯ ВОСТОЧНАЯ ДУША

Каддафи: Психология и политика

I.

Властитель Ливии Муамар Каддафи – одна из самых одиозных личностей на современной политической арене. У кого-то он вызывает ужас, другие открыто им восхищаются. Не исключено, впрочем, что и поклонники в глубине души побаиваются вождя ливийской революции.

Когда в прошлом году Каддафи приказал своим летчикам атаковать корабли и самолеты американского Шестого флота, проводившего маневры недалеко от берегов Ливии, многие снова задали себе вопрос: откуда возник этот экзальтированный деятель, бесстрашно бросающий вызов сильным мира сего, дерзко нарушающий общепринятые нормы международной политики?

В самом деле, откуда он взялся? Впервые имя Муамара Каддафи появилось на первых страницах газет в начале сентября 1969 г., когда группа офицеров ливийской армии захватила власть в стране, свергнув престарелого короля Идриса I и положив конец монархии. Во главе этой группы стоял 27-летний полковник Каддафи.

Однако, чтобы понять, на какой почве возникло явление, именуемое Муамаром Каддафи, надо хотя бы вкратце познакомиться с прошлым Ливии. Что представляла собой Ливия осенью 1969 г., накануне прихода к власти Каддафи? Можно без преувеличения сказать, что эта обширная, но малонаселенная страна¹ почти не изменилась с тех незапамятных времен, когда здесь осели предки современных берберов.

В течение столетий на узкой полосе средиземноморского побережья одни пришельцы сменяли других: финикийцы, карфагеняне, греки, римляне... На огромных же пространствах Ливийской пустыни продолжали кочевать дикие скотоводческие племена. Нравы и обычаи их столь резко отличались от европейских, что именно за этими обитателями пустыни прочно закрепилось нарицательное имя "варвары" – берберы.

Серьезные изменения произошли в Ливийской пустыне в VII в. н.э., когда страну захватили арабы. Арабские войска были немногочисленны, еще малочисленнее были осевшие здесь арабские племена. К тому же социальная структура пришельцев, их культура и нравы почти не отличались от берберских. Казалось, берберы ассимилируют (или вырежут) арабов. Но этого не произошло. Напротив, в относительно короткий срок – к концу IX века, после второй, тоже немногочисленной волны арабских переселенцев – почти все берберы перешли на арабский язык и стали считать себя арабами.

Главную роль в этом превращении сыграл принесенный арабами ислам. Ислам делит обитаемый мир на два четких лагеря, мирное сосуществование между которыми немислимо: "Дар эс-салам", "обиталище мира", страна ислама и "дар эль-харб", "обиталище войны" – весь немусульманский мир, который мусульмане должны заставить принять веру Мухаммеда. Берберы не вынесли этого натиска, подкрепленного саблями дамас-

¹ Площадь Ливии 1 759,5 тыс.км² (для сравнения площадь Франции 551 тыс.км²). Ливия состоит из трех исторических областей – Триполитании, Киренаики и Феццана. Население страны – около 3 млн. человек, значительная часть которых – кочевники; оседлое население сосредоточено в прибрежной полосе и в оазисах.

ской выделки. Они приняли ислам и стали арабами. Это было тем проще, что их образ жизни при этом не изменился, он лишь получил определенную идеологическую основу.

В XVI веке страну захватили турки, которые, впрочем, не слишком вмешивались в повседневную жизнь ливийцев. В 1912 г. в результате итало-турецкой (Триполитанской) войны Ливия была превращена в колонию Италии, каковой и осталась до 1943 г. Если с "социально близкой" турецкой властью местное население и его вожди уживались в общем неплохо, то с итальянцами их отношения складывались не лучшим образом. Итальянские власти пытались навести хотя бы минимальный порядок в стране: распустить вооруженные банды, объединявшие едва ли не все взрослое мужское население, лишить население оружия, подчинить центральной власти гордых вождей племен и руководителей могущественного религиозного ордена сенуситов. В ответ ливийцы начали затяжную партизанскую войну, которая приняла особенно ожесточенный характер, когда Италия попыталась колонизовать страну. Хотя итальянским крестьянам-колонистам отдавались пустующие, никем не обрабатываемые земли, арабы усмотрели в этом осквернение "священной арабской земли" и покушение на арабскую природу страны.

Несмотря на определенные экономические и политические уступки в 1936—37 гг., повстанческие действия в стране не прекращались вплоть до Второй мировой войны. Большая часть страны, именовавшаяся "военной территорией Юга", находилась на военном положении вплоть до конца 1943 г., когда в Ливию вступили войска союзников.

После войны Ливия была практически разделена между державами-победительницами: англичане оккупировали Киренаику и Триполитанию, французы — Феццан. Подобное положение сохранялось восемь лет.

Местных жителей новая расстановка сил отнюдь не устраивала. В их глазах англичане и французы были такими же колонизаторами, как итальянцы, хотя они не заселили пустующие земли европейскими колонистами и не покушались на арабский характер страны. В конце декабря 1951 г., после долгой дипломатической возни, в которой активно участвовали вожди ливийских племен, было провозглашено независимое Соединенное Королевство Ливия. Государство именовалось конституционной монархией, возглавил его король Идрис I (Мухаммед Идрис аль-Махди ас-Сенуси) — давнишний союзник Англии и вождь ордена сенуситов. С 1922 г. Идрис жил в Египте, в 1940 г. предложил английскому командованию на Ближнем Востоке помощь, которая была принята, и Идрис сформировал "ливийский легион" в составе 14 000 солдат. В свою очередь англичане обещали помочь укреплению его позиций в Ливии, вернее — в Киренаике, где орден сенуситов был особенно влиятелен.

Молодое государство не имело никакой экономической базы. Бедуины и феллахи едва могли прокормить себя. Сводить концы с концами и кормить горожан им удавалось только благодаря урожаем с полей итальянских колонистов. Промышленности почти не было, если не считать нескольких десятков кустарных мастерских. Годовой доход на душу населения составлял всего 30 долларов — один из самых низких в арабском мире, да и в мире вообще. Здравоохранение и образование находились на предельно низком уровне. Достаточно сказать, что 90% населения Ливии было неграмотно, а свыше 10% жителей составляли слепцы.

Ко всему прочему новое государство было искусственным образованием, составленным из почти не связанных между собой областей. Сепаратистские движения угрожали разорвать его на части, вражда существовала на всех уровнях: между кланами, племенами, вождями и т.д. Идриса в любой момент могли сбросить. Понимая это, он 29 июля 1953 г. заключил договор "о дружбе и союзе" с Англией, своим давним союзником и патроном. По этому договору Англия получила право содержать в Ливии военные базы и войска (которые при случае могли помочь Идрису), строить неф-

тепловоды, производить инженерные, топографические и другие работы. Взамен Англия обязалась ежегодно выплачивать Ливии 3 570 000 фунтов стерлингов. Этой суммы было достаточно, чтобы Идрис, его родственники и приближенные могли неплохо жить.

Английские военные базы находились в Бенгази, Триполи и Аль-Адеме, причем последний пункт был важнейшей транзитной базой на случай переброски английских войск из Европы на Дальний Восток, к Персидскому заливу и в Африку. К 1970 г., когда Каддафи ликвидировал эти базы, они оставались единственными английскими базами на всей территории Северной Африки.

Аппетит приходит, как известно, во время еды. С годами 3,5 млн. фунтов, которые Идрис ежегодно получал от Англии, стало ему недостаточно. В сентябре 1954 г. он заключил с США соглашение о статусе американской военно-воздушной базы Уилус-Филд, созданной с согласия англичан еще в ходе Второй мировой войны. Договор был заключен сроком на 17 лет. В качестве арендной платы американцы обязались первые шесть лет платить по 4 млн. долларов в год, затем — по 1 млн. Уилус-Филд была крупнейшей американской военно-воздушной базой в Африке. Ее гарнизон насчитывал около 12 000 военнослужащих, база была оснащена установками для запуска стратегических ракет.

В 1958 г., когда с момента подписания договора истекли "льготные" четыре года, ливийское правительство потребовало пересмотра условий соглашения. Иначе говоря, требовалось повышение mzды. Переговоры шли долго и завершились подписанием в 1960 г. нового соглашения, по которому американцы должны были платить уже по 10 млн. долларов в год. Неплохо? Но Ливии хронически не хватало продуктов. Возиться с их закупками Идрису было лень. Поэтому он выторговал еще одно условие: американцы обязались ежегодно поставлять 62 000 тонн пшеницы — "в качестве помощи".

В 1955 г. в Ливии были обнаружены — иностранными компаниями, конечно, — богатейшие месторождения нефти. Огромные доходы от ее добычи (Ливия получала половину прибыли) еще больше укрепили экономическое положение Идриса, его семьи, приближенных, руководителей ордена сенуситов. Рядовой человек не ощутил даже запаха этих денег. К тому моменту, когда Муамар Каддафи захватил власть, ежегодный доход ливийцев по-прежнему равнялся 30 долларам в год. Может быть, одной из главных причин бунта военных и было желание "перераспределить" доходы.

Думается, однако, что основную роль сыграл психологический фактор. Молодые офицеры, настроенные проарабски, были весьма недовольны внешней политикой Идриса. С одной стороны, он как будто тяготел к арабскому миру: на словах громил Запад, укреплял связи с мусульманским миром. С другой — избегал ссор с американцами: уж очень хорошо и спокойно было жить на американские деньги. Офицерам же терять было нечего. А время было особое: арабская гордость, ущемленная победой Израиля в Шести-дневной войне 1967 г., требовала реванша.

II.

Первые же шаги новых властей показали, на какой путь намерена стать Ливия под руководством Каддафи. В год своего прихода к власти Каддафи заставил Англию (в марте 1970 г.) и США (в июне 1970 г.) эвакуировать военные базы.

Осенью 1970 года умер Гамаль Абдель Насер — признанный вождь панарабского движения. Каддафи считал себя наследником Насера. Хафеза Асада, почти тогда же (осенью 1970 г.) пришедшего к власти в Сирии, Каддафи предпочел не принимать в расчет.

И по сей день Каддафи считает себя наследником Насера. Дело тут не только в имени, важны и принципы насеровской идеологии. Правитель Ливии видит себя вождем

всех арабов и даже всех мусульман¹. Отсюда его неудержимое стремление ко всякого рода объединениям и федерациям с арабскими странами. Цель очевидна: слить весь арабский мир в единое государственное образование. За время своего правления Каддафи успел объединить Ливию едва ли не со всеми арабскими странами — с кем на год, с кем на месяц...

Как и Насер, Каддафи понимает, что объединение арабского мира и любые позитивные, с его точки зрения, перемены невозможны, пока в арабских странах существуют режимы, опирающиеся на традиционную — назовем ее условно "феодальной" — структуру арабского общества. Поэтому он не жалеет усилий для свержения монархических режимов в Саудовской Аравии, в Марокко, в Иордании, в богатых нефтью княжествах Персидского залива. Лозунг Каддафи: перестройка арабского общества на основах "арабского социализма". Официальный смысл этой программы в том, чтобы вырвать власть у традиционной племенной верхушки и городской олигархии и передать ее в руки "широких народных масс", которые якобы стремятся к общеарабскому единству, социальному прогрессу и т.п.

Этот революционный пыл особенно активизировался с марта 1977 г., когда Каддафи вдруг объявил о полной перестройке системы правления в Ливии. 3 марта 1977 г. он переименовал свое государство из Ливийской Арабской Республики в Социалистическую Народную Ливийскую Арабскую Джамахирию², а себя назначил генеральным секретарем Всеобщего народного конгресса Ливии, уйдя со всех постов, кроме одного — верховного главнокомандующего вооруженными силами.

До сих пор не вполне ясно, какое содержание Каддафи вкладывает в собственные лозунги. Не исключено, что сам он отчасти верит словам, взятым из лексикона прогрессивно-социалистической идеологии как западного, так и восточного миров (специалисты говорят, что Каддафи многое почерпнул из бессмертного учения Мао Цзе-дуна). Однако не менее вероятно, что специфическая фразеология, близкая и понятная западному либералу, используется им как оружие в борьбе с Западом. А борьба с Западом занимает очень важное место во всей политике Каддафи. Тут он является и последовательным учеником Насера, и естественным союзником СССР.

Сотрудничество Муамара Каддафи с советским руководством заслуживает отдельного разговора. Здесь лишь отметим, что, хотя отношения Ливии и СССР отнюдь не всегда безоблачны, политика Каддафи приносит Советскому Союзу ощутимые выгоды. Поддерживая "антиимпериалистические" движения, раздувая партизанские войны и субсидируя террористов едва ли не по всему земному шару (кроме стран коммунистического блока, разумеется), Каддафи вносит свою лепту в ослабление Западного мира.

Заманчиво было бы сказать, что 1 сентября 1969 г., в тридцатую годовщину гитлеровского нападения на Польшу, Каддафи напал на собственную страну, установив там тоталитарный, террористический режим, железной рукой подавляя сопротивление³. Но так ли это? А что, если он в самом деле выражает "волю народа" в той мере, в какой вообще позволительно подобное определение в политике?

Тот факт, что Каддафи провозгласил "выполнение воли народа" главным пунктом своей программы, ничего, естественно, не доказывает. Мы помним, что только об испол-

¹ Поэтому естественным элементом его политики стала военная помощь, которую Ливия оказывает, например, мусульманским повстанцам на Филиппинах.

² Слово "Джамахирия", которое иногда переводят как "республика", означает нечто иное. Это не просто "власть народа", это скорее "стихийная власть толпы". Арабское слово "джама" означает "слитая в единое целое толпа людей".

³ Такова, кстати, позиция довольно многочисленных эмигрантов из Ливии. В попытке получить поддержку Запада, они говорят с ним на понятном ему языке: тоталитарный режим — сопротивление (подразумевается, народное) — оппозиция (подразумевается, анти тоталитарная, демократическая, прозападная). Борьба добра со злом.

нении "воли народа" денно и ночью пеклись И.Сталин, А.Гитлер, Пол Пот, исключительно "волей народа" продиктованы действия любого диктатора.

Парадокс, однако, состоит в том, что Каддафи, на наш взгляд, действительно отчасти выражает волю ливийских масс (доказательство того, что в определенных исторических ситуациях "воля народа" является реальным фактом, выходит за рамки данной статьи). В пользу этого говорят следующие соображения.

1. Политика Каддафи нередко представляет собой импульсивную, глубоко эмоциональную реакцию на те или иные внешние события. Как правило, именно такой характер реакции вызывает воодушевление масс, которое выливается в бурные демонстрации в поддержку Каддафи и его политики, в публичное сжигание чучел, символизирующих "американский империализм" и "израильских агрессоров".

Конечно, мы знаем, каким образом организуются "демонстрации трудящихся" в странах с тоталитарным режимом. Более того, есть документальные свидетельства того, что и в Ливии "народные манифестации" не обходятся без участия соответствующих органов. Столь же несомненно, однако, что в этих демонстрациях ощутимы и элементы, причем очень заметные, истинного чувства. Того же чувства, что было у участников многотысячных демонстраций в Иране накануне свержения шаха и учреждения исламской республики во главе с Хомейни.

Эмоциональная реакция на события вообще отличает психологию мусульманских народов, и особенно арабов, создателей ислама, от реакций менее импульсивного, более склонного к анализу европейца. Можно, разумеется, сказать, что Каддафи умело использует эмоциональную возбудимость своих соплеменников. Но можно сказать и по-другому: Каддафи отражает и выражает волю масс.

2. Тотальное неприятие всего неарабского, немусульманского и уж тем более "западного" — всего, что ассоциируется в глазах ливийцев со вчерашним колонизатором. Характерно, что решение Каддафи ликвидировать английские и американские военно-воздушные базы на территории Ливии было встречено населением восторженно. Не менее восторженно воспринимаются все его антиамериканские, антианглийские и вообще антизападные действия уже на протяжении 17 лет правления.

3. Для этнографов и историков давно не секрет, что из трех миллионов ливийцев едва ли 100 тысяч можно отнести к собственно арабам. Большинство населения этой страны — арабизированные берберы и потомки негров-рабов в различных степенях смешения между собой и с арабскими поселенцами. Сам Каддафи тоже не претендует на происхождение от пророка Мухаммеда. Широко распространена даже версия, согласно которой отец лидера ливийской революции, вождь одного из берберских племен, взял в жены еврейскую девушку, которую бедуины похитили и продали в рабство. От этого брака будто бы и родился Муамар Каддафи. Сам Каддафи эту версию, конечно, отрицает: не берберское происхождение (оно очевидно), а то, что его матерью была еврейка.

Неарабское происхождение не мешает (а может быть, и способствует) тому, что жители Ливии проникнуты духом арабского величия, арабского единства и проч. Это, понятно, не помешает им, если понадобится, горячо отозваться на призыв Каддафи и начать войну со своими "арабскими братьями" в Египте или Алжире. Философия арабского единства отнюдь не исключает кровавых схваток между братскими народами. Однако, когда Каддафи в усыпанном орденами роскошном белом мундире произносит с трибуны пламенную речь, призывая своих сограждан положить жизнь на алтарь арабского единства, раздавив гидру американо-израильского империализма, толпа и в самом деле готова на все во имя великой цели.

4. Существует бытовой аспект энтузиазма масс: повышение жизненного уровня ливийцев за счет доходов от продажи нефти. Конечно, и тут можно утверждать, что Каддафи использует этот фактор для "подкупа" народа, но нет никаких признаков того, что ливийцы противятся росту своего жизненного уровня. Каддафи не просто говорит о

повышении этого уровня (об этом говорит любой диктатор, даже Пол Пот, который сознательно уничтожал экономику Камбоджи), ему действительно удалось повысить уровень жизни рядового ливийца.

Правда, Ливия и сейчас остается экономически неразвитой страной, все хозяйство которой строится на доходах от нефти. Даже отсутствие собственных специалистов тут не имеет значения: в организации нефтедобычи ливийцам активно помогают и высоко развитые страны Запада, и Советский Союз.

III.

В последнее время, в связи со снижением цен на нефть, денежные дела Каддафи заметно ухудшились. Есть сведения, что дыры в ливийском бюджете он латает, приторгивывая наркотиками и оружием.

Чем объяснить такое несоответствие? Почему энергия ливийского руководства и немалые деньги направляются не на развитие экономики собственной страны, а на поддержку прогрессивно-террористической деятельности по всему миру?

Как мы уже говорили, Каддафи и его режим нельзя рассматривать вне общеарабского контекста. Так же, как Ливия составляет неотъемлемую (хотя и далеко не самую важную) часть арабского мира, так и Каддафи с его "джамахирией" есть плоть от плоти арабской политики с ее своеобразным восприятием мира. Постороннему наблюдателю нелегко понять глубинную игру сил в недрах "загадочной арабской души", которая выплескивается, например, в "военный" демарш Каддафи против Египта, когда последний подписал "мирный договор" с Израилем. Каддафи тогда организовал пеший поход к египетской границе нескольких десятков тысяч ливийцев, которые, горя воодушевлением, шагали под палящим солнцем и дружно выкрикивали лозунги: "Долой Садата, марионетку сионистского империализма!" и "Смерть Америке, врагу человечества!"

Что имел в виду Каддафи? Рассчитывал, что сто или двести тысяч безоружных ливийских граждан захватят Египет? А что он имеет в виду, когда на протяжении многих лет направляет свои войска в соседний Чад, дабы "навести там порядок"? А зачем он приказал своим летчикам атаковать корабли американского Шестого флота?

На Западе подобные действия Каддафи воспринимаются как поступки полусумасшедшего (или полностью сумасшедшего) варвара, который ведет себя сообразно со своей ментальностью. Как реагировать на акты пиратских нападений? Есть две возможности. Либо обуздать пирата, либо постараться не сталкиваться с ним впредь в открытом море, не показываясь в тех районах, где он имеет обыкновение промышлять. Чтобы избрать первый вариант, нужно обладать материальными средствами и решимостью вступить в бой. Для того, чтобы выбрать второй, не нужно ни того, ни другого.

Приходится констатировать, что миролюбивый Запад нередко использует второй вариант. Отлично понимая психологию Запада, Каддафи чувствует себя на мировой арене достаточно уверенно. Вспомним, что он отважился даже на такой рискованный шаг, как прямое нападение на американский Шестой флот, суда и самолеты которого проводили маневры в заливе Сидра, в достаточном отдалении от ливийских берегов. Незадолго до того Каддафи заявил о расширении ливийских территориальных вод (что противоречит международным соглашениям) и в маневрах американского флота усмотрел нарушение суверенитета Ливии. В ходе короткой схватки несколько ливийских самолетов были сбиты. Впрочем, ущерб был нанесен и американцам — один самолет пропал без вести. Разумеется, Каддафи развернул пропагандистскую кампанию по случаю "великой победы ливийской революции над американским империализмом".

Обычно успехи Каддафи еще скромнее. Так, после нескольких лет боев в Чаде его войска потерпели поражение. Вряд ли это образумит вождя. Вторжение в эту страну

Каддафи даже не очень аргументировал, полагая, видимо, что мировое общественное мнение должно и само понимать, что революционная волна не может остановиться у границ Ливийской джамахирии.

Еще одна — очевидно, очень важная для Каддафи сфера деятельности — борьба с ливийскими эмигрантами-оппозиционерами, нашедшими убежище, в основном, в Италии, а также во Франции, Англии, Германии, в арабских странах. Каддафи не ограничивается шантажом, подкупом, распусканием слухов, порочащих этих эмигрантов в глазах общественного мнения. Немало эмигрантов из Ливии погибло за последние годы "при загадочных обстоятельствах". Одного убили неизвестные, когда он выходил из ресторана в Риме, другой упал из окна своей квартиры в Милане, третьего переехала машина на улице Парижа. Противники Каддафи исчезают один за другим. Как правило, убийцы остаются непойманными и о причастности ливийского правителя к этим акциям можно только догадываться.

Правда, иной раз Каддафи позволяет себе говорить "открытым текстом". Некоторое время назад группа ливийских эмигрантов проводила демонстрацию у здания посольства Ливии в Лондоне, требуя положить конец бесчинствам Каддафи. Неожиданно из занавешенных темными шторами окон посольства по демонстрантам был открыт автоматный огонь. Несколько человек было ранено, британская женщина-полицейский погибла. После этого инцидента Каддафи спокойно заявил, что никто из ливийского посольства ни по каким демонстрантам не стрелял, и вообще это все происки британского империализма.

В последние годы Каддафи превратил Ливию в один из важнейших центров международного террора. Сотни невидимых нитей связывают эту страну с самыми разными террористическими организациями — от "Ирландской республиканской армии" до японской "Красной армии". Конечно, с особой заботой пестует Каддафи арабских террористов — палестинских, ливанских, западносахарских. Естественно, что он охотно сотрудничает с любым государством, использующим в своей внешней политике террор и шантаж. Так, в последнее время значительно расширились связи Каддафи с правителем Сирии Хафезом Асадом. Даже когда Асад предпринимает самостоятельные акции, за его спиной часто угадывается тень Каддафи, помогающего коллеге деньгами, связями в террористическом мире, "профессиональными кадрами".

Бывает, однако, что даже терпению многотерпеливого западного мира приходит конец. После того, как в ходе судебного разбирательства было доказано, что взрыв в западноберлинской дискотеке, в которой проводили время американские солдаты, был организован агентами Каддафи, американцы решились на активные действия. Американские бомбардировщики атаковали столицу Ливии Триполи и бомбили, в частности, резиденцию Муамара Каддафи. Ливийские вооруженные силы не оказали ни малейшего сопротивления. Самолеты ливийских ВВС даже не поднялись в воздух — выяснилось, что brave летчики Каддафи умеют летать только при дневном свете, а американцы как на зло атаковали ночью... Сам Каддафи перепугался насмерть и не только не появлялся несколько дней на людях, но даже не подавал голоса по ливийскому радио.

Интересно проследить, какова была реакция других стран Запада на действия США. Лишь Англия показала пример "атлантической солидарности", предоставив свои военно-воздушные базы в распоряжение американских бомбардировщиков. Остальные западные государства выступили с двусмысленными заявлениями, Франция вообще отказалась пропустить над своей территорией американские самолеты, Италия осудила... Конечно же, на защиту несчастного Каддафи встал свободолюбивый Советский Союз, обвинивший Соединенные Штаты в... пиратстве.

Итак, Запад, как правило, продолжает обходить стороной опасного "безумца". В этом, на наш взгляд, и состоит главная победа Муамара Каддафи. Наглый шантажист — кстати, психически вполне уравновешенный — он сознательно запугивает Запад: "Я опасный сумасшедший. Трогать меня не стоит, лучше откупиться". ●

ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

В 60-х годах нашего столетия в сельском хозяйстве произошел бум. Научная селекция растений в сочетании с интенсивным использованием химических удобрений и пестицидов дала невероятные результаты. Урожайность ряда важнейших сельскохозяйственных культур возросла в два раза, а на экспериментальных станциях еще более.

Это породило уверенность, что улучшение может продолжаться вечно. Новоявленные прорицатели рисовали картины полностью механизированного сельского хозяйства 80-х годов с резко возросшими урожаями всех основных культур. Говорили, например, об урожаях кукурузы, которые возрастут в шесть раз. Полагали, что "зеленая революция" послужит фундаментом для построения некоей сельскохозяйственной утопии. Продукты будут вырабатываться в таком количестве, что даже в самых бедных странах все люди будут сытно накормлены. Проблема удовлетворения первейшей из человеческих потребностей будет окончательно и повсеместно решена.

80-е годы, однако, уже наступили, но на обширных территориях люди продолжают голодать. Зеленая революция потерпела неудачу. Что же было тому причиной?

В 60-е годы никто не предвидел энергетического кризиса, который теперь стал реальностью. Нефть тогда была дешевой, запасы ее представлялись неограниченными. С тех пор цена на нефть возросла в несколько раз, более того, существуют опасения, что мировые запасы нефти будут полностью истощены в ближайшие сто лет, а возможно, и раньше. Но практически все сельское хозяйство, создание и использование сельскохозяйственных машин, удобрений, пестицидов и оросительных сооружений, целиком зависит от запасов ископаемого топлива. Поэтому уже сейчас огромному большинству земледельцев приходится отказываться от тех высокоурожайных сортов, которые были выведены в эпоху зеленой революции. Старые дореволюционные сорта, не столь продуктивны, но зато они менее капризны и обеспечивают стабильные урожаи почти не требуя удобрений и орошения почвы. К тому же они более устойчивы к вредителям и возбудителям болезней и позволяют обходиться без пестицидов.

Сельское хозяйство в период зеленой революции стало проникать в новые районы. Влажные тропические леса, пустыни и полузасушливые земли, покрывающие значительную часть суши, казались вполне пригодными для возделывания. Особенно продуктивными представлялись почвы влажных лесов с их пышной растительностью. Тропические леса раскочервали; стоило это очень дорого, но ожидался огромный прирост.

Однако выгоду из этих земель можно было извлекать лишь в течение очень короткого времени. Почвы тропических лесов нестабильны и бедны, кроме того, после вырубки леса питательные вещества быстро вымывались дождем и почва подвергалась эрозии или превращалась в твердую массу, на которой ничего не может расти.

Попытки возделывать засушливые и полузасушливые земли также принесли разочарование. Запасы подземных вод, которые поят дикие растения этих областей, недостаточны для интенсивно растущих сельскохозяйственных культур. Кроме того, в результате истребления местной растительности ветер сдувает плодородный верхний слой почвы, а обнажение подпочвы вызывает пыльные бури.

Культурные растения быстрее растут, интенсивность обмена веществ у них выше, чем у дикорастущих, и поэтому даже на обычной, не сухой почве они требуют больше воды. Значительная часть земель не содержит воду в количестве, достаточном для выращивания культурных растений; водный дефицит снижает урожай. В 60-е годы казалось, что эту проблему легко разрешить орошением. Однако орошение таит в себе опасность засоления почв. Дело в том, что в дождевой воде практически не содержится солей, в воде же, используемой для орошения, как бы пресна она ни была, всегда есть соли. Эти соли из года в год накапливаются в почве, и поэтому в орошаемых районах мира почва становится все более соленой. Соль повреждает растения, урожай падает, а избавиться от соли практически невозможно.

Итак, надеждам 60-х годов, что "и на Марсе будут яблони цвести", не суждено было сбыться. Очевидно, почти все земли, пригодные для земледелия, в настоящее время уже используются.

В 60-е годы полагали также, что, внося в почву минеральные удобрения, можно повышать урожаи почти до бесконечности. Но вскоре обнаружилось, что начиная с определенного этапа усиление роста растений, вызываемое увеличением дозы удобрения, замедляется. Внесение удобрений перестает давать ожидаемый эффект. К тому же сами удобрения дорожают, да и запасы их исчерпываются.

Применение минеральных удобрений влечет за собой еще одно нежелательное последствие: часть внесенного в почву удобрения неизбежно смывается в реки и озера. Это вызывает эвтрофикацию — зарастание природных вод водорослями и другой растительностью. Поэтому сейчас ученые заняты изысканиями новых удобрений с ограниченной растворимостью, которые будут дольше храниться в почве и не вымываться из нее дождями.

В 50—60-е годы ученые описали много биологически активных веществ — растительных гормонов. Гормоны усиливали рост растений, ускоряли цветение и созревание плодов, способствовали увеличению содержания питательных веществ в растениях, особенно в их плодах.

Применение гормонов в сельском хозяйстве сулило невиданное повышение урожайности культур: предполагалось, что скоро мы сможем выращивать пятиметровую кукурузу, яблоки величиной с футбольный мяч, картофель, клубни которого при продаже будут не засыпать в пакеты, а рубить на куски. Этим надеждам также не суждено было сбыться. Во-первых, гормоны обычно не усиливают фотосинтеза, а это необходимое условие повышения урожайности. Во-вторых, растения сами разрушают гормоны, избавляясь таким образом от их избыточного количества.

Огромные надежды возлагали на гидропонику — выращивание растений в питательном растворе, имитирующем почву. Этот и сходные с ним методы, основанные на использовании искусственных почв, оказались эффективными в лабораториях и особенно в питомниках, однако использовать их в коммерческих масштабах трудно и нерентабельно.

Природные биологические сообщества или биоценозы (например: луг, озеро, роща) всегда состоят из многих видов растений и животных; созданные человеком искусственные биоценозы состоят из одновидовых садовых или полевых культур — монокультур. Дикорастущие растения вооружены различными защитными механизмами для борьбы с вредителями, у культурных растений эти механизмы обычно отсутствуют. Причина этого в том, что, во-первых, селекция растений преследует другие цели — человек заинтересован прежде всего в повышении урожайности, борьбу с вредителями он может взять на себя; во-вторых, в природе защита от насекомых и других животных-вредителей часто обеспечивается горьким вкусом плодов; само собою разумеется, что человека такое средство защиты не устраивает.

В естественном биоценозе между жертвой и хищником, в частности, между растениями и их вредителями, устанавливается равновесие. Кроме того, растительные сообщества обычно отстоят друг от друга далеко, поэтому переход насекомых и иных вредителей от одного сообщества к другому затруднен. Помимо этого, у каждого растительного сообщества имеются и свои хищники, ограничивающие его численность. Все это коренным образом меняется на возделываемых землях, где обширные площади заняты монокультурой. Здесь насекомое-вредитель получает в свое распоряжение практически неисчерпаемый запас пищи и возможность распространяться на большие площади. Птицы, насекомые-хищники и другие животные, ограничивающие численность паразитов растений, на возделываемых полях также обычно не живут.

Отсюда понятно, что без применения пестицидов — химических веществ, убивающих насекомых или ограничивающих их распространение, современное растениеводство просто невозможно. В 60-е годы многие ученые предполагали, что вскоре будут найдены такие пестициды, которые начисто уничтожат всех вредителей сельского хозяйства. Однако применение пестицидов встретилось с рядом трудноразрешимых проблем. Во-первых, наряду с вредными насекомыми пестициды, как правило, губят и полезных — опылителей и хищников. Далее, у вредителей достаточно быстро, уже через несколько

поколений, появляются устойчивые к пестициду расы. Наконец, пестициды загрязняют окружающую среду и могут быть опасны для сельскохозяйственных животных и даже человека. Все это, конечно, снижает возможности их использования с целью сохранения урожая.

Надежды на использование в сельском хозяйстве гербицидов — химических веществ, избирательно уничтожающих сорняки и не повреждающих культурные растения, также не оправдались. Причины этого почти те же, что и в случае с пестицидами, применяемыми в борьбе с животными-вредителями: действие гербицидов часто недостаточно избирательно — они повреждают полезные растения; сорняки приспосабливаются к ним; гербициды часто загрязняют окружающую среду и даже могут быть опасны для зверей и птиц. Например, во время войны во Вьетнаме США применяли гербицид 2,4,5-Т для уничтожения растительности в лесах и мангровых болотах. Потом оказалось, что препарат этот вызывает в лаборатории врожденные уродства у мышей и крыс. В результате Управление по охране окружающей среды США запретило его применение.

Побочное влияние инсектицидов и гербицидов на окружающую флору и фауну незначительно, отрицательного влияния этих веществ на здоровье человека вообще не было установлено. Во всяком случае побочные нежелательные эффекты применения химических препаратов в сельском хозяйстве ничтожны по сравнению с теми выгодами, которые они принесли. Тем не менее даже малейшие зарегистрированные, а чаще предполагаемые побочные воздействия на окружающую среду дали повод экологистам всех мастей поднять такой крик по поводу загрязнения среды, что от ряда дешевых и эффективных пестицидов пришлось отказаться. Это также стало одной из причин неудачи зеленой революции.

Совсем неожиданными были социальные последствия зеленой революции. Введение новых сортов, требующих применения новейшей сельскохозяйственной техники, давало крупным хозяйствам (агробизнесу) преимущество над мелкими семейными фермами. Это часто приводило к нежелательным социальным последствиям.

Сейчас все "легкие" способы повышения урожаев — выведение высокоурожайных гибридных сортов, усиленное применение удобрений, искусственное орошение и пестициды — уже, очевидно, использованы. Поэтому даже в наиболее промышленно развитых странах урожаи сельскохозяйственных культур возрастают далеко не с той быстротой, как 20—30 лет назад.

Поэтому неудачи зеленой революции заставляют искать новые, не использованные до сих пор источники пищи для человека. Однако пока таких источников не найдено, необходимость производства достаточного количества пищи для населения Земли, достигающего уже сейчас 4,7 млрд. и растущего со скоростью 1,8% в год, требует интенсификации сельского хозяйства.

Я уже отметил, что большая часть диких земель, пригодных для растениеводства, уже использована. Однако лишь незначительная часть самих диких растений "приручена" человеком. Судите сами: из примерно четверти миллиона растущих на земле высших растений лишь несколько сотен видов имеют экономическое значение, а число основных сельскохозяйственных культур не превышает нескольких десятков. Тем не менее многие дикорастущие растения могут, в принципе, быть использованы в сельском хозяйстве и давать хорошие урожаи. В особенности рентабельно было бы разведение тропических и субтропических растений. До сих пор растениеводство развивалось почти исключительно в умеренных широтах, поэтому обитатели тропиков не привлекали внимания селекционеров. Из поля их зрения выпали такие замечательные представители тропической флоры как гваюла — кустарник, родственник одуванчику, произрастающий в Мексике, прекрасный каучуконос; австралийский злак ехинохлоа, дающий вкусное и питательное зерно; засухоустойчивый мексиканский кустарник хохоба — источник масла, заменяющего китовый жир (это растение сейчас может быть особо ценно, так как мировое поголовье китов в результате промысла резко сократилось); спаржевый горох, семена которого по своим питательным качествам сходны с соей, а клубни подобны картофелю по вкусу, но много питательнее.

Самых больших успехов ожидают теоретики сельского хозяйства от применения новых методов селекции, в частности, от геной инженерии. Как известно, возможности гибридизации растений ограничены. Можно с успехом скрещивать различные сорта од-

ного и того же вида, но скрещивание различных видов хороших результатов, как правило, не дает: либо срывает барьер межвидовой и скрещивания вообще не происходит, либо гибрид оказывается стерильным, то есть не дает прорастающих семян.

Генная инженерия — перенос вещества наследственности непосредственно из клетки одного растения в клетку другого позволяет обойти межвидовой барьер. В романе Владимира Войновича "Удивительные приключения солдата Ивана Чонкина" доморощенный селекционер пытается скрестить картофель с томатом. Эти два растения относятся к одному семейству, но к разным видам, поэтому скрестить их до недавнего времени казалось невозможным. Несколько лет назад методами современной селекции удалось преодолеть межвидовой барьер — гибрид между картофелем и томатом получен.

Продуктивность большинства сельскохозяйственных культур, по всей вероятности, достигла "потолка". Добиться дальнейшего повышения их урожайности очень трудно. Однако при помощи селекции можно еще много сделать, улучшая качество культур. Например, селекция в направлении увеличения количества питательных веществ в зерне может дать не меньшие практические результаты, чем увеличение общего производства зерна с гектара.

Культурные растения используют солнечный свет гораздо интенсивнее, чем дикорастущие. Однако в умеренных зонах весенние холода ограничивают ранневесенний посев культур. В связи с этим к середине лета, когда солнца много, растение не успевает сформировать густую листву и солнечный свет используется плохо; только ближе к осени площадь листовой поверхности становится оптимальной. Поэтому идеальная культура — та, которую можно высевать рано и которая быстро развивает листовую поверхность. Выведение холодостойких сортов для ранневесеннего посева, которое ведется сейчас селекционерами, позволяет надеяться на увеличение урожая. Такие растения поглощают больше солнечного света, а следовательно, отложат в своих листьях, плодах, клубнях больше питательных веществ.

Известно, что растения могут приспосабливаться к засолению почв. Например, некоторые дикорастущие виды томатов произрастают в приморских районах, куда доходят соленые брызги океана и где почва буквально насыщена солью. С помощью селекции оказалось возможным обойти опасность засоления почв, неизбежного при искусственном орошении. Например, линия ячменя, выведенная Эммануэлем Эльштейном из Калифорнийского университета дает урожай в условиях такой засоленности, при которой обычный ячмень гибнет. Сейчас ученые-селекционеры интенсивно разрабатывают новые солеустойчивые сорта сельскохозяйственных растений.

Новые перспективы открылись и в использовании пестицидов. Ученые однажды совершенно случайно заметили, что личинки растительного клопа не превращаются во взрослую форму, если выращивать их на бумажных салфетках из любой бумаги, изготовленной в США. Оказалось, что в хвойных деревьях, древесина которых используется в США для производства бумаги, содержится вещество, дающее такой эффект. Сейчас ученые открыли и синтезировали многие химические вещества, влияющие на развитие насекомых. Они не только высокоэффективны в борьбе с вредителями, но и совершенно безвредны для человека. Кроме того, устойчивости к такого рода соединениям у насекомых не вырабатывается, что очень важно.

Другие открытия недавно соединения вызывают у насекомых спячку и таким образом позволяют обезвреживать их. Очень интересный новый метод борьбы с вредителями состоит в том, что при помощи химических соединений, имитирующих запах самки, самцы насекомых заманиваются в ловушку и уничтожаются. Все эти методы высокоэффективны, специфичны, безопасны для внешней среды и человека. Им, очевидно, принадлежит будущее.

Применение биологических методов открывает также новые перспективы для борьбы с сорняками. Сорняки можно заразить грибом-паразитом или вирусом, безопасным для возделываемой культуры. Однако даже выращивание сортов с ценными генетическими признаками, наряду с применением обильных удобрений и защитой от вредителей, не гарантирует от потерь. Например, богатый урожай пшеницы перед самой уборкой может быть уничтожен ураганом или сильным градом. Защитить растения от таких стихийных бедствий могут помочь вещества, изменяющие характер роста. Под воздействием их растения получают более низкорослые и крепкие.

С одной стороны, стоимость минеральных удобрений, как и нефти, непрерывно растет, и недостаток их часто становится причиной низких урожаев. С другой стороны, перед многими густо населенными центрами Земли сейчас стоит трудноразрешимая и требующая больших затрат проблема: как избавиться от огромного количества отходов, создаваемых человеком. Но ведь человеческие отходы — превосходное удобрение. До сих пор от их использования в сельском хозяйстве отказывались по чисто эстетическим соображениям. Однако теперь, в связи с дефицитом минеральных удобрений, мы скорее всего вынуждены будем прибегнуть к способу, применявшемуся на Востоке на протяжении тысячелетий: вносить сброженные нечистоты обратно в землю в качестве удобрения. Можно использовать отходы и иными способами. Например, сточные воды спускают в отстойные пруды. Пруды заселяют водорослями, которые, размножаясь в нечистотах, дают огромные количества зеленой массы. Водоросли эти богаты белком, их можно не только запахивать в почву как органическое удобрение и употреблять на корм скоту, но и использовать в пищу человеку, добавляя их в хлеб, консервы, салаты.

Уже многие тысячелетия человек использует древесину как топливо. В наши дни, в связи с подорожанием ископаемого топлива, интерес к дереву как к источнику энергии вновь растет, и не исключено, что именно растения помогут человечеству выйти из энергетического кризиса. До сих пор древесину просто сжигали, но есть и другие, более остроумные способы превращения растений в источник энергии. Например, практически любой растительный материал — древесину, сено, стебли кукурузы, излишки зерна, водоросли и даже нечистоты можно сбраживать при помощи дрожжей. При этом образуется спирт, который можно смешивать с бензином в соотношении 1 : 9 или даже 1 : 4 и этой смесью заправлять двигатели внутреннего сгорания. Таким образом можно существенно компенсировать нехватку нефти. В качестве побочного продукта брожения получается богатая белком дрожжевая масса, которую можно использовать на корм скоту.

Итак, традиционные методы повышения урожайности, на которые так рассчитывали теоретики зеленой революции, не оправдались. Две трети человечества по-прежнему голодает. Теперь мы делаем ставку на новые способы повышения урожайности, перечисленные выше. Но даже в том случае, если они окажутся намного эффективнее традиционных, сможем ли мы в конце концов накормить всех голодающих на земле? Чтобы ответить на этот вопрос, следует сначала понять, почему одна страна производит сельскохозяйственные продукты в избытке и экспортирует их, а другой приходится их импортировать, чтобы прокормить свое собственное население. Оказывается, основная причина здесь — не качество почвы и не природные условия. Не менее важно эффективное ведение сельского хозяйства, развитие экономики страны, а также достаточно низкая скорость роста населения.

Ведущие специалисты по физиологии растений и вопросам продуктивности сельскохозяйственных культур — А.Гэлстон, П.Дэвис и Р.Сэттер отмечают, что наибольшие трудности в производстве и потреблении пищевых продуктов "часто возникают при таких экономических и политических системах, которые неэффективны, несправедливы, репрессивны или неустойчивы". "Таким образом, — продолжают они, — хотя политику и экономику обычно не принято считать частью биологии растений, они, несомненно, оказывают влияние на сельское хозяйство, а тем самым и на характер производства и потребления пищи". Одних только усовершенствований сельскохозяйственной технологии, применения удобрений и изысканий новых методов эффективной борьбы с вредителями культурных растений явно недостаточно для обеспечения пищевыми продуктами населения Земли. Решение одной из труднейших проблем современности — проблемы повышения продуктивности сельского хозяйства и непосредственно с ней связанной проблемы обеспечения населения Земли пищей выходит далеко за пределы сельскохозяйственной науки. Оставляя в стороне всякие политические декларации и взяв за основу только научные факты, мы можем с полной определенностью сказать: до тех пор, пока на больших территориях Земли существуют диктаторские режимы, до тех пор, пока не будет окончательно изжита не оправдавшая себя система социалистического ведения сельского хозяйства, прирост производства пищевых продуктов будет отставать от прироста населения Земли. Это значит, что значительная часть населения планеты будет голодать. ●

Григорий БУЯНОВСКИЙ (Миссури, США)

БРЕМЯ ИЗОБИЛИЯ

Заметки об американском сельском хозяйстве

В России мы привыкли считать витрины гастрономов зеркалом сельского хозяйства. Очередной неурожаем оборачивался коротким "мясным изобилием", зато за молоком надо было потом выстаивать часами. Да и урожайные годы особым достатком не отличались.

За то время, что мы живем в Соединенных Штатах, здесь многое случилось: засухи и наводнения, внезапные заморозки и нашествия насекомых. Горожане относились ко всему спокойно, очереди в супермаркетах не возникали. Но вот пресса... Впечатление было такое, что сельская Америка гибнет. Фермы идут с молотка за долги. Крестьянские дети не желают продолжать дело отцов и дедов. Все меньше становится прихожан в сельских приходах. А чего мы не насмотрелись по телевидению: затопленные поля, скотина, отправляемая на убой из-за отсутствия кормов или воды, апельсины, покрытые льдом во Флориде или побитые страшной средиземноморской мушкой в Калифорнии...

Первые годы моя не привыкшая к изобилию жена пыталась делать какие-никакие запасы. Но скоро бросила. Мясо продолжало лежать в прилавках-холодильниках, не говоря уже об индейках и цыплятах-бройлерах. И если в одном "супере" цена на кур была возмутительной (скажем, 1–2 доллара за килограмм), то в другом их продавали за доллар или даже дешевле.

Я не хочу сказать, что стихийные бедствия никак не отражаются на ценах. Говорят, что после заморозков во Флориде цены на апельсиновый сок упали — подмерзшие плоды пустили в дело. Стали намного дороже апельсины какого-то очень знаменитого флоридского сорта, но никто не мешал вам покупать апельсины калифорнийские или бразильские. Что же касается таких продуктов сельского хозяйства, как пшеница, кукуруза, соевые бобы, то ими полны элеваторы, и после каждого урожая снова возникает проблема, куда их ссыпать.

Прошло какое-то время, прежде чем я стал понимать, что тут к чему. Сельское хозяйство отлично справляется со своим делом, и проблема обеспечения едой 250-миллионного населения Соединенных Штатов журналистов не волнует. Речь идет об исчезновении того образа жизни, к которому привыкла добрая половина американцев старше 50 лет, о превращении Америки пасторальной в Америку агропромышленную.

Американский фермер — фигура чрезвычайно любопытная. Надо очень любить свою землю и свой труд, чтобы крестьянствовать в Штатах. В сравнении с промышленным рабочим средний фермер работает много больше, а зарабатывает примерно вдвое меньше. Он должен владеть множеством навыков и умений, не только технических. Он должен следить за рынком и за погодой. Он вечно в долгах. И тем не менее ухаживать с земли он не хочет. Хотя с его сноровкой найти работу в городе можно.

Реальность, однако, часто оказывается сильнее, и понемногу сельская Америка пустеет. В 1920 году каждый третий американец жил на ферме. Сейчас — каждый тридцатый... Хиреют маленькие городки, о которых столько читано у Фолкнера, Стейнбека и даже у Бредбери. Демократы клянут республиканцев за то, что те своей политикой довели до суммы чуть ли не каждого второго фермера. Республиканцы злорадно припоминают вето президента-демократа Картера на продажу пшеницы Советскому Союзу, которое подорвало доверие покупателя (!) и тем самым — положение американского зерна на международном рынке.

1. На пустом месте

Чтобы понять, что происходит сейчас с американским сельским хозяйством, надо ненадолго заглянуть в историю, благо у этой страны она короткая.

В отличие от Европы, где сельское хозяйство прошло долгий и нелегкий, хотя, по-видимому, естественный путь развития, в США оно родилось буквально на пустом месте. Колонисты пришли осваивать новые земли. Их не надо было учить хозяйствовать — это они умели. Но их следовало защитить от любителей легкой наживы, не допустить концентрации земель в немногих руках.

Надо сказать, что в конце XIX века, когда европейские экономисты вполне четко осознали преимущества крупного сельскохозяйственного производства, в Америке еще продолжалось изначальное распределение земель. Любой желающий мог получить участок либо вообще даром, либо по цене 2–3 доллара за гектар. Конечно, тогдашний доллар сильно отличался от нынешнего. И тем не менее земля была доступна. При том, однако, условии, что покупатель обязуется возделывать и улучшать свой участок по крайней мере в течение пяти лет. А чтобы помешать созданию крупных хозяйств, был установлен предельный размер участка: в разных штатах он колебался от 20 до 60 гектаров. Хотя 60 гектаров и приличный кусок земли, латифундию на нем не создашь.

Томаса Джефферсона, который был если не автором, то уж наверняка вдохновителем земельного законодательства, трудно назвать социалистом. Тем не менее он был решительно против крупного, индустриального сельскохозяйственного производства. Сельское хозяйство должно быть не источником богатства, а хранителем человеческих ценностей, его роль больше в области социологии, нежели экономики, писал он. Обладание своим собственным куском земли приучает человека к самостоятельности. Как ни зависит он от погоды, от рынка и прочих неподвластных ему факторов, сиюминутные решения принадлежат ему. Архитекторы американской земельной политики твердо верили, что мелкое фермерское хозяйство есть основа независимости и демократии. Судя по тому, как развивалось американское государство, они были правы, хотя, увы, исчезновения мелкого фермера предупредить им не удалось. Однако к тому времени демократические традиции в американском обществе были уже настолько сильны, что уничтожить их было трудно.

Мелкое крестьянское хозяйство имело еще одно преимущество: эта экономическая структура была открыта как для конкуренции, так и для воздействия рыночных сил. Именно о такой системе для всей экономики мечтали экономисты начиная с Адама Смита. В промышленности система свободной конкуренции очень рано начала страдать от серьезных заболеваний: монополизации и концентрации. Развитие средств производства вынуждало к концентрации промышленности. Один тяжелый пресс не только справлялся с заказами, которые поддерживали существование доброго десятка кузнечных мастерских, но и делал вещи лучшего качества и дешевле. Чем более громоздкими были промышленные машины, чем дороже они стоили, тем дешевле был производимый ими товар. А когда компания владеет каким-то количеством современных машин и может удовлетворять рынок хотя бы частично, тогда искушение стать монополистом велико. В принципе эта схема приложима и к сельскому хозяйству.

Но именно этого и не хотели отцы-основатели. Если в первых законах о продаже земли устанавливался минимальный размер участка, то уже в 40-х годах прошлого века закон предусматривал максимальный размер надела: он был ограничен 60 гектарами. Земля должна была делиться между наследниками поровну; право первородства, придуманное, чтобы избежать дробления земельных участков, было отменено. Существовали, конечно, и огромные поместья, особенно на юге страны, была и земельная аристократия, но не они делали погоду. Подавляющее большинство земель было распределено по вполне социалистическому принципу: землю — тому, кто на ней работает.

Мелкие "семейные" фермы успешно кормили Соединенные Штаты вплоть до Первой мировой войны. Вернее сказать, значительная часть граждан, занимаясь фермерством, кормила себя и остальное население. Рядовому американцу обходилась эта кормежка недешево. Затраты на пищу составляли от трети до половины общих потребительских расходов.

С тех пор многое изменилось. В семидесятые годы затраты на пищевые продукты упали до 16% общих расходов. Доля фермерского продукта в этих затратах составляет менее половины, ныне сельское хозяйство получает за свою работу лишь 6% общего дохода американцев. Остальное забирают перерабатывающие предприятия. Что же касается валового национального продукта, то фермеры добавляют к нему сейчас всего-навсего один процент.

2. Давид и Голиаф

Дело, однако, обстоит не так просто. В производстве хлеба насущного центр тяжести за это время сместился. В прошлом веке основной труд затрачивался на то, чтобы вырастить первичный продукт — зерно, мясо. Сейчас, когда один человек спокойно управляется с полем в сотню гектаров или со стадом в сотни голов, центр тяжести переместился на переработку, в пищевую промышленность. А если считать эту промышленность непосредственным продолжением сельского хозяйства (чем она и является на самом деле), то расчет будет иной. Оказывается, эта отрасль экономики производит одну пятую всего национального продукта страны. В ней занято 23 миллиона человек. Она производит восемь тысяч наименований пищевых продуктов. Пищевая промышленность — одна из немногих отраслей американского экспорта, имеющих устойчивый баланс.

Все это, конечно, плохо вяжется с той драматической картиной, которую рисуют средства информации. Истина, как всегда, прячется где-то посредине. Когда в стране больше двух миллионов хозяйств, естественно, что среди них есть и бедствующие, и процветающие.

Традиции отцов-основателей по-прежнему сильны, и даже сегодня подавляющее число американских ферм — небольшие семейные хозяйства. Здесь, как правило, хозяин управляет со своей работой сам, иногда ему помогают жена и дети. Земли у него 100—120 гектаров. Если это не равнинный кукурузный пояс, то часть земли обычно занята лесом, часть используется под сенокос. У фермера свои машины — трактор, комбайн, сенокосилка, плуги, бороны. Если чего-то нет, он арендует технику у соседа или у местного поставщика. Все это позволяет фермеру выращивать на 40—50 гектарах кукурузу, которая идет на корм скоту, и примерно столько же сои. Он охотно использует севооборот — это дает возможность немного сэкономить на удобрениях. Главная же его продукция — телятина (до сотни голов в год) и свиньи (500 голов). Фермер, как правило, не держит молочных коров и кур для семьи — проще купить в супермаркете. Живет он в доме, который ничем не отличается от городского, разве что просторнее. Детей отвозит в школу специальный автобус. Потом, когда подрастут, почти обязательно поступят в университет. Часто всего лишь на год-два; не потому что нет денег, а просто нет необходимости. В общем, семья ведет вполне нормальную размеренную жизнь и даже выезжает на отдых в горы или на море.

Я не привожу цифр, характеризующих доходы такого фермера. Важно, что он прочно стоит на ногах, успешно сводит концы с концами, спокоен за будущее. В город перебираться он не хочет, ему нравятся его жизнь и его работа.

Есть, конечно, хозяйства и много крупнее. К примеру, в зерновых районах многие фермеры обрабатывают до 1000 гектаров пашни. Их продукция измеряется сотнями тысяч долларов. Это — коммерческие предприятия. Такие фермеры больше зависят от рынка, и у них, как правило, больше долгов. И что любопытно, при общей тен-

денции к росту хозяйств, при существенно большей рентабельности крупных ферм, количество их увеличивается очень медленно, а средние размеры даже уменьшаются. Говорят, что это очень озадачило Никиту Сергеевича и его свиту, когда они посетили один из кукурузных штатов. Предполагалось, в соответствии с самой передовой теорией, что задавать тон в Америке должны крупные индустриализированные хозяйства.

Между тем самые крупные хозяйства почему-то оказались в таких отраслях, как огородничество и садоводство. К примеру, чуть ли не половину салата к столу американцев поставляет одна единственная фирма. А свежий салат — непременная часть американской диеты, так что обороты у фирмы немалые. Примерно так же обстоят дела с редиской и морковью. По большей же части корпорации занимаются сбытом: они заранее, на корню, закупают у фермеров будущий урожай яблок или орехов и уж потом продают их через сеть супермаркетов по всей стране.

Но даже и эти фруктово-салатно-морковные гиганты с тревогой следят за конкурентами. А конкурентов немало, и они хорошо знают слабые места гигантов. Одна такая ахиллесова пята — чрезмерное увлечение химией. До последнего времени химикаты использовались во все возрастающих количествах. И не только удобрения — азотные, фосфорные, калийные. Главная беда — пестициды, ядохимикаты для борьбы с вредителями. Их применяли и где надо, и где не очень надо, и вообще без надобности. Считалось, что ко всякой биологической проблеме можно найти химический ключик. Так оно и было, пока, обжегшись на печально знаменитом препарате ДДТ, правительство не начало запрещать один пестицид за другим. Не дремала и природа: многие пестициды со временем потеряли эффективность. Почвенные микроорганизмы разрушали их раньше, чем они успевали уничтожить вредителей.

Сейчас маятник качнулся в противоположную сторону. Во всем мире объявилось множество поклонников так называемого "органического земледелия", которое использует только натуральные удобрения вроде навоза или бобовых растений, обогащающих почву азотом. Дошло до того, что фруктовый концерн Del Monte объявил нынешним летом, что больше не будет покупать у фермеров яблоки, обработанные очень распространенным химикатом, который даже не запрещен, а всего лишь попал под подозрение.

Вторая ахиллесова пята гигантов — ограниченное число сортов и их вкусовые качества. Вся страна ест 8–10 сортов яблок, выращенных в основном на северо-востоке. Так как яблоки должны быть в продаже в любое время года и повсюду, им надлежит обладать двумя качествами: лежкостью и транспортабельностью, не говоря уже о хорошем внешнем виде. Ну, с яблоками проблема решилась относительно просто: выращивают в основном зимние сорта, снимают их не слишком готовыми, дозревают они в специальной атмосфере — в огромных хранилищах или по дороге, в грузовиках-рефрижераторах. На вкусе яблок все это не очень сказывается, — яблоки вполне съедобны и всегда в изобилии. Но вот с помидорами хуже: они красивей, чем пластиковые муляжи, но совершенно безвкусны. Поэтому небольшие рынки, где фермеры торгуют своей продукцией — овощами, ягодами, фруктами, выращенными по старинке, пользуются необыкновенной популярностью. Единственное место в нашей Колумбии, где я видел перед открытием очередь, — скромный фермерский рынок. Там, конечно, не так красиво, как в супермаркете, но все свежее и вкуснее. Преимущество "супера", однако, в том, что он торгует круглые сутки и без выходных, а рынок — одно-два утра в неделю летом и осенью. Тем не менее энтузиастов "натурального" сельского хозяйства уйма, и число хозяйств, перешедших на прямую связь с потребителем, неуклонно растет.

3. С поправкой на время

Характерная черта американского сельского хозяйства — его высокая специализация. Никто, кроме рынка, не "спускает" фермеру план, не указывает, что ему

сеять, где и когда (за исключением особых случаев, о которых я расскажу ниже). Тем не менее за сравнительно короткий срок в Штатах сложились четко выраженные районы с преобладанием того или иного производства.

Главная житница государства или, как здесь говорят, bread basket, когда-то располагалась в широких долинах Аппалачских гор, но потом сдвинулась к северо-западу, в район Великих равнин, заняв место американских степей, прерий. Мощные лессовые почвы, хотя и не такие плодородные, как российские черноземы, очень удобны для выращивания пшеницы и особенно кукурузы. "Кукурузный пояс", который начинается недалеко от восточного побережья и узкой полосой тянется к западу, выращивает кукурузу и соевые бобы. Климат здесь как нельзя более подходящий для кукурузы – жаркое лето, высокая влажность воздуха. Здешняя поговорка гласит: "Жарко так, что слышно, как растет кукуруза". Этому можно поверить: за одну ночь растение вытягивается на 10–12 сантиметров! Но не только климат тому причиной. Селекционеры непрерывно работают с сортами – увеличивают урожайность, повышают сопротивляемость болезням и вредителям, сокращают сроки созревания. Все это, конечно, ведет к огромным расходам удобрений, затратам труда. Однако урожаи оправдывают все. Поскольку транспортировать свинину гораздо дешевле, чем зерно (соотношение 1:5), понятно, почему три четверти свиного поголовья страны располагается поблизости.

Чуть дальше к западу и северу, где меньше влаги и почвы значительно беднее, выращивают пшеницу. А если продолжать двигаться в том же направлении, попадешь на Дикий Запад. Вся западная половина страны, за исключением узкой прибрежной полосы Калифорнии, бедна дождями, неудобна по рельефу и потому отдана отгонному скотоводству. Тут проживают те самые ковбои, о которых наше поколение было наслышано куда больше, чем современные американские мальчишки. При ближайшем рассмотрении они оказались обыкновенными пастухами.

Южные штаты, прилегающие к Мексиканскому заливу, выращивают хлопок. Хлопку нужно много воды и много труда. Дожди с залива обеспечивают водой, ну, а насчет дешевого труда... Сейчас основной процесс – сбор хлопка-сырца – механизирован. Не так давно, однако, – до гражданской войны – этим занимались черные рабы. Их потомки и по сей день живут здесь. И хотя некоторые из них владеют фермами, в целом это беднейший слой населения, объект многих социальных программ, не слишком успешных.

Самый берег залива и Флорида – главная оранжерея страны. Апельсины, лимоны, грейпфруты, мандарины. В натуральном виде и превращенные в сгущенный замороженный сок они идут отсюда во все концы страны. В Америке примерно 80–100 млн. цитрусовых деревьев, и три четверти из них растут во Флориде и южном Техасе. В среднем здесь достаточно тепло, однако случаются и заморозки. "Большой мороз" зимы 1894–95 гг. погубил цитрусы в северной Флориде. Сейчас цитрусы располагаются в центре полуострова, где много озер, смягчающих заморозки. Однако и по сей день на каждой ферме зимой держат наготове мощные керосиновые печи с вентиляторами. Флорида перерабатывает на соки такое количество плодов, что жмыха хватает на корм двухмиллионному стаду коров.

Второй крупный производитель цитрусовых – Калифорния. Однако огромный и все растущий мегалополис, потянувшийся практически от Сан-Франциско до Сан-Диего, медленно, но верно теснит сельское хозяйство. В Анахайме, одном из пригородов Лос-Анджелеса, я с удивлением увидел небольшое, на 2–3 гектара, поле, засеянное редиской. Оно располагалось между знаменитым Диснейлендом и огромным многоэтажным отелем. "Фермеру предлагали не то миллион, не то два за этот кусок, – объяснил местный житель, – но он отказался. Хочет работать на земле". Я подумал, что долго он такого соблазна не выдержит. К тому же и просто неудобно работать на куске земли, расположенном в центре города.

Отнюдь не везде в Соединенных Штатах климат и земли настолько хороши, что высокий урожай можно получить без особых усилий. На Великих равнинах засуха –

частый гость. Например, в 1933–1938 гг. фермерам здесь пришлось очень туго: концы с концами сводили только с помощью всевозможных организаций помощи. Однако голода, в российском его понимании, не было. Меньше чем через 20 лет история повторилась, годы с 1951 по 1956 были опять тяжелыми, засуха была даже хуже, чем в тридцатые. Но таких же серьезных последствий, как ни странно, она уже не вызвала. Помогло правительство, да и фермеры стали умнее. Научились беречь скромные запасы воды в почве, построили множество прудов для водопоя скота и орошения. Перестали использовать более 4 млн. гектаров пахотных земель, пострадавших от эрозии, и восстановили на них травяной покров. Надо сказать, что все это стало возможным потому, что население штатов сильно сократилось, а "средняя ферма" очень выросла в размерах.

4. Фермер и банк

Живя в условиях самой что ни есть передовой экономической системы, как-то забываешь об изначальном назначении денег и кредита. Только попав на сотню лет назад, в капитализм, начинаешь понимать, какое это удобное заведение, кредит. Мелкому предпринимателю, фермеру, без кредита никак нельзя. Деньги нужны на покупку удобрений, машин, семян, всевозможных химикатов для борьбы с сорняками, с вредными насекомыми и болезнями растений. Поскольку в стране свободного предпринимательства спрос рождает предложение, к услугам фермера сельский банк. Банкир, который отлично знает всех окрестных жителей, охотно ссудит работающего и честного крестьянина деньгами. (Насчет нечестных и ленивых можно не беспокоиться: во-первых, среди коренных жителей их мало, а во-вторых, запросы у них обычно мизерные, крупных долгов они не делают.) Но и честному фермеру банкир просто так деньги не даст. Ему нужна гарантия, что он получит деньги обратно в обусловленный срок, да еще с процентом. Поэтому он не просто оценивает потенциального должника, но и вникает во все детали. Скажем, банк не даст деньги на операцию, которая покажется ему рискованной, даже если сам фермер готов идти на риск.

Однако главная гарантия для банкира — имущество фермера, его земля, дом, машины. Если что-то не так — идет с молотка все нажитое и унаследованное, вплоть до несобранного урожая. Но в первую очередь — земля, главное достояние крестьянина, без чего он и не фермер вовсе, а неизвестно кто.

Пока цена на землю держалась высоко, все было в относительном порядке. Долг оставался долгом, и процент на него нарастал; иногда вполне терпимо, иногда не очень. Главным, однако, было то, что долг вместе с процентами составлял лишь небольшую часть стоимости заложенной в банке земли.

Цена земли поднялась высоко в начале 70-х годов. В то время все предвещало необыкновенный бум для сельского хозяйства вообще и американского в частности. Эксперты предсказывали крутое увеличение спроса на продукты питания. Население стран Третьего мира росло, а прокормить себя было не в состоянии. Да и некоторые весьма передовые и прогрессивные государства были вынуждены из года в год увеличивать закупки зерна в связи с временными трудностями, продолжающимися уже около семидесяти лет.

Рынок в стране капитала чрезвычайно чувствителен к соотношению спроса и предложения. Поскольку возделываемые земли относятся к категории невосполнимых природных ресурсов, цена на них стабильно растет в течение всей истории человечества. Бывают, конечно, и срывы, когда людям уже не до недвижимого имущества, но в начале 80-х годов ничто не предвещало войны или иных катаклизмов. Тем не менее цена на землю "вдруг" стала падать. То же самое произошло с зерном и прочими сельхозпродуктами. Их опять же "вдруг" оказалось слишком много. Рынок затоварился. Некому было покупать. А точнее — нечем было платить.

Построить математическую модель даже сравнительно простого природного процесса чрезвычайно сложно: слишком много составляющих у таких моделей. И никакой компьютер не поможет: он аккуратно решит составленные вами уравнения, но забытый или просто не принятый во внимание фактор в модель он не вставит. Тем не менее с природой понятно, — подставив в модель известные данные и получив в результате нечто, коренным образом отличающееся от того, что ожидалось, авторы начинают искать причины неудачи и, в конце концов, находят.

Примерно то же самое можно сделать с моделями, отображающими вчерашнюю или сегодняшнюю экономическую ситуацию. А вот с моделями, предсказывающими ситуацию на завтра, дело обстоит хуже, ибо проверяет их будущее, когда вносить поправки уже поздно. Изначальный порок таких моделей в том, что они пытаются предугадать будущее, опираясь на прошлое.

Правительство в Вашингтоне в 70-е годы всячески поощряло фермеров использовать земли "от забора до забора". У фермеров росло искушение использовать землю и "за забором". Цена на землю начала неоправданно расти, и, чтобы прикупить пустующий участок по соседству, надо было влезать в долги. Но будущее выглядело весьма радужно, Советский Союз тратил все больше золота на закупки зерна в Америке, и многие фермеры шли на риск. Риск был большой, так как росла не только цена земли, но и цена одалживаемых денег. Времена дешевого кредита миновали, и никто не хотел ссужать деньги под 6–8% в год. Тем более, что и инфляция перевалила этот рубеж. Стали брать 12–15%, а иногда и больше.

А потом случилась катастрофа. Цена на зерно на международном рынке упала. Некоторые страны, например, Индия, справились с проблемой голода сами и перестали ввозить многие продукты питания. Другие, вроде Таиланда, из категории импортеров перешли в экспортеры. Новые высокопродуктивные сорта, удобрения и пестициды, помноженные на дешевый труд, сделали свое дело. Мало того, что рынок сократился, так тут еще надежнейший клиент — Советский Союз влез в афганскую авантюру, и президент Картер, в соответствии с традициями американского идеализма, наложил вето на продажу зерна. В мире чистогана это была непростительная ошибка. Никакого ущерба агрессору этот запрет не нанес, так как Канада и Австралия с превеликой радостью кинулись заполнять образовавшуюся брешь. Это позволило советскому руководству воротить нос от американского зерна, тем самым настраивая фермеров против правительства, которое своей "негибкой" политикой лишает их возможности продавать свою продукцию. Дошло до того, что Рейган согласился не просто продавать, а еще и субсидировать продажу зерна "империи зла". И потратил на это больше 50 млн. долларов из казны. В ответ на решение Рейгана ближайшие союзники США Канада и Австралия пригрозили снизить цены на свою пшеницу. Ситуация, которая удивила бы даже прозорливого создателя первого в мире социалистического государства: выяснилось, что враги не просто продадут удавку, но еще и драться будут за честь снабдить заклятого врага веревкой подешевле...

Тем не менее факт остается фактом: пшеницы и кукурузы слишком много, фермеры по уши в долгах, а зловредная рейгановская администрация только и делает, что отбирает у бедолаг землю за долги. Весной и летом прошлого года репортажи о сельских банкротствах не сходили с экранов телевизоров. Популярная кинозвезда Джессика Ланг успела даже блеснуть в очередной раз, сыграв фермерскую жену, муж которой не выдержал столкновения с жестокой действительностью. Фильм был искренен, авторы телевизионных передач — вполне профессиональны.

В январе 1985 г. весьма авторитетная газета "Washington Post" объявила, что кризис, вызванный задолженностью фермеров, вот-вот разразится и что он, этот кризис, погубит сельскую Америку. Газета утверждала, что по крайней мере 40% фермеров в самых продуктивных штатах находятся на грани банкротства. Уже в марте оценка была скромнее — около 14%. Но и она сильно отличалась от действительной цифры, сообщенной президентом Рейганом, — 4%. В чем дело?

Статистический дарчик открывается просто. Первую цифру (40%) продиктовала паника, вторая (14%) была получена делением числа "безденежных" должников (93 тысячи) на численность хозяйств только одной категории, "односемейных". Таких хозяйств в Штатах сравнительно немного — менее 700 тыс. из общего числа 2 400 тысяч. Статистика, как известно, относится к числу дам, которые только прикидываются строгими и недоступными...

Но положение с долгами в сельском хозяйстве и впрямь серьезное. Средних размеров ферма, которую держат не только ради удовольствия жить на земле, а которая производит коммерческую продукцию на изрядную сумму (от 40 до 200 тыс. долларов), оказалась наименее рентабельной.

Таких ферм в США примерно 600—700 тыс. Стоимость такой фермы — почти миллион долларов. Долгов за ней (опять же в среднем) тысяч двести. Но это — средние цифры. В жизни же это означает, что у одного фермера долгов нет вообще, а у другого их на миллион. А конкретно, у каждого пятого фермера долги приближаются к стоимости недвижимости. Это — та самая ситуация, когда почти нет надежды вылезти из кабалы.

Однако вот что уж совсем непонятно: у крупных и вроде бы процветающих фермпораций долгов, оказывается, еще больше! Их средняя задолженность в 1984 году достигла огромной, даже по американским масштабам, цифры — 40% стоимости имущества. Но эти фермы никто не жалеет. Во-первых, в Америке привыкли к тому, что чем богаче человек, тем больше у него долгов. Во-вторых, и это уже более серьезно, такие хозяйства не просто сводят концы с концами, а зарабатывают деньги.

Америка, как известно, страна капитала. Однако богатого человека, капиталиста, уважают здесь не за то, что он имеет много, а за то, что из многого он умеет сделать еще больше. Чтобы получить 7—8% и даже 10% годовых на свой капитал, особых усилий не требуется — для этого достаточно положить деньги в банк. Банк и сам заработает, и тебя не обидит. Но акуле капитализма 10% мало. Поэтому в банк акула отправляется не с деньгами, а за деньгами. Акула одалживает деньги для покупки новых машин или земли у конкурирующего предприятия. Акции этой фирмы охотно покупают рядовые граждане. Они тоже знают толк в дивидендах. И вот обнаруживается, что чем крупнее ферма, тем выше у нее прибыль. Индустриализованное сельское хозяйство дает 17—18% дохода на вложенные деньги! Среднего размера фермы дают прибыль поменьше, а мелкие — сплошной минус, то есть вкладывать приходится больше, чем получаешь.

Что же, мелкий фермер ходит с протянутой рукой? Отнюдь нет. По сравнению с концом 70-х годов, когда сельское хозяйство отличалось завидным здоровьем, годовой доход фермера (опять же среднего) в 1983 г. вырос на 500 долларов. Он не так уж велик, этот средний доход, порядка 11—12 тысяч в год. Однако это лишь то, что владелец фермы получает от эксплуатации своей земли. У "среднестатистического" фермера есть и другие источники дохода, и эти источники давали ему в 1983 г. в среднем 29 тыс. долларов (по сравнению с 26 тыс. в 1979г.). И долгов-то, оказывается, у этой опоры американской демократии всего ничего: 10% от стоимости земли.

Такому фермеру, конечно, нелегко. Доход в 30 тыс. долларов в год не так уж плох, но это значит, что в фермерской семье хотя бы один человек должен иметь работу в городе. Обычно жена фермера работает машинисткой или кассиршей в соседнем городке, да и сам хозяин не прочь подработать зимой.

Надо думать, в эту категорию зачислено и великое множество фермеров-любителей. Число людей, желающих жить на природе и трудиться на земле в уикэнды, растет очень быстро. Любительские фермы, как правило, очень маленькие, 5—10 гектаров, и их товарная продукция ничтожна в общем объеме сельского хозяйства. Но для многих тысяч людей это не просто бегство из города, не просто возврат к знакомой жизни, но еще и возможность что-то сделать для спасения сельской Аме-

рики. Это хорошо, прежде всего, для земли. Однажды обработанная и потом заброшенная земля быстро зарастает сорным кустарником и деревьями. Фермер-любитель очень заботится о собственном ландшафте. Если он чего-то не может сделать сам, он пригласит соседа — настоящего фермера.

5. Фермер и государство

Надо сказать, что правительству в подобной ситуации совсем нелегко. Прямых рычагов воздействия у него нет, "закрыть" или "слить" непродуктивные фермы оно не может. Департамент сельского хозяйства — организация хотя и авторитетная, но уже никак не министерство в нашем понимании. Департамент определяет общую сельскохозяйственную политику, готовит законопроекты, выпускает статистические отчеты, координирует (и финансирует) научно-исследовательскую деятельность университетов и собственных экспериментальных станций, внедряет их достижения. На него же почему-то возложено и осуществление некоторых социальных программ.

Как правительственный орган он, естественно, выражает позицию правящей партии, за что подвергается нелицеприятной — по большей части — критике со стороны прессы и более сдержанной — со стороны оппозиции. Сдержанность оппозиции понятна, — простых решений нет, в обсуждении законопроектов она участвует, и вообще — сегодня ты, а завтра я. Тут не очень разбежишься, хотя, с другой стороны, избиратель давит всерьез. И хотя число избирателей-фермеров уменьшается, у них много сочувствующих.

Основная цель государственных программ по сельскому хозяйству — привести постоянно растущее производство хоть в какое-то соответствие со стабильным, а иногда и уменьшающимся потреблением. Почему производство растет — ясно: на рынке все время появляются новые удобрения, семена улучшенных сортов, более производительные машины. Не купишь — плохо, ибо кто-то другой обязательно купит, увеличит выпуск продукции и заработает, тогда как ты останешься при своих. Купишь — еще хуже, так как общее производство увеличится и цены упадут. А рынок ограничен — покупать больше, чем он может съесть, потребитель почему-то не хочет.

Беды сельского хозяйства начались давно, и уже в 20-е годы делались попытки помочь фермерам. Первый законопроект, внесенный в Конгресс в 1924 г., предусматривал закупку у фермеров излишков по "справедливой цене", с тем, чтобы потом сбить эти излишки на международном рынке. Одновременно предполагалось ввести защитные тарифы на импорт. Конгресс трижды проваливал законопроект, затем на него дважды накладывал вето президент Кулидж, утверждая, что его трудно провести в жизнь. К моменту прихода к власти Рузвельта положение, однако, настолько осложнилось, что избежать вмешательства со стороны государства было невозможно. Тем более, что такое вмешательство вполне отвечало идеям нового президента.

В 1933 г. Рузвельт начал осуществление первой программы по поддержанию цен на основные сельскохозяйственные продукты: пшеницу, кукурузу, рис, табак, мясо, молоко. Фермеры должны были сократить площади, занятые этими культурами. Государство обязывалось выдать фермеру деньги под залог урожая по справедливой цене, то есть дающей ему небольшую прибыль на вложенный капитал и труд. Если цены на рынке стоят высоко, фермеры вправе продать свою пшеницу или кукурузу и вернуть долг. Но если цены стоят низко, это уже забота правительства — продать ли добро за границу, использовать ли его внутри страны на бесплатные завтраки школьников или же на помощь другим странам.

Государству (а следовательно, налогоплательщику) такая программа обходится дорого — миллиарды в год. Не всегда эти суммы попадают тем фермерам, которым

особенно трудно. Более того, говорят — и не без оснований — что субсидии приводят к деградации сельского хозяйства, ибо деньги расходуются на поддержку неэффективных ферм.

При Кеннеди демократы пытались ввести обязательный (и очень жесткий) контроль над сельскохозяйственным производством, сдоблив это обещанием щедро платить за все, что вырабатывается в пределах установленной правительством нормы. Фермеры на национальном референдуме отвергли этот проект, хотя сторонники реформ страшали их повторением великой депрессии.

С небольшими видоизменениями программа субсидий действует и по сей день. Министр сельского хозяйства определяет, с учетом потребностей страны и перспектив международного рынка, сколько и чего следует вырастить в следующем году. Устанавливаются пределы цен (выше урожай — ниже цена, и наоборот). Все это доводится до сведения фермеров. Если фермер придерживается рекомендаций, он получает за весь собранный урожай полную стоимость; если превысил площадь — правительство одалживает ему меньшую сумму. Устанавливается и верхний предел выплат одному фермеру — чтобы избежать поощрения крупных корпоративных ферм. В начале 80-х годов, например, этот предел составлял 50 тыс. долларов.

Что же происходит с излишками продовольствия, накопленными за многие годы? Запасы эти колеблются в зависимости от урожая и рынка, но обычно Соединенные Штаты имеют в элеваторах 50–60 миллионов “резервных” тонн зерна, готовых к продаже. Это примерно треть мировых запасов. США принадлежит львиная доля мирового торговли зерном (не меньше половины). Общий объем сельскохозяйственного экспорта превышает 40 миллиардов долларов. Один только Советский Союз в 1978–79 гг. тратил на покупку пшеницы, кукурузы и соевых бобов в США почти три миллиарда долларов в год. Очень много продовольствия отправляется бесплатно в страны, пораженные голодом.

“Нежелательное” изобилие позволило осуществить в стране ряд социальных программ. Таких программ перераспределения продуктов питания сейчас 14. Чего тут только нет: школьные завтраки и обеды, специальная молочная программа, программы для женщин, детей и престарелых. В 1984 г. на эти программы было израсходовано 20 миллиардов долларов! Чтобы получить представление о масштабах, сопоставьте эту цифру с 3-миллиардными закупками СССР, которому обычно не хватает 10–15% хлеба, чтобы не лучшим образом кормить свое 280-миллионное население. В Соединенных Штатах эти программы позволяют бесплатно кормить раз в день 95 миллионов человек. Тоже немало.

Самая значительная из программ — программа продовольственных купонов. Ничего общего с продуктовыми карточками или с талонами на колбасу купоны не имеют. В сущности, купоны — это особые деньги, на которые можно купить любые продукты (кроме вина и табака) в любом супермаркете. И сдачу вам дадут обыкновенными деньгами. Кого поддерживает государство? Естественно, бедных, которым не хватает денег на нормальное питание. К такой категории относится, к примеру, семья из трех человек с месячным доходом в 700 долларов. Эта семья получает купоны на сумму 208 долларов, что покрывает ее потребности в еде если не полностью, то по меньшей мере на 70–80%.

6. Идея, не претендующая на оригинальность

Что же дальше? Что ждет американского фермера и “семейную” ферму в будущем? Экономисты марксистского толка считают, что страна неотвратимо скатывается в железные объятия агробизнеса, что дни маленьких ферм сочтены. Когда же большой капитал утвердится в сельском хозяйстве, он станет диктовать цены, выжимать соки и т.д. Департамент сельского хозяйства в официальных отчетах утверждает, что семейные фермы по-прежнему остаются основой американского сельского хо-

зьяства. Граждане, озабоченные состоянием окружающей среды, требуют сократить применение ядохимикатов и даже удобрений. Фермеры время от времени организуют демонстрации протеста. И все вместе дружно возмущаются правительством: налогоплательщики — за то, что оно тратит на сельское хозяйство слишком много, фермеры — что слишком мало.

Я, вероятно, не очень оригинален, усматривая основное назначение сельского хозяйства не в том, чтобы выражать какую-нибудь идею, пусть самую передовую, а в том, чтобы кормить население собственной страны. С этой задачей американские фермеры справляются превосходно. Есть все основания думать, что так будет и дальше. Ну, а что касается изменений в облике и структуре сельского хозяйства, то они, по-видимому, неизбежны, ибо обусловлены совершенно объективными причинами, вроде неизбежности роста производительности труда и прогресса науки. Перемены эти болезненны, и единственное, что тут можно сделать, — попытаться их смягчить. Что и делается в этой стране, сплошь сотканной из противоречий. ●

Борис КОМАРОВ

ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА РОССИЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ

Проблема Ладоги всплыла неожиданно. На восьмом съезде писателей Юрий Бондарев говорил об исчезновении чистой Ладоги и Онеги с таким волнением, какое ощущали в годы войны люди, обнаружившие смертельную опасность не на передовой, а в тылу. Передовая — это Байкал, поворот северных рек, — об этом спорят давно, а в последний год даже с высоких трибун. И Сибирь вообще: здесь главный фронт наступления на природу, главные резервы нефти, газа, руд, Кузбасс и Урал, индустриальный костяк государства. Ну, еще, может быть, Волга с ее ГЭС и водохранилищами, искалечившими и самое реку, и все, что ею жило.

И вдруг Ладога. В определенном смысле это действительно неожиданность, удар в спину. Там, на востоке, все понятно — промышленность, электростанции. А на Ладоге главная беда — сельскохозяйственные стоки, отходы земледелия, которое должно кормить людей. Именно — должно, потому что на деле земля кормит советского человека не Бог весть как, это не Дания. И все равно озера недалеко от полной гибели. Если мы дойдем когда-нибудь до половины датских урожаев и надоев, что же будет тогда? Чистая вода и прозрачный воздух сохранятся лишь на старых цветных фотографиях.

Кризис отношений человека и природы внезапно блеснул новой гранью. Первыми осознали это писатели. Но на съезде ощущалась боль не только за Ладогу, Байкал, за Днепр и Вычегду. В выступлениях писателей явственно звучал протест против цензуры, которая вынуждала их годами молчать или говорить шепотом, обходя самые важные проблемы, в том числе и разрушение природы.

Оставим цензуру. Мы не на съезде, не на трибуне. Давайте по возможности спокойно разберемся в том, что же происходит в последнее время с Ладогой, Онегой, с Байкалом и другими озерами.

Начнем с Ладоги. Но точкой отсчета все равно останется Байкал. Не только потому, что без него не обходится ни один анализ экологического кризиса в Союзе и что Байкал — пробный камень в отношениях человека с природой. В прошлом Ладога уцелела за счет Байкала.

В конце пятидесятых, когда встал вопрос об обеспечении шинами бомбардировщиков типа ТУ, решено было строить крупный целлюлозный комбинат. При этом, однако, выяснилось, что для выработки специального корда необходимо гигантское количество совершенно чистой воды. Вариантов, собственно, было всего два: Байкал и Ладога. Тогдашние партийные отцы Ленинграда кинулись к Хрущеву: Ладога снабжает питьевой водой шесть миллионов человек, от нее зависит промышленность, в том числе и военная. Комбинат, как известно, построили на Байкале.

В феврале 1985 г. Валентин Распутин опубликовал в "Известиях" статью, где разоблачил, наконец, блеф о стратегическом значении комбината. Было официально признано, что двадцать лет Байкал загрязняют без всякой необходимости, даже военной. Ни одной шины для ТУ из его корда не сделали по той простой причине, что еще до пуска комбината скоростная авиация перешла на более прочный (и давно известный) синтетический корд.

Однако что бы там ни происходило с Байкалом, в шестидесятые годы Ладога все еще оставалась не только самым большим, но и самым чистым озером в Европе. Ладожская вода содержала меньше минеральных веществ, чем даже байкальская.

Но уже к середине семидесятых на Вуоксе и других реках в бассейне озера всю заработали целлюлозно-бумажные и деревообрабатывающие комбинаты. Тут, вдали от всякого общественного контроля, деревообработчики и бумажники строили так, как им было дешевле и проще. Комбинаты строились по устаревшей технологии, когда производство тонны бумаги сопровождается загрязнением двухсот, трехсот и даже пятисот тонн чистой воды! Если бы соседняя Финляндия выработывала свои миллионы тонн бумаги на подобных заводах, финны давно вымерли бы от массового отравления...

Когда-то пленку нефти можно было увидеть на Ладоге разве что у пристани. Сейчас специалисты говорят о пленке, покрывающей квадратные километры акватории озера. На огромных площадях Карелии, прежде покрытых лесом, быстро развивалась эрозия, а значит и увеличивался снос частиц почвы и песка в реки. Это сказывалось на Онеге и соответственно на Ладоге.

Наконец, главное — сельскохозяйственные стоки. Известно, что любая распашка почвы приводит к выносу из нее соединений фосфора. Чем больше пашни на территории водосбора, тем хуже для озера. Естественный фосфор — это еще полбеда, беда — фосфорные удобрения. А они сносятся с полей и рано или поздно через ручьи и реки попадают в озера. Тем же путем попадают туда и азотистые удобрения, ядохимикаты, стоки с животноводческих ферм...

Территория водосбора у Ладоги и Онеги огромна. По капле, по крупнице сотни тысяч тонн фосфорных и азотных соединений ежегодно попадают в каждое из озер. Примерно 70% всей этой массы оседает в Онеге, 30% выносятся Свирью в Ладогу. У самой Ладоги сходный баланс, только 30% от поступающей в нее массы фосфорных и азотных соединений Нева выносит в "озеро" покрупнее, в Балтику.

В общем, ситуация такова, что уже в ближайшем будущем рост концентрации фосфора и других элементов в Ладоге может лишить Ленинград важнейшего источника питьевой воды. Обстановка осложняется тем, что в Финском заливе возводят дамбу, которая будто бы предотвратит наводнения в городе. Так это или нет — вопрос спорный. Но дамба грозит замедлить "Невы державное течение". Соответственно, уменьшится вынос из Ладоги растворенных в воде веществ...

Попросту говоря, озера — очень удобные колодцы, из них и человеку, и заводам удобнее пить, чем из рек. Конечно же, все понимают, что в них не стоит "плевать". Но с ними, как не повернись, все не так. Построили завод где-то в Карелии, а страдает Ладога. Разлетелись по ветру удобрения в колхозе — снова озеру плохо. Выросли под Ленинградом новые животноводческие комплексы — еще хуже...

Хрестоматийное озеро Эри

У меня на столе лежит справочник "Озера мира", изданный совсем недавно в Японии. В справочнике приведены данные по пятидесяти двум озерам Азии, Африки, Европы. Практически всюду картина сходная: озера загрязнены. Главная причина — сельскохозяйственные стоки, в меньшей степени — промышленные и коммунальные. В некоторых местах ситуация похуже, чем на Ладоге и Онеге.

Особенно "прославилось" в этом смысле озеро Эри, одно из Великих американских озер, висящих гроздью на карте северо-восточной части Соединенных Штатов, на границе с Канадой. Детройт, Питтсбург, Кливленд, Буффало и десяток менее известных центров автомобильной и металлургической промышленности действовали на берегах Эри уже в начале нашего века. К 1910 году резко упал улов осетра. В двадцатые годы осетр почти исчез. А ведь когда-то осетр водился тут в таком изобилии, что до начала XX века местные рыбаки не знали, что делать с черной икрой. В Америке ее не покупали. В конце концов одна французская фирма стала снабжать икрой Россию и русские посольства в Европе!

В двадцатые годы уже детройтские автомобильные короли покупали русскую черную икру. Но, разумеется, вовсе не это обстоятельство взволновало местные власти. У них были причины посерьезнее.

В 1928 г. было проведено первое серьезное исследование биологической структуры Эри, и... ученые ничего не обнаружили. Однако уловы продолжали быстро падать, некоторые виды рыб исчезли совсем. На озере появились скопления водорослей, а причины деградации так и оставались неясными.

Лишь в 1953 г. виновник наконец был найден — низкое содержание кислорода в придонных слоях воды. Но понадобилось еще почти десять лет, прежде чем ученые смогли хотя бы схематически объяснить, что происходит в Эри. Избыток фосфорных и азотных соединений, поступающих с ферм и полей, а также с коммунальными и промышленными стоками, способствует бурному росту водорослей. В зависимости от температурных условий водоросли развиваются по-разному. Однако затем они быстро гибнут, при их разложении расходуется огромное количество кислорода. У поверхности, где ветер перемешивает воду, кислорода еще хватает, а ниже — жесткий дефицит...

В период, когда американцы опубликовали исследования по Эри — середина шестидесятых, — цветение водорослей в Союзе наблюдалось преимущественно в водохранилищах на Украине и на Волге. Лишь в некоторых озерах были отмечены первые признаки избыточного содержания фосфора и азота. В общем, времени было достаточно, чтобы задуматься и предпринять шаги, которые помешали бы возникновению "советских Эри".

И те, кому по штату положено думать — ученые, — задумались. Разобраться в ситуации было не трудно, поскольку американцы проделали прекрасную работу, создали методику изучения проблемы. Механизм переудобрения (евтрофикации) вошел во все учебники по экологии. Достаточно было нескольких лет наблюдения за балансом веществ, поступающих в конкретное озеро, чтобы поставить диагноз, выработать профилактические и "лечебные" меры.

С середины семидесятых в Комиссию по охране вод Академии наук систематически стали поступать материалы об угрожающем переудобрении десятков озер в Центре страны, на Северо-Западе, в Прибалтике. Причины бедствий во многих случаях были очевидны: с полей смывалось до 50–60% вносимых туда удобрений, ядохимикаты хранились под открытым небом, стоки новых животноводческих комбинатов на 10–20 тысяч голов отличались не только количеством и концентрацией органики, но и содержанием микроэлементов, антибиотиков и прочих веществ, которые добавляются в пищу скоту...

Комиссия обратилась в облисполкомы и сельскохозяйственные управления по месту возникновения проблем. Определенный результат, представьте себе, это дало — колхозам стали выделять больше средств на строительство складов для хранения ядохимикатов. А в остальном... В остальном, как следовало из ответов с мест, "сельхозработники уже много лет работают над повышением культуры использования удобрений и техники и надеются в свете решений последнего ...-ского Пленума ЦК КПСС добиться" и т.п. Так что удобрения с полей и навоз с ферм продолжали стекать в реки и озера. Может быть, происходило это и не в свете решений последнего... Но при свете дня, как, равно, и ночью.

Навоз в степени "X"

Навоз — одно из тех слов, которых советская пресса избегает. Центнеры свинины или говядины, тонны молока с ферм — это крупным шрифтом. Проценты перевыполнения плана — еще крупнее. Натуральные удобрения от животных — где-нибудь в конце, в углу. Разве что у писателя-деревенщика встретишь это слово — навоз, да и то предпочтительнее конский... яблоками по снегу... Однако сколько в стране коневодов, а сколько крупных комплексов на 10—20 тысяч голов свиней или коров? Если прежде с навозом от фермы на 100—200 голов можно было управиться, как управлялись веками, то с отходами от тысяч животных, собранных вместе, следовало обходиться как-то по другому. И действительно, на всех крупных комплексах применяются особые транспортеры, тракторы для доставки навоза на поля оборудовали кондиционерами и прочее. Короче, все было задумано как у людей. Только беда в том, что вся эта техника не работает.

Однажды весной товарищ пригласил меня погостить у него на даче. Дача была в Калининской области, в селе Красная Горка. Начался отдых невесело. По дороге со станции, когда мы проходили через усадьбу местного совхоза, навстречу нам несли гроб. Хоронили директора совхоза. Вечером сосед по прозвищу Кулек поведал нам "как все оно было".

Неделю назад на новой ферме, где содержалось две тысячи коров, вырвался из загона племенной бык. "Осенью привезли трех мериканских быков из Голландии, — живописал Кулек, — яйца у них во-о-о, до земли, и бумаги при каждом — по-немецки написаны". Два крупных голландца умерли зимой от холода и плохой пищи, а вот оставшийся производитель сломал загородку своего "благоустроенного" стойла и пошел гулять... Спасаясь от ловивших его мужиков, бык забежал в низину, куда свозили навоз со всей фермы, и стал тонуть... Весна, все оттаяло... Примчался директор и, как был, в костюме, прыгнул в навоз.

Но что он мог один? А мужики в ответ на его крики о помощи лишь посмеивались и подавали советы, один нецензурнее другого... Директор сулил им премии — не полезли, сулил квартиры — не помогло. Короче, бык утонул, а директора мужики все-таки вытащили. Однако отмытый начальник, придя домой, слег и больше уже не поднялся.

— Отчего, думаешь, он помер? — риторически вопрошал Кулек. — От дерьма? Не-е! В дерьме родились, в дерьме и помере! Это — нет... От ответственности. Трех быков кто б ему простил? Сколько валюты за них угрохали! Полетел бы он с директорства...

Я не знаю, что стало теперь с навозным болотом на Красной Горке. Думаю, как и раньше, текут весной ручьи в местную речушку, дальше в Волгу и Рыбинское водохранилище... Ибо мудрый Кулек, когда говорил, что от навоза не умирают, выражал не только свое мнение. Умирают от боязни потерять кресло, которое опирается на выполнение плана по мясу и по молоку, по улучшению породности стада. Если на ферме отказывают транспортеры, доставляющие корм коровам, если не

работает отопление и животные болеют и гибнут каждую зиму от холода, если не хватает молоковозов и надоенное молоко пропадает – какой директор будет заниматься доставкой навоза на поля?

От навоза не умирают, это верно. Но, с другой стороны, как отнестись к предупреждению профессора М.Я.Лемешева, который прямо пишет в журнале "Вопросы экономики", что без новых методов обеззараживания и использования отходов нельзя строить новые крупные комплексы. Ибо эти комплексы становятся мощнейшим источником опасных микроорганизмов, которые попадают в воду и в воздух. В воздух попадают сотни килограммов пыли и аммиака. Так что пресловутый запах, когда-то бивший в нос аристократам, а затем оторвавшимся от народа интеллигентам, и в самом деле стал фактором, крайне вредным для здоровья. В полном согласии с диалектикой количество перешло в качество.

В начале 1986 г. положение с Ладогой и другими озерами Европейской части страны стало предметом обсуждения уже не в Комиссии по охране вод, а на Президиуме Академии наук СССР. Директор института лимнологии, в прошлом известный полярный исследователь А.Ф.Трешников предложил целую программу мер по спасению Ладоги и Онеги. Разработать также рекомендации было не так уж трудно, благодаря опять-таки косвенной помощи американцев, которые уже десять лет назад ввели "Программу по контролю за Эри".

Вопрос в том, будут ли эти рекомендации выполняться. С тех пор, как Комиссия по охране вод направила письма в целый ряд облисполкомов, "культура использования удобрений" не изменилась. Об этом свидетельствуют и урожаи, и данные, которые приводит Трешников в Вестнике АН СССР. Число же крупных животноводческих комплексов продолжает увеличиваться. Причина тому простая: продукция больших комплексов дешевле, чем малых.

Многие ученые, включая бывшего президента АН СССР А.П.Александрова, подчеркивали необходимость оснащения крупных комплексов установками для переработки навоза на сухие удобрения и метан, который можно, кстати, сжигать в котельной, экономя сотни тонн мазута.

Установки прекрасные, только вопрос все тот же: где они будут работать? Пока они эффективно действуют лишь в Пярнуском районе Эстонии. Но в Пярнуском районе вся сельхозтехника работает эффективно, и объем продукции на гектар пашни здесь почти такой же, как у фермеров Дании. Крестьян же Ленинградской, Псковской и всех прочих областей РСФСР пример эстонцев почему-то не вдохновляет...

Но озера Эстонии тоже страдают от переудобрения: фермы тут более или менее в порядке, а снос удобрений с полей до недавнего времени достигал 90% вносимого количества! Если уж искать образец, то это фермы штата Огайо. И производительность там весьма высока, и озеро Эри теперь чувствует себя куда лучше.

В начале 70-х гг. Эри было в таком состоянии, что известный эколог Б.Коммонер писал в своей книге "Замыкающийся круг" (книга издана и в СССР), что оно уже никогда не вернется даже к тому состоянию, в каком оно находилось 20 лет назад. Коммонер был не единственным, кто считал, что Эри обречено. Массы водорослей плавали в озере, от их остатков, выброшенных на берег, исходил дурной запах. Ни рыбаков, ни купальщиков на Эри почти не осталось.

Исследования – что и как можно сделать – продолжались до 1973 г. С этого времени вступила в действие программа, которая обходится ежегодно в сотни миллионов долларов. В бассейне Эри практически не осталось ферм, заводов и населенных пунктов, стоки которых не очищаются от соединений фосфора и азота. Изучение показало, что некоторые очистные сооружения недостаточно эффективны; их перестроили.

Уже к 1976 г. содержание фосфора в Эри стабилизировалось, а затем медленно, но верно стало уменьшаться. Водоросли почти исчезли, вода посветлела, вновь появились рыбаки и купальщики. Однако, признаюсь, я не нашел в библиотеках

детальных отчетов о современном состоянии Эри. Так, общие сведения. Почему о столь крупном достижении пишут мало? Оказывается, специалисты не торопятся с розовыми выводами, ибо программа еще не завершена. К тому же у буржуазной прессы свои нравы. Она знает, что "тираж делают черные новости".

Зато нашелся мой хороший знакомый, который живет сейчас неподалеку от Эри. Вот что он пишет: "Уже лет шесть мы с друзьями часто плаваем в Эри. И ощущение это, скажу тебе, очень приятное. Вода чистая, без всяких запахов. Есть и рыба. Знаменитый эрийский окунь, известный своим замечательным вкусом."

Что любит омуль?

При обсуждении на Президиуме АН СССР выяснилось и другое печальное обстоятельство: весомый вклад в загрязнение Ладожского и Онежского озер вносит деревообрабатывающая промышленность. Возражал против этого лишь академик Н.М.Жаворонков.

Читателю, далекому от проблем экологии, это имя, может быть, и ничего не скажет. Но Жаворонков – единственный из крупных советских ученых, кто поставил свою подпись под утверждением, что при наличии очистных сооружений комбинат на Байкале будет абсолютно безвреден для озера. Комбинат работает двадцать лет. Все комиссии Академии наук, проверявшие состояние Байкала, говорят о деградации озера. Сейчас аналогичные явления обнаружены в Ладоге и Онеге, а Жаворонков упорно твердит: нет!

Воздействием стоков на животный и растительный мир академик никогда не занимался, его специальность – неорганическая химия. Правда, какой-то опыт в этом отношении у Жаворонкова есть: именно он на торжественном пуске очистных сооружений выпил стаканчик стоков байкальского комбината, ставший анекдотическим. Поскольку Жаворонков после этого стаканчика жив и здоров на своем восьмом десятке, ничто не мешает ему утверждать, что стоки безвредны. Что ж, не веривший в микробы немецкий ученый М.Петтенкоффер выпил пробирку с культурой холерных вибрионов – и хоть бы что!

Впрочем, в советской науке у Жаворонкова немало единомышленников. В начале 60-х гг. эксперты института целлюлозно-бумажной промышленности направили в Госплан заключение о том, что стоки байкальского комбината явятся чем-то вроде подкормки для рыбы и помогут размножению знаменитого омуля. А не так давно главный инженер комбината А.Слаутин убеждал корреспондента "Правды", что выбросы из труб – "самые подходящие удобрения для хвойных деревьев".

Если кто-то полагает, что подобный бред можно излагать лишь в закрытых докладах или в советской прессе, он глубоко ошибается. В 1982 г. в Бюллетене ЮНЕСКО по окружающей среде появилась статья "Байкальская история. Охрана величайшего на планете резервуара пресной воды". В статье, подготовленной Агентством печати "Новости", говорилось буквально следующее: "Строительство очистных сооружений на комбинате обошлось в 30 миллионов рублей. Опасность была ликвидирована, и сегодня "сточные воды" – если их можно назвать сточными – чище, чем "байкальская вода". Не больше и не меньше. Когда-то всерьез обсуждалась идея продажи японцам байкальской воды в качестве минеральной. Публикация АПН предлагает вариант еще более выгодного бизнеса: разливать в бутылки очищенные стоки Байкальского комбината...

Но шутки в сторону. Орган солидной научной организации ООН напечатал приведенные выше строки уже после того, как в советской прессе были опубликованы заключения ученых Института лимнологии во главе с известным ученым Григорием Ивановичем Галазием. В журналах "География и природные ресурсы" и "Природа" Галазий привел веские доказательства того, что стоки комбината причиняют

непоправимый ущерб всей экосистеме озера и прежде всего ее основе — рачку эпишуре. Ученый требовал прекратить сбросы Байкальского и Селенгинского комбинатов даже после очистки. Все это было в 1980 г., а через два года "Новости" как ни в чем ни бывало пишут о стоках, которые никак нельзя называть столь грубым словом. Кстати, одна из статей Галазия была напечатана в американском журнале "Soviet geography", так что интересующиеся зарубежные специалисты знали, что происходит с Байкалом.

Но пропагандистов из агентства "Новости" это не смутило. Орган ООН читают в официальных кругах многих стран мира, и там слово Байкал должно ассоциироваться с чистой водой и с чистой индустрией.

Очистные сооружения, даже теоретически, не могут обеспечить концентрацию химических веществ, близкую к естественной? Сами эти сооружения работают лишь половину времени? Стоки комбината вредят эпишуре даже после стократного разбавления? Все это мелочи. И они не должны затемнять наши представления о социализме в целом.

Михаил Сергеевич, прикажите постановить

В одной недавней статье В.Распутин назвал министра лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности М.И.Бусыгина "плохим сыном Отечества". Почему именно его — ясно: Байкальский целлюлозный комбинат принадлежит этому министерству. С 1983 г. критика министерства идет по восходящей. Похоже, дело может закончиться закрытием комбината или переводом его на какое-либо безвредное производство.

Однако это мало что изменит. На Байкале и вокруг него слишком много источников загрязнения. Начнем с того же министерства лесной промышленности. Для Байкальского комбината или для другого, но лес в районе Байкала будут рубить и дальше. А главное, теми же методами, что и сейчас, — используя на трелевке бревен тяжелые тракторы. Байкал от этого страдает вдвое: прежде вода из тайги поступала чистой, уже отфильтрованная от ряда примесей. Теперь и леса остается все меньше, и вынос гумуса и песка с бывших лесосек увеличивается во много раз. Мне уже приходилось писать ("Страна и мир", № 1–2, 1985 г.) о том безмерном вреде, который наносит сельскохозяйственным и лесным почвам применение тяжелых тракторов. И при самых благих намерениях Бусыгин или любой другой министр не могут использовать вместо этих тракторов технику, не уродующую лесные почвы. Тракторостроение в СССР слишком тесно связано с созданием танков, и каждая новая модель разрабатывается и внедряется в производство еще медленнее, чем остальная сельхозтехника. За последнее время построено несколько заводов для выпуска "малых" тракторов. Однако хватит ли байкальской тайги, хватит ли чистого Байкала до той поры, пока на здешние лесосеки придет нормальная экологическая техника?

Боюсь, не станет "хорошим сыном Отечества" и министр энергетики и электрификации. На восточном берегу Байкала, в Бурятии, строится Гусиноозерская электростанция, которая будет работать на угле. Сернистые и азотистые газы из труб этой станции грозят Байкалу тем самым "кислым дождем", от которых страдают леса в Европе, в Западной части СССР и в Кузбассе. Нейтрализация газов из труб ТЭС — дело сложное и дорогое. Но в западных странах электрические компании вынуждены идти на это, поскольку органы охраны среды устанавливают жесткие "квоты" газов, выпускаемых в атмосферу.

В Советском Союзе до сих пор на ТЭС нет ни одной подобной установки (не путать с фильтрами для улавливания пыли и иных твердых частиц из дыма, которыми оборудованы все крупные ТЭС и ТЭЦ). Скорее всего, и Гусиноозерская ТЭС не

будет оснащена системой нейтрализации газов, ибо стоимость такой системы, по советским понятиям, слишком высока. Если взять за основу данные академика Стыриковича, согласно которым очистка газов обходится в среднем в 100 рублей на 1 киловатт мощности, то для станции на Гусином Озере расходы составят около 200 миллионов. Между тем, общие затраты электростанций промышленности и коммунального хозяйства страны на фильтры и прочие сооружения по очистке атмосферы составили в 1985 г. всего около 175 миллионов рублей!

Не заслуживает почетного звания и министр железнодорожного транспорта, ответственный за строительство и эксплуатацию БАМа. Сколько леса и сколько речек было погублено зря при строительстве трассы и поселков? Сколько неочищенных стоков из депо, мастерских и поселков стекает сейчас в реки и ручьи, несущие эту грязь до самого Байкала?

Если железнодорожный министр согласится беседовать с Распутиным или другим писателем, он непременно укажет на ответственность своего коллеги — министра коммунального хозяйства. И совершенно справедливо, ибо это министерство и по сей день не снабдило местные власти типовой конструкцией сооружений для очистки бытовых стоков. Я уж не говорю о том, что кто-то должен дать еще и деньги, ибо строить, а главное эксплуатировать такие сооружения в условиях суровой зимы ох как непросто и недешево.

Между тем, строить такие очистные системы нужно всюду, начиная с города Северобайкальска и кончая каждым леспромхозом, любой туристской базой в районе Байкала. Так же, как это сделали когда-то по всему водосбору Эри и как вслед за Эри делают в районах всех Великих американских озер.

Чистый Байкал будет стоить больших денег. Тридцать миллионов рублей на очистные сооружения Байкальского комбината, которыми хотел поразить воображение зарубежных читателей научный обозреватель "Новостей", это, как говорится, семечки. Если, конечно, братья за "священное море" всерьез.

За министром коммунального хозяйства следует глава министерства цветной металлургии. Уже много лет он делает все возможное для скорейшего начала строительства свинцового комбината на реке Холодной, что на самом севере Байкала. Пока у него не выходит, но министерство не оставляет усилий...

Министр лесного хозяйства в том же списке. Каждый год в районе Байкала возникают лесные пожары. Тушат их долго и плохо. В результате воды и ветер приносят в озеро тысячи тонн сажи и прочих загрязнителей.

Что это — разговор Совета Министров против Байкала? На съезде писателей В.Распутин обратился прямо к Горбачеву как к человеку, обладающему в стране наибольшей властью. Он просил решить вопросы переброски северных вод и Байкала в пользу народа.

Первый вопрос решился быстро. Но одно дело отказаться от работ по переброске (что помогло решить проблемы бюджета и многие иные вопросы) и совсем другое — новое постановление о Байкале. Если оно, как и предыдущие, останется лишь в архивах и в библиотеке отдела охраны окружающей среды ЮНЕСКО, это полбеды. А вдруг министры и в самом деле захотят стать "хорошими сынами"? На лесосеках будут оберегать каждый кедр, откажутся от тяжелых тракторов, прекратят сплав леса по рекам и по Байкалу... На электростанции начнут сжигать лишь то количество угля, которое не будет угрожать "кислыми осадками", всюду развернется строительство очистных сооружений — даже за счет производственных корпусов и зданий райкомов партии...

Сколько дыр появится в плане после первого месяца такой работы? Где взять десятки миллионов на все экологические мероприятия? Откуда взять для них технику и рабочую силу? И главное — почему только Байкал? Ведь Ладога, Ильмень и вообще 65% всех озер в Центре страны, по данным Трешникова, загрязнены в сильнейшей степени. А разве чище Днестр, Донец или Севан? Если уж думать "в пользу народа", то можно ли молчать о лесах, о загрязнении воздуха и почв? ●

АМЕРИКАНЕЦ РОЗАНОВ

З аглавие этой статьи звучит как вывеска провинциального портного у Гоголя: "иностранец Василий Федоров". У самого Розанова, однако, не было и тени снобизма, он никогда не стремился представить себя носителем каких-нибудь идеалов, сторонних окружающей его жизни. Чаще всего его окружение было именно провинциальным; даже перебравшись в Петербург, Розанов остался тем же провинциалом: темой его писаний стали быт, кухня, задворки и кулисы семейной жизни. На его страницах душно, как в детской, — и висят всюду предметы домашней одежды, "исподнее". Розанов говорил, что он не любит семейных домов, где все вычищено и вылизано, где не увидишь на стуле в гостиной какой-нибудь детской тряпочки: он уверял, что жизнь в таком доме несчастлива. Петербург не изменил Розанова, он явно был не "западником", а "славянофилом"; но он сам изменил Петербург. Он однажды сказал, что творчество Льва Толстого — это русская деревня, принявшая размеры и значение Рима. Что-то в этом роде и сам Розанов принес в Петербург. Он был одним из зачинателей и виднейших деятелей так называемого русского религиозно-культурного ренессанса конца XIX — начала XX вв.; русская культура пошла ввысь, когда в нее вошел этот учитель истории и географии из гимназии города Елец (Орловской, кажется, губернии). Провинция предстала у Розанова не как "второй сорт" и подражание далеким столицам, а как пласт первореальности, как плодоносящий чернозем, как некое онтологическое начало. Розанов "элементарен", то есть стихийен. А разве это уже не похоже на Америку? В елецкой гимназии у Розанова учились два будущих русских писателя — Михаил Пришвин и Иван Бунин; первый из них вспоминал, как после неудавшегося побега в Америку, к индейцам, некий гимназист стал объектом издевательского внимания со стороны учителей, — и только один Василий Васильевич Розанов отнесся к беглецу с пониманием и сочувствием. Дети — это ведь тоже была "провинция" в викторианской тогдашней культуре. Да и американцы считались тогда чем-то вроде детей — не только индейцы, но и "янки". В поэме Пушкина Петр Великий в Петербурге прорубил окно в Европу; Розанов в захолустном Ельце открыл Америку.

Розанов не любил Гоголя: подозревал его в некрофилии. А это было единственное сексуальное извращение, которое он не прощал, — все остальные находили у него понимание. Розанов и сам был вроде как ребенок — так сказать, полиморфно-перверсен. Его любовью пользовалось все живое, независимо от пола и даже биологического вида. Он однажды написал, что человек потому и царь природы, что способен к скотоложеству. "Либидинозны" все реакции Розанова, все его выходы в мир. Андрей Белый вспоминает в мемуарах, что Розанов, разговаривая с молодой женщиной, даже на литературные темы, даже на людях, мог пощупать ее грудь. Допустим, это анекдот; но ведь рассказывалось это именно о Розанове, и только о Розанове.

Непрерывный ток розановского "либидо", исходивший от него на все без исключения предметы — вплоть до неодушевленных, — делал Розанова писателем абсолютно "беспринципным". В русской высокоинтеллектуальной журналистике начала века это было смертным грехом. Именно поэтому Розанов оказался "правым" — сотрудником монархически ориентированной или просто реакционной прессы, — потому что "левые" к себе не пускали. Считать его на этом основании консерватором, конечно, нельзя; но "реакционером" назвать, пожалуй, можно. Это была, однако, та "архаическая революцион-

ность”, о которой писал позднее Томас Манн и которую теоретически обосновывал Герберт Маркузе. Так что с другой стороны — Розанов как раз революционер, так сказать, маркузеанской складки. Он, например, писал, что потаенный мотив всех революций — возвращение в природу. Это не то что не могли оценить, но и понять не могли передовые русские либералы, даже лучшие из них, как Петр Струве. Последний в одной статье собрал высказывания Розанова, взаимопровергающие друг друга, и расположил их, для графической наглядности, в две колонки, — слева ”либеральное”, справа ”реакционное”. Розанов тем самым уличался не в противоречиях, а в прямой, осознанной, открытой беспринципности. В другой раз выяснилось, что Розанов, публикуясь под своим именем в консервативной газете, под псевдонимом печатается в либеральной. Скандал вышел страшный, Розанова предлагали отлучить от литературы (не забудем, что в России литература, даже самая сомнительная журналистика, издавна считалась чем-то вроде церкви). На это Розанов отвечал, что он пишет не на гербовой бумаге и мнениям своим силы закона не придает, поэтому и волен говорить сегодня одно, а завтра другое. Дело не в том, что Розанов менял свои взгляды и убеждения — как это не раз делал нападавший на него Струве, — дело в том, что он их просто не имел и не считал это преступлением, даже недостатком, скорее, напротив, достоинством. В самом деле, что плохого, если человек способен одновременно вжиться в психологию русского монархизма — и дать сочувственный портрет Троцкого в 1905 году?

Он писал об этом так:

”Явно, что когда *лично* и персонально все партии сольются ”в одной душе” — не для чего им и быть как *партиям*, в *противолежании* и в *споре*... Партии исчезнут. А когда исчезнет их сумма — исчезнет и политика, как *спор*, *вражда*. (...)

Вот и поклонитесь все Розанову за то, что он, так сказать, ”расквасив” яйца разных курочек, — гусиное, утиное, воробьиное — кадетское, черносотенное, революционное, — выпустил их ”на одну сковородку”, чтобы нельзя было больше разобрать ”правого” и ”левого”, ”черного” и ”белого” — на том фоне, который по существу своему ложен и противен... И сделал это с восклицанием:

— Со мною Бог.

Никому бы это не удалось. Или удалось бы притворно и неудачно; ”удача” моя заключается в том, что я в *самом деле* не умею здесь различать ”черного” и ”белого” (...)

Это розановский вариант плюрализма, когда многообразие мнений не разверстано по головам (”ум хорошо, два лучше”), а сосредоточивается в одной голове. Розанов — это как бы русский парламент, состоящий из единственного, но весьма разностороннего и говорливого депутата.

Бердяев говорил, что Розанов переживает физиологию как мистику, что чтение Розанова противопоказано всякому закалу души, что Розанов — это папаша Карамазов, сделавшийся литератором. Казалось бы, это так же далеко от ”американизма”, который я хочу усвоить Розанову, как Детройт от Ельца. Вспомним, однако, что Есенин назвал Америку ”железным Миргородом”. Провинциальность Америки бросается в глаза. Но, как я уже говорил, для Розанова провинция — это не маргиналии, а основной текст, корни, а не цветочки. Детройт, безусловно, не похож на Елец (и неясно, что хуже), но американец, садясь в автомобиль, норовит как можно полнее раздеться. При всей своей технизированности, Америка — страна, в высшей степени сохранившая свою телесность.

Я бы назвал это качество здешней жизни наиболее заметной манифестацией американской демократии. Здесь никто не стыдится своего тела — не в силу ”равенства” — меньше всего соблюдаемого природой как раз в физической организации людей, — а в силу того, что в демократии, американской особенно, ослаблено понятие *нормы*. Кому еще, кроме американцев, пришло бы в голову устроить олимпийские игры калек? Нет,

кажется, в Америке ни одного офиса, в котором бы не красовалась на видном месте парадная фотография обезьяны — животного, на мой взгляд, исключительно уродливого. Кто-то из наших написал, что советская космическая программа вызывала лучшие чувства, чем американская, потому что русские запускали в космос симпатичных собак, а не уродливых обезьян. Но американцы любят обезьян и не отвращаются калечеством калек. Вот так же папаша Карамазов считал, что не существует "неинтересных" женщин, что "мовешки и вьельфильки" хороши на свой лад. Давно усвоивший фрейдизм, я все же поражаюсь легкости, с которой на американских телеэкранах произносятся слова "менструация", "оргазм", "пьюбек хэр" (pubic hair). Именно в одной из телепрограмм "Дикая Америка" я узнал, что "пинис" хряка действительно имеет винтообразную форму; откровенно говоря, раньше я считал такое утверждение неприязнительной сексуальной шуткой — и не связывал с известным глаголом американского слэнга никаких зооморфологических ассоциаций.

Нужно ли здесь напоминать, что понятие нормы связано с репрессией половых влечений человека? что нормативная культура — то есть культура как таковая — по определению репрессивна? Необходимо, однако, подчеркнуть еще и еще раз, что конечное задание демократии, ее провиденциально-историческое назначение состоит именно в попытке создания нерепрессивной культуры. В этом смысле Розанов — крупнейший *демократический* мыслитель, потому что он был пророком этой нерепрессивной культуры, создаваемой на раскрепощении пола.

Телесная провинция викторианской культурной империи была возведена Розановым в ранг важнейшего имперского центра.

Ц Розанова есть статья о социализме под названием "Где истинный источник борьбы века?" Это рецензия на памфлет Льва Тихомирова, русского социалиста-рэнгата. Розанов хотел защитить социализм от нападок конвертированного монархиста Тихомирова, он говорил, что социализм находит бесспорное психологическое обоснование в том феномене, который теперь принято называть отчуждением и который описывался Розановым так: современный мир характеризуется "смещенностью всякого почти человека в этот век с живого места на земле, в которое он хотел бы и не может врази прочным интересом, понятным трудом, постоянной привязанностью. (...) Руки каждого в наши дни, его заботы, внимание, мысль приложены не к объектам, с ним кровно или человечески связанным, а к иным и далеким".

И далее Розанов говорит, что интимный мотив социализма выражен в библейском стихе: "Нехорошо человеку быть одному". Русские славянофилы, ближайшее родство с которыми, безусловно, обнаруживает Розанов, говорили о "живой теплоте родственной связи" как идеале общественного устройства. Так же Розанов видел социализм, его — скорее бессознательную — установку. Мы тут должны иметь в виду, что в то время (статья была написана в 90-е годы прошлого века) понятия "социализм" и "демократия" разделялись не очень четко, что как раз в эти годы они объединялись в одном — "социал-демократия". То, что Розанов говорил о социализме, следовало бы сказать о демократии, о задании демократической культуры. Будучи одним из порождений индустриального общества (другое его порождение — как раз тоталитарный социализм), демократия, в то же время, дает некое противоядие этому обществу, этой индустриальной цивилизации: в той своей установке, которую мы выше назвали тенденцией к созданию нерепрессивной культуры. И одним из действеннейших средств к этому созданию стала пресловутая сексуальная революция. Читатель Розанова будет последним человеком, склонным сводить тему сексуальной революции к упадку нравов: для него таковая — это скорее инстинктивный ответ человека на давления и напряжения, создаваемые индустриальным обществом. Задание тоталитаризма, до конца доведшего логику индустриальной цивилизации (см. "Диалектику Просвещения" Хоркхаймера и Адор-

но), будет прямо противоположным: "мы уничтожим оргазм" ("1984"); тоталитаризму опасен витальный бунт орвелловской Юлии.

Интерес Розанова к вопросам пола, собственно и создавший на девять десятых (скандальную) славу этого писателя в России, оказывается, таким образом, не причиной индивидуального вкуса, а разведкой путей будущего человечества.

В американской литературе есть книга, являющая совершенно "розановский" ход мысли. Это "Character and Opinion in the United States" Джорджа Сантаяны. Когда Сантаяна пишет, что американец способен в Лии увидеть Рахиль, когда он, анализируя преклонение американцев перед числом, количеством, усматривает в этом восприятие жизни как живого множества, конкретной полноты, когда он, наконец, заставляет почувствовать в среднем американце поэта, умеющего преображать элементарные реалии бытия в мистирию, — он (Сантаяна) обнаруживает чисто розановскую способность "низкое" видеть "высоким" — и наделяет такой же способностью самих американцев. А такая способность и есть основа демократического мировоззрения. Демократия "поэтична": не как метод политической организации общества, а как образ жизни миллионов так называемых "простых людей". В этом образе жизни ощущается библейская простота. Помимо Сантаяны можно вспомнить Уитмена. Впрочем, Уитмен слишком громогласен для параллели с Розановым, любившим, как вспоминает Бердяев, свои ошеломляющие истины сообщать "на ушко", пришепывая и приплывывая. Вместо "Листьев травы" лучше вспомнить слово *grass-roots*¹: оно лучше всего моделирует мировоззрение Розанова. Опыт современной демократии — американской в особенности — обнажает устарелость известного славянофильского клише: о легализме и формализме западной жизни.

В русском языке соответствующий *grass-roots* эквивалент "обыватель" многолетними усилиями радикальных публицистов был сделан синонимом малодушного пошляка, трусливого конформиста. Когда Сантаяна — в том же сочинении — пишет, что революционеры не любят людей, он, так сказать, переписывает Розанова, умевшего в презренном обывателе обнаружить не то что живую душу, но и нечто большее: укорененность в строе бытия, в космосе, в Боге.

Ни Нагорная проповедь, ни даже моисеево Десятисловие не вдохновляют Розанова так, как другой завет Бога: плодитесь и заселяйте землю. Розанов говорил, что хотел бы видеть весь мир беременным. Ему понравились бы в сегодняшней Америке беременные школьницы: он писал ведь, что хотел бы переженить гимназистов с гимназистками, не выдавал бы без этого "аттестата зрелости". И никакой *planned parenthood*².

Бердяев назвал Розанова "мистической бабой", а одну из статей о нем озаглавил: "О вечно бабьем в русской душе". Естественное состояние Розанова — "млеть", у него совсем по-бабьи подгибаются коленки, когда он видит больших кавалеристов на больших лошадях. Что тут американского? Да *демократия*, сделавшая из нации "одиноких ковбоев" и "трагических гангстеров" — жалостливых баб. Мир погибнет от жалости, писал Розанов.

"Европейская цивилизация погибнет от сострадательности.

Как Греция — от софистов и Рим — от "паразитов" (прилебателей за столом оптиматов).

Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния: и в конце времен злодеи разорвут мир (...)

¹ В американском английском языке — обозначение рядовых людей, массы (букв. "корни травы"). — *Ред.*

² Здесь: контролируемой рождаемости. — *Ред.*

(...) собственно не от сострадательности, а от лжесострадательности... В каком-то *изломе* этого... Цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых, "на роду написанных", на которых "все тесто взошло"... В Греции это был ум, софия, в Риме — *volō*, "господствую", и у христиан — любовь. "Гуманность" (общества и литературы) и есть ледяная любовь.

Смотрите: ледяная сосулька играет на зимнем солнце и кажется алмазом.

Вот от этих "алмазов" и погибнет все..."

Америка, Запад — переняли русский, розановский стиль. А "мистическая баба" Россия выступает ныне в роли "трагического гангстера". Это и есть "конвергенция", так страстно жаждавшаяся поколениями советологов. Коммунизм в России стал способом очень грубой вестернизации. Русская баба перестала родить; и это не только в каком-то аллегорическом, а в самом прямом смысле, — не только падение рождаемости, но и "кризис советского сельского хозяйства". Сама земля перестала родить. Из русской жизни ушло женское, "влажное" начало. Доказательство еще одно (для Розанова оно было бы важнейшим): из России бегут евреи.

Рославленный антисемитизм Розанова — миф. Он упоен, опьянен еврейством. Евреи у него — "народ, догадавшийся о святом в брызге бытия". *Wet shot*, как говорят американцы. Не об антисемитизме Розанова следует говорить, а об его идентификации с евреями: в евреях он увидел тех же "баб" (десятки текстов). Еврейство для Розанова — материнская утроба мира. Его антисемитская репутация основывается главным образом на книге статей "Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови", в которой он доказывал, по поводу дела Бейлиса, что евреи действительно употребляют кровь христианских младенцев. Тут нужно понять розановский психологический выдерг: ему эти гипотетические жертвоприношения *нравились* — доказывали ему подлинно религиозную природу еврейства, демонстрировали его, еврейства, глубинные бытийные корни. Розанову не нравились современные евреи, биржевики и газетчики, а "резники", наоборот, восхищались. Еврейский ум, писал Розанов, страшно преувеличен, в еврействе нужно видеть не духовность в первую очередь, а телесность — или душевность, "пар". И в русской революции, которую он застал, но не пережил (умер в начале 1919 года), — Розанов винил не "жидо-масонство", а христианство:

"Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Все потрясены. Все гибнут, все гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания".

И если еврейство ("древнее содержание души") — это не нация, а религиозно-половой союз народа с Богом — в котором народ, евреи, играет роль женского начала, — то в христианстве, в тех же сексуальных терминах, Розанов выдвигает на первый план — безбрачие, "девство", "иночество". В книге о христианстве "Люди лунного света" он утверждает, что психологическая реальность, скрывающаяся за христианством, — гомосексуализм, что подлинны христиане — это сублимированные содомиты. Градусы розановской антихристианской ненависти понижаются на пути от самого Христа к социоморфным образованиям религиозно-церковной жизни: церковь, храм — лучше религии, свечка перед иконой лучше иконы, поп, "батюшка" — лучше культа. В русском православии Розанов любил его бытовую сторону: служба, праздники, поп за столом, уставленным большими осетрами. Розанов любил не догму, а стиль. У Лескова ("Заячий ремиз") есть гурман-архиерей, любящий "уху из печени разгневанных налимов": перед тем, как отправить налима в котел, его держат в садке и секут розгами; налим гневается, и у него раздувается печень. Вот это и есть то, что Розанов принимал в русском православии. У Толстого в "Войне и мире" великосветский балбес Ипполит Курагин

носил панталоны цвета тела испуганной нимфы. Русское духовенство, как видим, не отставало от аристократии в своей стилистической изысканности.

Это и был подлинный русский стиль, утраченный в коммунизме. Говорить о "русском коммунизме", как это делает Бердяев, о его национальных "истоках и смысле" — недоразумение. Коммунизм — очень грубая вестернизация России, внедрение в нее "культуры", понятой как чистая доминанция, тотальная репрессия. Остается открытым вопрос: считать ли христианство моделью репрессивной культуры? Высказывалась мысль (тем же Бердяевым), что сама техническая цивилизация, превратившая Россию в одну бесплодную "машинно-тракторную станцию", укоренена в христианстве. В схемах Розанова, таким образом, коммунизм можно понять как некое иссушающее и обеспложивающее "девство", нарушившее любовно-брачные отношения человека и земли, как некий мистический "гомосексуализм". Об этом же была написана одна великая книга советской литературы: роман гениального "байсека" Андрея Платонова "Чевенгур".

Куда же из бесплодной России бегут любимые розановские евреи? Они бегут в Америку — и, должно быть, оказывают "увлажняющее" влияние на эту страну. Америка продолжает плодоносить, хотя евреи, как известно, не сеют и не пашут. Еврейская раса — это люди, все еще сохраняющие автономию среди автомобильных стад. Этому не противоречит тот общеизвестный факт, что американские абортарины громят в основном потомки религиозно озабоченных протестантов. Не будем входить в анкетные тонкости относительно национальности и вероисповедания: в любом случае Америку создали люди, способные начать с нуля. Но это и есть "еврейство" — как всеобщая характеристика человеческого проекта. Америка — интернационал евреев всех наций. Розанов — "американец", потому что он "еврей". Русская культура должна была подвергнуться диаспоре и искоренению в собственной стране, чтобы доказать свою прославленную "всечеловечность". ●

Семен ЧЕРТОК (Иерусалим)

НЬЮ-ЙОРК ДОСНИМЕМ В ОДЕССЕ...

1. Призрак Европы

С произведений о гибнущем капиталистическом Западе начиналось советское кино. Кино выполняло известный нам в передаче Луначарского завет Ленина о "художественной пропаганде наших идей в форме увлекательных картин", которые должны "бичевать у нас или в жизни чужих классов и зарубежных стран" все, что противоречит этим идеям (сборник "Самое важное из всех искусств", М. 1963, стр. 125). Другими словами, экран должен был в форме игровых киносюжетов пропагандировать партийные лозунги о классовой борьбе и революции. Бичуя ненавистный капитализм, кино внушало зрителям уверенность в том, что они живут в единственной на свете счастливой стране, где нет того, что они видят в фильмах о Западе: безработицы, экономических кризисов, бесправия, угнетения, эксплуатации человека человеком, где не приходится жить в трущобах, есть баланду, стоять за продуктами в длинных очередях...

Авторы не боялись, что их уличат во лжи. Фильмы снимались исключительно для внутреннего употребления, особой достоверности не требовалось: и зрители, и сами кинематографисты были отрезаны от заграницы, не знали ее, за пределы страны картины за редким исключением не попадали.

В 1928 году Григорий Рошаль поставил фильм "Саламандра". Его соавтором по сценарию был А. Б. Луначарский, который сам снимался в картине в роли министра просвещения советской республики. Сюжет состоял в том, что некий прогрессивный австрийский ученый, преследуемый фашиствующими мракобесами, находил поддержку в рабоче-крестьянском государстве. Борьба рабочих-нефтяников Латинской Америки против власти капитала — тема киноленты Абрама Роома "Привидение, которое не возвращается" (1930). Большая Советская энциклопедия не колеблясь относит ее к числу крупнейших произведений советского кино. Можно назвать целый ряд изделий этого формата. Восставшие крестьяне Персии кетменями встретили отряд карателей — английских колонизаторов ("Дочь Гиляна" Л. Мура, 1928). Американские расисты преследуют негров ("Черная кожа" П. Коломийца, 1931). Восстание моряков английского флота (в фильме В. Брауна "Королевские матросы", 1934.).

Но определенность места действия сковывала творческую фантазию авторов полотняных легенд, и самые ловкие быстро сообразили, что от плаката многого не требуется. Режиссер И. Перестиани в "Двуногих" (1926) показывает безработных вообще. В картине И. Трауберга "Для вас найдется работа" (1932) стачка рабочих происходит в некотором абстрактном капиталистическом государстве. В "Первой любви" Б. Шрейбера у коммунистов-подпольщиков нет ни одного признака, указывающего на национальность, на город или страну, где они живут. Одинаково загримированы, сняты в почти тех же декорациях, одеты в такие же брюки-гольфы, краги, кепи — условный костюм иностранца, — с обязательной трубкой в углу рта, персонажи и "Первой любви", и кинодрамы В. Шмидтгофа "Флаг нации" (1929), и комедии А. Иванова "Женитьба Яна Кнукка" (1933). Агитационные задачи большего не предусматривали. Титры оповещали публику: "Действие происходит в одном из европейских государств" или "в одной из капиталистических стран". А. Бучма аннотировал свой фильм "За стеной" (1928) так: "Духовная драма писателя одной из буржуазных стран". В фильме "Глазами Андозии" (1926) Д. Бассальго показан "революционный Восток" вообще: крестьяне не то в чалмах, не то в тюрбанах, колонизаторы в шлемах.

Впрочем, в иных случаях указывать место действия не возбранялось. Желающих откликнуться средствами игрового кино на очередную газетную кампанию, резолюцию Исполкома Коминтерна, речь руководителя на пленуме ЦК ВКП(б) и т. п. оказывалось больше, чем постановочных возможностей кинофабрик. Тогда экран наводняли фильмы о революционной ситуации на Дальнем Востоке или в Германии, зрителям показывали поднимающийся против империалистов китайский народ ("Четыре миллиона" В. Гардина, 1928; "Голубой экспресс" И. Трауберга, 1929), революционных докеров ("Гамбург" В. Баллюэка по роману Ларисы Рейснер, 1926), горняков Рура ("Атака" Г. Тасина, 1932), рыбаков ("Восстание рыбаков" Э. Пискатора по роману Анны Зегерс, 1930), несчастных девушек из пролетарских семей ("Конвейер смерти" И. Пырьева по сценарию В. Гусева и М. Ромма, 1933), обездоленных пролетарских детей ("Фриц Бауэр" В. Петрова, 1930; "Рваные башмаки" М. Барской, 1933), безработных, хозяев, забастовщиков, штрейкбрехеров, полицейских, "социал-предателей" и борцов Коминтерна.

Постепенно совершенствуясь, примитивное пропагандистское кино усваивало и приемы примитивной развлекательности: классовые лозунги и революционные легенды облекались в форму стандартного занимательного кинозрелища с простеньким авантурным сюжетом. На таком же уровне экранизировались и проникнутые мнимым или действительным антикапиталистическим пафосом книги популярных зарубежных писателей, таких как Эдгар По ("Призрак бродит по Европе" В. Гардина, 1922), Джек Лондон ("Кто ты такой?", другое название "По ту сторону щели", Ю. Желябужского, 1927), Эптон Синклер ("Джимми Хиггинс" Г. Тасина, 1928), и творения в ту пору еще не маститых советских авторов: Алексея Толстого ("Аэлита" Я. Протазанова, 1923), Маритты Шагинян ("Мисс Менд" Ф. Оцепа, 1926), Льва Никулина ("Дипломатическая тайна"

Б. Чайковского, 1923). Предлагалась ли нетребовательному "пролетарскому зрителю" экранизация Александра Грина (фильм "Последняя ставка мистера Энниока" В. Гардина, 1922) или ныне забытого С. Лазурина, результат был в общем один и тот же.

Лента режиссера Виктора Турина "Борьба гигантов" по одноименному роману Лазурина (1926 г.) сохранилась. В ней соблюдены все каноны жанра, установленные агитпропом двадцатых годов для фильмов на заграничную тему: молодая работница, падающая в обморок от голода прямо на улице, рабочий-революционер, приводящий ее в чувство, сластолюбивый и жестокий заводской мастер, фабрикант и его распутная дочка, эротически-экономическая интрига, массовые увольнения и забастовки доведенных до отчаяния рабочих, лукулловы пиры эксплуататоров и в финале — вооруженное восстание, перерастающее в революцию. Ни живых человеческих характеров, ни сколько-нибудь конкретного изображения действительности в картине нет и в помине: топорная прямолинейность принята здесь как условие киноигры, как сознательная задача. Трудно поверить, что среди авторов этих лент были высокоталантливые постановщики: Я. Протазанов, В. Петров, В. Гардин, Ю. Желябужский, тот же В. Турин. Кто признал бы в экранизации новеллы Стефана Цвейга "Амок" ("Закон и долг", 1927) выдающегося режиссера театра и кино Константина Марджанова (Марджанишвили)? Его биограф К. Церетели называет фильм "остро-публицистическим, остро-социальным, плакатным", а в другом месте даже "острым и плакатным", полагая, очевидно, что делает режиссеру комплимент. Впрочем, и Церетели замечает, что некоторые отсутствующие у Цвейга коллизии фильма "надуманы и чересчур прямолинейны". (Подробнее об экранизациях зарубежной литературы в советском кино 20-х годов можно прочесть в работе М. Черненко "Виктор Турин", сборник "20 режиссерских биографий", М. 1978.)

Фильмов в этом роде выходило столько, что можно говорить об особом "революционно-заграничном" жанре, который сложился в двадцатые годы, достиг апогея на рубеже двадцатых и тридцатых и постепенно угас в первой половине тридцатых. Мировая революция не состоялась, а в стране, на которую возлагали наибольшие надежды, — Германии — к власти пришли нацисты. После этого "заграничной" стала антифашистская тема ("Борцы" режиссера Г. Вагенхайма, 1936; "Болотные солдаты" А. Мачерета, 1938; "Профессор Мамлок" Г. Рапопорта и А. Минкина, 1938; "Борьба продолжается" В. Журавлева, 1938; "Семья Оппенгейм" Г. Рошала, 1939).

Образ врага, этот непреходящий атрибут советского кинематографа, облекся в новые одежды: внешний противник в будущей войне, внутренний классовый враг в историко-революционных картинах, снимавшихся и прежде, но особенно часто с середины 30-х годов, наконец, пособники тех и других в бесчисленных лентах о шпионах, диверсантах, вредителях. Количество врагов народа соответствует размаху террора, но они никогда не исчезают с экрана, а лишь приспособливаются к новым агитационным задачам.

2. Ленин в Париже, Герасимов в Мексике

Вторая мировая война изменила тематику и метод. Ассортимент образов советского кино обновился. В послевоенные годы забастовщиков и революционеров сменили борцы за мир, капиталист-эксплуататор слился с образом поджигателя войны. Теперь средоточием зла стала Америка: ее президенты, генералы, политики, разведчики. Экран и здесь оказался самым важным из искусств. Никакое другое искусство не участвовало с таким упоением, с такой оголтелостью в холодной войне, как кино. Достаточно назвать памятные всем ленты: "Встреча на Эльбе" Г. Александрова (1949), "Секретная миссия" М. Ромма (1950), "Серебристая пыль" А. Роома (1953).

Хотя задачи киноискусства по сути не изменились, от кино стали требовать известного правдоподобия. Миллионы людей своими глазами увидели реальную границу,

и показывать ее по-старому было уже невозможно. Первое время кинематографистов выручали присоединенные перед войной территории: живописные уголки старого Вильнюса, старая и новая Рига, средневековый Галлин, Львов с его архитектурой времен австро-венгерской монархии. Все это на экране стало Западом — не только Европой, но даже Америкой. Очень скоро у операторов появились излюбленные ракурсы, из фильма в фильм переходили все те же улицы, площади, целые панорамы.

Однако время идет, и после смерти Сталина все больше советских граждан получают возможность побывать за границей. Советские фильмы хотя и редко поступают в иностранный прокат, но демонстрируются на международных фестивалях, в посольствах и клубах, во время недель советского кино за рубежом. Идеологическая роль кино усложняется. Контрпропагандистские "западные" сюжеты нуждаются в более убедительном оформлении; по крайней мере часть эпизодов надо снимать там, где происходит действие. Крупные планы по-прежнему снимаются в студии, зато средние — не только в Риге и Львове, но и в Праге или Будапеште, а общие, пусть редко и с минимальным количеством актеров и реквизита, даже на "настоящем" Западе.

Сложилась особая иерархия деятелей советской кинематографии: в зависимости от того, куда и на какой срок "выпускают" режиссера, выпускают ли его вообще, можно судить о его месте и влиянии в системе государственного киноискусства. С. Бондарчук, Ю. Озеров, С. Росточкин, Е. Матвеев не встречают на этом пути никаких препятствий. Недавно скончавшийся С. Герасимов, удостоенный всех возможных наград и титулов (член ЦК, депутат, лауреат, народный артист, секретарь, худрук, доктор наук и пр.), вместе с женой полетел в Мексику для съемок одного эпизода в картине "Градостроители" (1973), действие которой происходит в советском Заполярье; можно предположить, что вельможному режиссеру попросту захотелось совершить вояж за государственный счет в экзотическую страну. Была придумана вставная сцена: герой попадает в Мексику туристом и смотрит панно Сикейроса. Картина "Ленин в Париже" дала возможность режиссеру С. Юткевичу и сценаристу Е. Габриловичу устроить для себя комфортабельное путешествие во Францию. Ветеран сталинского кинематографа Г. Александров снимал свой последний фильм "Скворец и Лира" (1973) в Швейцарии и ФРГ, где совершали свои подвиги герои картины — советские разведчики под кличками Скворец и Лира. Престарелый классик советского кино привез из экспедиции такую немислимую абракадабру, что картина была забракована — не из-за идейных пороков, а по причине полной технической и художественной несостоятельности. Режиссер Ю. Райзман, поставивший в это же время фильм "Визит вежливости", еще не успел получить звание Героя Социалистического Труда и занимал на иерархической лестнице место чуть ниже. По ходу действия советский военный корабль заходит в иностранный порт. Геную разрешили снять частично на месте, но в основном — в Севастополе; американский линкор был снят в Средиземном море, зато Помпеи соорудили в павильоне "Мосфильма". Картина "Посол Советского Союза" снималась режиссером Г. Натансоном не в Швеции, где происходит действие, а в Праге. Для съемок фильма "Черное солнце" (1973) об Африке режиссера А. Спешнева за границу не пустили вообще, а прислали в Минск для массовок студентов университета имени Лумумбы в Москве. В киноискусстве, где изображение реально, где заметна разница даже между бутафорским и настоящим мечом, между подлинной избой и самым искусным макетом, любая неточность, приблизительность, фальшь разрушает художественный образ, но советские критики об этой стороне фильмов не пишут; всем понятно, что экранная граница — липа, причем виной этому не постановщики. Но когда вынужденные ограничения оказываются помноженными на бездарность сценариста, умолчать об этом невозможно. О сделанной В. Басовым четырехсерийной экранизации романа В. Кожевникова "Щит и меч" критик В. Ревич писал: "Какая-то уж слишком условная обстановка, уж слишком навязчивые детали, призванные символизировать западный быт" ("Экран 1968—1969", М. 1969, стр. 143).

Для съемок фильмов о гражданской войне в Испании и вообще об этой стране препятствием якобы служил франкистский режим, — якобы, так как на самом деле испанские границы были открыты и при Франко. Получить для киносъемок въездную визу не составляло труда. Но об этом не знали не только советские зрители, но и сами кинематографисты. Режиссер И. Хейфец, автор ленты "Салют, Мария!" (1971), объяснял в одном из интервью: "Мы не могли рассчитывать на съемки в Испании и сразу отказались от конкретного пейзажа, доподлинной фактуры. Решили взять среднеевропейский пейзаж, конечно, прибегая к декоративным элементам". Поэтому Мадрид снимался во Вроцлаве и Кракове. Задача была скромной — главное, чтобы улицы не напоминали примелькавшиеся городские пейзажи других картин: "В нашей картине зрители не должны были узнавать города, знакомые по многим отечественным картинам". Таков был этот "среднеевропейский пейзаж" ("Экран 1971—1972", стр. 110). Другой постановщик, Э. Лотяну, в ленте об испанской гражданской войне "Это мгновение" (1970) хотел все-таки, насколько это было возможным, избежать липы: "Мы не могли снимать в Испании, но мы понимали, что без этой выжженной солнцем земли не получился бы правдивый фильм. В поисках этой земли снимали в Черновцах и Судаке, Коктебеле и Керчи, Телави и Львове, Калининграде и Киеве" ("Экран 1969—1970", стр. 108). В картине много испанской речи, песен под гитару. Чего в ней совершенно нет, так это испанской земли, самой Испании.

Нечто подобное, впрочем, было свойственно и западным фильмам на русскую или советскую тему, и с некоторых пор все более или менее солидные иностранные киногруппы стремятся снимать "русские" эпизоды в местах подлинных событий. Для идеологического и организационного контроля за такими группами в 1969 году была создана особая организация "Совинфильм". Она предоставляет производственные услуги и получает валюту с зарубежных кинокомпаний, ведущих съемки в нашей стране; она же организует для советских киногрупп съемки за границей. Это сделало кинематографические профессии в СССР еще более престижными: легче — если, конечно, повезет — стать "выездным". Чуть ли не в каждой заявке на сценарий появляется "разоблачительный" зарубежный эпизод, не говоря уже о целых сюжетных линиях. Однако кинематограф перестал попевать за политической конъюнктурой: по сравнению с двадцатыми и тридцатыми годами он стал медлительнее и неповоротливее, и до начала семидесятых в нем почти отсутствовало то, что теперь называют "политическими фильмами".

В семидесятые и в начале восьмидесятых годов можно было заметить, как постановщики набросились на чилийскую тему. Она считалась одновременно острой и безопасной: дружбы с Пиночетом не предвиделось. Появились "Кентавры" и "Это сладкое слово — свобода!" В. Жалаквявичуса, "Ночь над Чили" и "Санта Эсперанса" С. Аларкона. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О дальнейшем развитии советской кинематографии" (май 1984 года) говорилось: "При заметных успехах кино- и телепублицистики на международную тему еще мало художественных фильмов, которые вскрывали бы сущность современного империализма, помогали разоблачению идеологического противника". Указание было принято к сведению — и "зарубеж" вновь зацвел на экране пышным цветом: "Победа", "Европейская история", "Тайна виллы Грета", "Две главы из семейной хроники", "Две версии одного столкновения". Остановился на нескольких типичных образцах этой продукции.

...В международных водах столкнулись советское судно "Березина" и американский танкер "Уайт стар". Танкер затонул, почти весь экипаж погиб. Американцы обвиняют советского капитана и предъявляют судебный иск. Дело спасает юристконсульт советского пароходства Екатерина Кравченко: у нее есть доказательства, что столкновение было преднамеренным, его задумали и осуществили хозяева судовой компании совместно с ЦРУ. Судовладельцы — чтобы поправить свои финансовые дела, а деятели ЦРУ

— непонятно для чего, из ненависти к нашей стране или просто потому, что их длинные руки участвуют во всем дурном, что происходит на свете.

Не рассчитали они одного — что им придется встретиться с Екатериной Кравченко, настоящим советским человеком. (Ее роль играет актриса Жанна Прохоренко — единственный участник съемочной группы, кого искренне жаль. Куда девалась обаятельная, лукавая и сердечная героиня фильмов "Баллада о солдате", "А если это любовь?", "Женитьба Бальзамина"?). Кравченко, образец советской "деловой женщины", решительно разоблачает шантаж американцев. Оказывается, перед аварией "Уайт стар" зашел в какой-то порт, нефть была продана, а теперь за нее требуют компенсацию. Даже прожженным агентам ЦРУ нечем крыть. Но конфликт этим не исчерпывается. Приглашенный советской стороной американский адвокат Юджин Богарт подозревает, что в переданном юрисконсульту пакете спрятано подрывное устройство. Толкнув Екатерину Ивановну на диванчик, он самоотверженно закрывает ее своим телом. Тревога оказалась ложной. Далее следует пикантная сцена. Екатерина Ивановна спрашивает неравнодушного к ней американца: "Ну, и долго вы намерены так на мне лежать? Мне же неудобно. И потом, мы с вами не одни!.."

Еще раз диванчик появляется, когда смазливой сотруднице ЦРУ по имени Нэнси поручают скомпрометировать Екатерину Ивановну — обвинить ее сына Витю, радиста другого советского парохода, в попытке изнасилования... Словом, в картине старательно собраны все "заграничные" штампы, начиная от вполне идиотского сюжета и кончая речью действующих лиц. В уста Богарту вложены выражения "черт бы тебя побрал" и "мать вашу так", капитан-итальянец то и дело восклицает: "О, мама мия!", американский радист говорит советскому капитану "хэллоу, кэп!", а Екатерина Ивановна все время жалуется на "этих парней из Лэнгли". Все это пошло варили на Одесской студии сценаристы В. Авлошенко и Ю. Гаврилова, режиссер В. Новак и художник М. Безчастнов. Похоже, что кинематографическое начальство догадывалось о ценности картины, — валюту для заграничных съемок не отпустили. На экране бросаются в глаза явно сухумские пальмы. Одесский колорит изрядно портит впечатление от экранного Нью-Йорка. Американский отель снят в Центре международной торговли на набережной Москвы-реки, — впрочем, в этом Центре снимается теперь большинство "заграничных" фильмов, как прежде в гостинице "Интурист" на улице Горького или в гостинице "Ленинград" на Неве.

3. "Боже, как хочется на Родину!"

ЦРУ фигурирует в картине "Мы обвиняем", поставленной на Киевской студии имени Довженко режиссером Т. Левчуком по сценарию Б. Антонова и И. Менджерицкого. Сюжет фильма — дело Пауэрса, пилота американского разведывательного самолета, сбитого над Уралом в 1960 г. Фильм претендует на подлинное воспроизведение событий. Игровые эпизоды с Пауэрсом, а также с Даллесом, Эйзенхауэром, генеральным прокурором Руденко перемежаются кадрами хроники: процесс Пауэрса в Москве, остатки его аэроплана, выставленные в Центральном парке культуры и отдыха, генерал Эйзенхауэр в Москве во время войны, Руденко на Нюрнбергском процессе. Голос за кадром бесконечно объясняет исторические обстоятельства, комментирует действие, разжевывает мотивировки поступков действующих лиц. Все то, что кинематограф уже несколько десятилетий учится передавать специфическими для него выразительными средствами, излагается литературным путем, игровые эпизоды заменены беспомощными "картинками" к дикторскому тексту. (Примерно то же произошло в свое время с экранизацией "Войны и мира" режиссера С. Бондарчука, но там дикторский текст как-никак принадлежит Толстому.) Критик журнала "Искусство кино" (1986, № 3) был вынужден при-

знать, что "образ Пауэрса утрачивает психологическую объемность", но этот небольшой недостаток с лихвой компенсируется "публицистической страстностью, разоблачающей агрессивную сущность американского империализма". Об уровне и меткости этого разоблачения можно судить по тому, что Даллес и его окружение сняты в павильонных декорациях, созданных фантазией художника В. Агранова, который, по-видимому, дальше Дарницы никуда в своей жизни не выезжал. А так как иностранных "валютных" исполнителей в советские фильмы не приглашают (за исключением совместных постановок), то все американские персонажи говорят в лучшем случае с прибалтийским акцентом. При этом Пауэрс изъясняется на русском языке, а его родители — по-английски, и голоса их озвучиваются по-русски за кадром. Почему, непонятно, и это лишь одна из многих нелепостей в совершенно фантазмагорическом фильме.

Значительно более ловко поставлен фильм С. Микаэляна "Рейс 222". Прототипы известны: на гастролях советского балета в Нью-Йорке танцовщик не возвращается в СССР, его жена, тоже балерина, сначала присоединилась к нему, а потом передумала. Но картина не о том, почему он остался, а она вернулась, не о сомнениях и колебаниях, не о человеческих судьбах. Политический фильм преследует вполне конкретную цель и потому должен быть прост, даже примитивен; психологию заменяют "провокации". "Рейс 222" повествует о том, как "госдепартамент и спецслужбы США предприняли провокационную попытку помешать возвращению на родину советской балерины", как они "в течение трех суток незаконно задерживали вылет советского самолета, однако благодаря твердой принципиальной позиции наших дипломатических работников провокационная затея провалилась" ("Искусство кино", 1986, № 3).

С. Микаэлян — опытный сценарист и постановщик. Он не пытается реставрировать реалии, — обыгрываются лишь контуры фабулы, все остальное — откровенный вымысел. Иллюзия документальности создается с помощью деталей, не требующих натуральных съемок. Почти все действие происходит в салоне советского пассажирского самолета, макет которого соорудили на студии. У художницы Е. Урлиной хватило вкуса обставить комнату американской иммиграционной службы так, чтобы она не раздражала ни советской конторской убогостью, ни заграничной "красивостью". Удалось более или менее справиться и с аэропортом Кеннеди, и с нью-йоркскими улицами. С формальной стороны картина не раздражает, нет бьющих в глаза нелепостей, чем и достигается поставленная цель — обман так называемого широкого зрителя, на которого рассчитано это произведение. Что же касается содержания, то этому зрителю вовсе не обязательно знать, что "бандитский штурм самолета" с американской стороны с целью захватить балерину — попросту нонсенс.

Судя по "Рейсу" и подобным ему фильмам, политическое кино получило указание быть смелым. Иначе было бы невозможно показывать — впервые на экране — сотрудников "подрывных радиостанций". Этой теме посвящена картина киевского режиссера В. Пидпалого "Канкан в Английском парке". Речь идет о знаменитом Английском саду в Мюнхене, возле которого находится радиостанция "Свобода", где, как сообщает читателям журнала "Искусство кино" некто Марат Власов, "под идеологическим и политическим руководством и финансовой опекой западных спецслужб и прежде всего американской разведки представители реакционных эмигрантских кругов ведут с помощью клеветы и инсинуаций оголтелую идеологическую войну против социалистического мира, отравляя международную атмосферу ядом антисоветизма и антикоммунизма". Фильм напоминает этот трескучий стиль московской прессы. Скажем о нем несколько слов.

Гражданин СССР Максим Рутковский не вернулся из туристской поездки в ФРГ. В Мюнхене живет его двоюродный брат, сын эмигрантов, преуспевающий владелец нескольких ресторанов. Он устраивает родственника в украинскую редакцию радио "Сво-

бода". Мы получаем возможность познакомиться с сотрудниками станции. Это бывшие священники, невозвращенцы, пособники нацистов, изменники-профессора, курсанты диверсионной школы и так далее — внешне респектабельные люди с нечистой совестью. Кинематографический образ кажущейся благопристойности и гнилого нутра решается так: юная танцовщица в украинском национальном костюме демонстрирует стриптиз под народную музыку. Что может нагляднее показать духовный крах эмиграции?

Уровень художественного мышления авторов таков, что невольно начинаешь думать: уж не задалась ли они целью создать пародию на советское политическое кино? Самый отъявленный недруг не мог бы добиться такого эффекта. В фильме "Канкан в Английском парке", в самом деле похожем на канкан, молодой радиодиктор так страдает от угрызений совести, так стыдится текста, который читает в эфир, что прямо у микрофона сходит с ума и, преследуемый сотрудниками службы безопасности, гибнет. Ветеран мюнхенской эмиграции бывший бандеровец Савва женился на молоденькой танцовщице. Танцовщицу избил полиция за участие в демонстрации, и она впала в тихое помешательство. Самого Савву преследуют ужасные видения совершенных им во время войны убийств. Директор украинской редакции получает предложение купить списки бандеровской агентуры, действовавшей в годы войны, и пытается убить подосланного агента, но в дело вмешиваются сотрудники ЦРУ. Без них, конечно, такой фильм обойтись не может. По непонятным причинам одни эмигранты зверски избивают других. Ведутся невнятные и невразумительные диалоги, которые должны создать впечатление темного, преступного мира. Появляются и исчезают таинственные персонажи. Глухонемой телохранитель внезапно обретает дар речи и т. п.

Сам Максим Рутковский тоже, оказывается, не так прост, как мы думали. Он умеет повергает наземь двух головорезов, пытавшихся ограбить несчастную старуху, обводит вокруг пальца администрацию пересыльного лагеря, и уже с самого начала у зрителей не остается сомнений в том, что этот красавец с открытым и умным лицом — не тот, за кого он себя выдает. Но только в финале, когда он получает доступ к какому-то особо секретному архиву редакции, на крупном плане героя звучит его усталый закадровый голос: "Итак, первый шаг сделан... Сейчас главное — не зарываться! Боже, как хочется на родину!" Важность задания заставляет сценариста прощать герою то, что советскому супермену вроде бы и не к лицу: для получения нужной информации он сходит с секретаршей директора украинской редакции, а ЦРУ это важнейшее обстоятельство проглядело. Убогие декорации, допотопный реквизит и псевдозападный гардероб действующих лиц, каким его себе представляют в советской провинции, доводят до предела гротескно-пародийный характер фильма.

Но, кажется, теоретики советского политического фильма видят в этом его достоинства. Кинокритик Р. Соболев ("Искусство кино", 1984, № 11) разъясняет, что картины этого жанра строятся не на столкновении характеров, что в них "бытовые и психологические коллизии могут быть несколько ослаблены", потому что их герои — не что иное, как рупоры идей. Поэтому "то, что для обычной драмы почитается смертным грехом, здесь решительных возражений не вызывает", в таких картинах нужно "отказываться от возможности пользоваться психологическим инструментом". Плоды этой эстетики — у нас перед глазами.

4. Вожделенный Запад

Кино быстро стареет. Политическое кино — с удесyтеренной скоростью. Не только довоенные агитки, но и творения шестидесятих годов в повторный прокат не попадают и на видеокассеты не переписываются. Вместе с тем этот кинематограф бесконечно пережевывает одно и то же, перепевает сам себя. Сегодняшнее поколение зрителей уже не

помнит о том, что американский журналист, прозревший под влиянием передовых советских идей, впервые появился на экране не в фильме Е. Матвеева "Победа" (1985), что аналогичные персонажи были в "Ночи на 14-й параллели" (1972) режиссера В. Шределя, куда они перекочевали, в свою очередь, из ленты А. Столпера "Четвертый" (1971), а началось это шествие еще в 1947 г., в фильме М. Ромма "Русский вопрос". В 1973 году режиссер Ю. Ильенко поставил картину "Белая птица с черной отметиной" о Западной Украине, вставшей под советское знамя. Но более чем за три десятилетия до этого М. Ромм воспел в "Мечте" присоединение к СССР восточных областей Польши, а в начале 30-х годов в фильме "Счастье" постановщик А. Файнциммер показал, как об этом день и ночь мечтают хлеборобы впоследствии "воссоединенных" земель. Недавно автор этой статьи получил сообщение, что ныне в советском кино разрешена тема эмигрантов и, дескать, это неспроста. Но на самом деле тема эта далеко не новая. Б. Светлов в "Карьере Спирьки Шпандыря" с участием Леонида Утесова еще в 1926 году разоблачал "нравы белоэмигрантов". А. Довженко в "Сумке дипкурьера" (1926) воспроизвел советскую версию гибели дипкурьера Нетте, обвинив в убийстве русских эмигрантов. Вредитель-белоэмигрант — центральный персонаж картины В. Фейнберга "Инженер Елагин" (1928). В картине Ю. Желябужского "В город входить нельзя" (1928) белоэмигрантский шпион вернулся на родину с заданием иностранной разведки. Игравший эту роль К. Эггерт сам поставил в 1934 г. картину "Настенька Устинова" о русском рабочем-эмигранте, который возвращается на родину, где его ожидает счастливая жизнь и благосостояние. (Четыре года спустя Эггерт был арестован по обвинению в шпионаже. Он остался в живых, пережил Сталина и умер в 1955 г. вскоре после реабилитации.)

Перечень этих повторений можно продолжить. Упомянутый нами фильм середины 80-х годов "Канкан в Английском парке" по своей беспомощности, пожалуй, превосходит сделанную в 1969 г. режиссерами А. Аловым и В. Наумовым экранизацию романа Мих. Булгакова "Бег"; но и там Константинополь снимался в Судаке, характеры эмигрантов варьируются в диапазоне между пьяницей и палачом. И нужно было потерять всякое чувство юмора, полностью утратить представление о действительности, чтобы послать на Венецианский фестиваль 1962 года произведение С. Герасимова "Люди и звери". Кинорассказ о судьбе бывшего советского офицера, оставшегося после плена за границей и вернувшегося после долгого отсутствия на родину, — сюжет, задуманный как драма, — обернулся буффонадой с нелепыми фабульными ходами, фальшивыми ситуациями и достаточно искусственной игрой актеров. Опустившийся эмигрант князь Львов-Щербацкий в исполнении самого Герасимова был перенесенной на экран газетной карикатурой Кукрыниксов тридцатых годов.

В 1929 г. в ленте "Экспонат из паноптикума" режиссер Г. Стабовой пытался показать советскую действительность глазами вернувшегося в СССР белоэмигранта, но картина не увидела света: начальство нашло ее чересчур откровенной. Этой оплошности сумели избежать О. Гвасалия и А. Стефанович. Герой их фильма "Вид на жительство" (1972) остался на Западе, устроился, встретил подругу жизни. Однако любовь к родине все превосходгла. Вариации на эту тему крутятся чуть ли не на всех студиях — от Прибалтики до Средней Азии.

Пожалуй, лишь одна "западная" тема — судьбы советских военнопленных, бежавших из плена и сражавшихся в партизанских отрядах во Франции, Бельгии, Италии, Югославии или создавших подпольные ячейки в самой Германии, — отличается относительной новизной. Она появляется с конца 50-х годов ("На дальних берегах" Т. Таги-заде, 1959; "Альпийская баллада" Б. Степанова, 1966). Разумеется, зрителю не сообщают о том, какова была подлинная судьба героев — героев в полном смысле слова — после того, как война закончилась и они возвратились: со стандартным приговором "измена родине" все они угодили в лагерь. Погибшие, которым тоже посвящаются фильмы, — такие как генерал Карбышев или татарский поэт Муса Джалиль, были вначале тоже объ-

явлены предателями, и семьи их пострадали. Культ войны в советском кино поощряет новое обращение к этой теме — и с теми же умолчаниями. Для вельможных режиссеров это еще один повод совершить вожделенный вояж в капиталистический мир.

Но вот что любопытно: образ Запада в представлении сценаристов, постановщиков, операторов изменился. Забастовки, трущобы и рваные башмаки "заграничной" кинопродукции двадцатых и тридцатых годов исчезли. Теперь Запад на советском экране одновременно и ужасен, и неотразимо привлекателен. Как бы ни были коварны дельцы Уолл-Стрита и заправила военно-промышленного комплекса, это все равно прекрасный и яркий мир, которым откровенно любят кинематографисты, а вслед за ними и зрители; с некоторых пор подробности быта, фон, на котором происходит действие, — мир изобилия и изыска, современного сервиса, подаваемого как нечто само собой разумеющееся и столь непохожее на трудный, неустроенный, изматывающий советский быт, — привлекают особо пристальное внимание в ущерб самому действию и фальшивому сюжету. Только в зарубежных эпизодах советских фильмов увидишь сразу так много сексапильных блондинок с тонкой талией, такое разнообразие напитков в баре, блеск рекламы и длинные лимузины. Кадр заполняется "от обратного" — тем, чего нет или не хватает в СССР. Реквизиторы, портные, костюмеры, художники, архитекторы дают волю фантазии, но экран демонстрирует не реальный Запад, не подлинный мир, а зависть к этому миру — "комплекс заграницы" советского человека, мир, где все лучше. Как и в былые времена, иностранной жизни создатели фильмов не знают, снимать и сниматься за границей им не дают, но если в двадцатые и тридцатые годы эта жизнь проходила исключительно на задворках, то теперь она предстает чуть ли не во дворах.

Идейная, идеологическая, а значит и художественная клюква — сконструированный сюжет, немыслимые на Западе характеры, неправдоподобные ситуации, однозначная мораль, — нуждаются в том минимуме визуальной достоверности, при которой экранный Нью-Йорк не должен напоминать Одессу, а столицы восточных государств — Симферополь. Однако партийные требования к киноискусству неизменно сталкиваются с политическим и полицейским недоверием к кинематографистам, которые становятся обычными советскими гражданами, когда дело касается командировки за границу — хотя бы и для выполнения ответственного идеологического кинозадания. Но, может быть, опасения КГБ имеют под собой некоторое основание, если вспомнить, сколько деятелей отечественного кино правдами и неправдами покинуло Советский Союз: среди них — режиссеры А. Тарковский, М. Калик, Ю. Герштейн, Г. Габай, Б. Фрумин, И. Ельцов, М. Богин, Я. Бронштейн, операторы А. Кольцатый, М. Суслов, Б. Белокопытов, Ю. Сокол, сценаристы Ф. Горенштейн, В. Аксенов, А. Галич, Г. Владимов, Ф. Кандель, актеры С. Крамаров, Л. Круглый, Ю. Панич, Э. Севела, В. Федорова, О. Видов. Неимоверные сложности, связанные с недоверием режима к собственным гражданам всех профессий, заставляют кинематографистов действовать по тому же методу, что их коллеги из "Двенадцати стульев" Ильфа и Петрова, когда им пришлось запечатлеть для потомства пуск новой трамвайной ветки в Старгороде. Больше всех волновался автор проекта.

"— А трамвай снимать не будете? — спросил он застенчиво.

— Видите ли, — промычал кожаный режиссер, — условия освещения не позволяют. Придется доснять в Москве. Целую!"

КАК Я ПИСАЛ ГИМН СОВЕТСКИХ КОСМОНАВТОВ

Из литературных воспоминаний

На вопрос, как я чувствую себя в эмиграции, я обычно отвечаю: спасибо, чувствую себя неплохо, потому что я эмигрант с большим опытом.

Так сложилась моя жизнь, что я с самого рождения очень много передвигался по территории Советского Союза. Некоторые из этих передвижений можно обозначить словом "миграция" без буквы "э", но зато другие иначе как эмиграцией не назовешь.

Так, например, в 56 году я эмигрировал из Керчи в Москву. Хотя оба эти города расположены в пределах одного государства и имеют приблизительно общий язык, переезжающий в столицу провинциал, если у него в Москве нет, как говорится, "руки", терпит все бедствия и лишения, какие выпадают на долю человека, попавшего в чужую страну. А то и похуже.

Пособий таких, чтобы ты первое время как-то зацепился, обжился и осмотрелся, никто не дает. Говорят вроде на одном языке, но ничего не понятно. Работу не дают без прописки, прописку не дают без работы. В гостиницу не пускают, на вокзале ночевать не дают. В сквере на лавочке прикорнешь, а тут тебе "раковая шейка", то есть воронок милицейский. А в милиции зависит от того, на какого начальника попадешь. Если на плохого, то в двадцать четыре часа могут выслать. Если на хорошего, то, может быть, только морду набьют и отпустят.

Поэтому когда эмигранты рассказывают мне, какие ужасы они переживали в Нью-Йорке или Париже, я только вежливо усмехаюсь, но не спорю. Кому не приходилось быть эмигрантом в Москве, тот не поймет.

Тогда, почти тридцать лет назад, эта московская эмиграция оказалась для меня не только географической. Работая на стройке плотником и учась в институте, я одновременно писал, а потом начал печатать стихи и прозу и довольно скоро стал членом Союза советских писателей, то есть эмигрировал из одного социального слоя в другой, в советских условиях очень привилегированный.

Попав в этот слой, я вскоре стал испытывать к нему быстро растущее отвращение и через какое-то время вынужден был эмигрировать в мир диссидентов и отщепенцев, в мир, из которого люди неизбежно эмигрируют, иногда на Запад, но чаще на острова архипелага ГУЛаг.

Но сейчас я хочу вернуться в те первые свои московские годы и рассказать о том, как я стал автором известной песни о космонавтах, которую в нашей стране знал буквально каждый человек.

60-й год я встретил в своей новой комнате в большой коммунальной квартире. Квартира эта была коридорной системы, по обеим сторонам длинного коридора было 25 комнат, и жило в них соответственно 25 семей. На всех жильцов была одна кухня и одна уборная, ванной не было вообще, умывались на кухне. Зато был телефон, из-за которого между соседями велись бесконечные споры по поводу платы за него, кстати сказать, очень небольшой. Поскольку никакого закона по этому поводу не было, жильцы пытались установить свои собственные правила. Одни

предлагали платить посемейно. Но семьи были побольше и поменьше, и возникал спор, как же так, вас четверо, а я одна, почему же я должна платить столько, сколько платите вы четверо? Хорошо, говорили другие, тогда будем брать плату по количеству членов семьи. Как же так, возражали третьи, у нас грудной ребенок, и он по телефону не говорит. Тогда будем брать плату, начиная с детей школьного возраста. Однако в процессе спора выяснилось, что возраст у детей бывает один, а рост разный, и не все дети школьного возраста могут дотянуться до телефона (он у нас висел на стене). Было внесено предложение ввести плату за каждый звонок, после каждого звонка честно расписываться на стенке, когда кто звонил. Этот вариант тоже не прошел, потому что встал вопрос, как считать звонки, они бывают короткие и длинные. Споры эти велись бесконечно, иногда вяло, а иногда и страстно. Я рассказываю это потому, что, может быть, некоторые уже забыли, что между жизнью в отдельной и коммунальной квартире довольно-таки большая разница.

В те годы я писал очень много, писал упорно и фанатически. Писал, когда работал на стройке и когда ушел с нее, писал, когда поступил учиться в институт, в общем, писал все время, когда оно у меня было. Но часто писал лежа. Наша соседка пенсионерка Полина Степановна всегда все подмечала, а потом сообщала на кухне:

— Этот-то все лежит. Больной, что ли?

Правда, лежал я все-таки не всегда. Иногда я вставал и перепечатывал написанное на своей старенькой машинке, у которой не было вопросительного и восклицательного знака, что, как считал один из моих приятелей, влияло на мой стиль, делало его спокойным и уравновешенным, без лишних вопросов и неуместных восклицаний. Перепечатав написанное, я разносил свои сочинения по редакциям, из которых потом на красивых бланках приходили вежливые ответы, что тему я затронул интересную и значительную, но исполнение, к сожалению, не достигло уровня замысла.

Вот так однажды и шел я в очередную редакцию с одним своим приятелем и по дороге встретился нам приятель этого приятеля, работавший тогда заместителем главного редактора редакции сатиры и юмора всесоюзного радио. (Не представляю, как сказать это короче.) Редакция эта выпускала в эфир юмористические программы "Веселый спутник" и "С добрым утром".

— Слушайте, ребята, — сказал заместитель главного редактора, — мне нужен срочно младший редактор. Нет ли какого-такого хорошего молодого человека, но без больших претензий?

— А вот, — сказал мой приятель, показывая на меня, — вот хороший молодой человек без больших претензий.

— Ты бы пошел младшим редактором? — заместитель главного редактора смотрел на меня с недоверием.

Боясь не упустить возможность, но в то же время не уронить себя, я сказал лениво, что в общем мог бы поработать.

— Да, — сказал он, — но зарплата, к сожалению, только тысяча рублей. Потом, может быть, прибавим.

Тысяча рублей! Каждый месяц тысяча рублей! Этот человек даже не представлял, какой баснословной казалась мне тогда эта сумма.

На следующий день около десяти часов утра, как мы договорились, я был у нового, только что построенного здания радиокomiteта у метро "Новокузнецкая". У входа стоял милиционер, проверявший пропуска.

— Ты что опаздываешь, — накинулся на меня мой новый знакомый. — Я тебе сказал в десять, значит, в десять. Ладно, пошли.

Я не успел сказать, что опоздал-то всего на пять минут, как он распахнул обитую черной кожей дверь, на которой было написано: "Н.Т.Сизов".

Мы оказались сначала в большой приемной, а потом еще через две черные двери попали в кабинет, в каких я до того никогда в жизни не бывал.

Паркет, старинная мебель, хрустальная люстра, за широченным столом сидит какой-то важный начальник и пишет что-то, наверное, тоже очень важное.

— Здравствуйте, Николай Трофимович! — радостно приветствовал начальника мой редактор. — Вот, пришли.

Я орбел и невольно скосил глаза на свою одежду. Пиджак у меня был в общем более или менее еще ничего, но брюки, брюки... Внизу бахрама, колени пузырятся. Ботинки стоптаны. Подобно герою одного из рассказов О.Генри, я быстро пересек широченное пространство кабинета и стал перед начальником, загородив свою нижнюю часть столом, готовый перегнуться через крышку и пожать руку, если она мне будет протянута. Впрочем, я бы не удивился, если бы сидящий за столом просто кивнул мне головой, как это делали другие начальники, на много рангов ниже.

Но этот повед себя совсем неожиданно. Что-то там дописав, он поставил точку, положил ручку и цвета дружелюбной улыбкой, поднялся и стал медленно огибать стол, чтобы приблизиться ко мне. Демонстрируя свою демократичность, он при этом выглядел очень внушительно и даже показался мне немного похожим на Сталина, хотя был без усов и без трубки.

— Ну, здравствуйте, — сказал он, сердечно пожимая мне руку. — Мне о вас уже говорили. Значит, вы согласны у нас работать?

— Ну да, — сказал я, — мне это было бы интересно.

— Но вы знаете, что зарплата у нас небольшая?

— А, да. Я слышал, но меня зарплата не интересует, — сказал я, давая понять, что явился сюда исключительно ради высших идейных соображений.

— Ну почему же не интересует? — возразил он. — Мы материалисты, и нам незачем лицемерить.

Я смутился, чувствуя, что попал впросак. Мы, конечно, материалисты, но когда я, работая на стройке, выражал (очень редко) недовольство оплатой труда, меня попрекали отсутствием коммунистической сознательности и говорили, что мы, советские люди, родине служим не за деньги.

Вопросов анкетного характера он мне почти не задавал, только спросил, кто мои родители.

Я сказал: мать — учительница, отец — журналист, работает в городской газете в Керчи.

— Коммунист? — спросил Сизов.

Я растерялся. Мой отец когда-то был коммунистом, но только до 36 года, когда его перед арестом и посадкой в тюрьму исключили из партии "за политическую близорукость".

— Ну, это вовсе не обязательно вашему отцу быть членом партии, — заметив мои колебания, опять демократично улыбнулся Сизов. (В те годы начала хрущевских перемен среди больших начальников была даже такая мода — проявлять такую вот демократичность. А Сизов и был большим начальником. Следующий его пост после радио был — начальник милиции города Москвы, потом — директор киностудии "Мосфильм".)

— Владимир Николаевич имеет в виду, — пришел мне на помощь мой новый приятель, — что если его отец журналист, то, конечно же, коммунист.

На этом прием был окончен. Мое дальнейшее оформление на работу прошло почти гладко, если не считать, что начальник отдела кадров пытался выяснить у моих будущих сослуживцев происхождение моей фамилии, которая имела подозрительное окончание на "ич". Ему объяснили, что на "ич" оканчиваются не только еврейские фамилии, например, Пуришкевич тоже был на "ич".

— А кто этот Пуришкевич? — заинтересовался кадровик.

— Известный дореволюционный антисемит, — объяснили ему.

Кадровик успокоился, и на следующий день я приступил к своей новой работе.

Хотя евреев принимали на радио неохотно, тем не менее они там были. В нашей редакции сатиры и юмора из десяти примерно человек половину составляли евреи и, как принято было тогда выражаться, полукровки.

Один из полукровок, сейчас известный писатель и режиссер Марк Розовский при поступлении на работу тоже принимался высоким начальством. На вопрос о национальности родителей Розовский ответил, что его мама — гречанка.

— А папа? — спросило начальство.

— А папа инженер.

Само собой разумеется, мое поступление на работу было всесторонне обсуждено на нашей коммунальной кухне.

— Нет, — сказала Полина Степановна, — этот долго работать не будет. Зачем ему работать? Лежать-то лучше.

Ее скептицизм был основан не на пустом месте. Дело в том, что незадолго до этого я уже поступал на работу в газету одного завода, выпускавшего канализационные трубы. Газета так и называлась: "Московский канализатор". Через месяц по истечении испытательного срока я был уволен, потому что редактор взял на это место племянника директора завода. Но мои соседи не знали этих подробностей и решили, что я ушел с работы только потому, что хотел лежать на диване.

На радио я тоже был взят с испытательным сроком и тоже беспокоился, что больше месяца не продержусь.

Юмористические передачи нашей редакции составлялись из сочинений авторов, писавших, в основном, скетчи, фелетоны и юморески для эстрады и цирка. Материалов было очень много, но трудность для меня заключалась в том, что мои коллеги одни материалы выбрасывали в корзинку, а над другими хохотали, как сумасшедшие. Мне же все эти тексты казались одинаково ужасными, и я никак не мог понять, в чем состоит эта разница.

Готовя первую передачу "Веселого спутника", я пытался ориентироваться на господствующий в редакции вкус и выбрал из кучи материалов то, что, как я думал, должно понравиться другим редакторам и начальству.

— Какой кошмар! — сказал, прочтя этот текст, мой ближайший начальник. — У тебя, что, совсем нет чувства юмора?

Другая наша редакторша готовила в это время передачу, состоявшую из стихов африканских поэтов, и предложила мне написать к этой передаче вступление. Я взял стихи, прочел их и приуныл. Это была просто какая-то абракадабра, во всей подборке я не нашел ни одной живой строчки. Что хорошего мог я об этом написать? Тем не менее я отнесся к заданию очень ответственно. Я трудился два дня и в конце концов выдал из себя полстраницы текста, который по бездарности мог вполне соперничать с этими самыми стихами. "Черная Африка, спящая Африка пробуждается от вечного сна", — так, помню, начиналось это мое творение.

Испытательный срок подходил к концу, и я с тревогой ожидал момента, когда мне объявят, что в моих услугах редакция сатиры и юмора больше не нуждается. Судьба, однако, на этот раз оказалась ко мне более благосклонной, чем раньше.

Как-то к концу рабочего дня я заметил, что одна из наших редакторов обзывает подряд всех известных поэтов-песенников и просит их написать песню на "космическую тему". На вопрос, через какое время нужна эта песня, редактор ответила: "Через две недели".

Поэты-песенники были возмущены. Очевидно, что к этому жанру наша редакция отнесится несерьезно. А настоящая песня впопыхах не пишется, она должна быть задумана, выношена, выстрадана. После того как ее обругал последний из знаменитостей поэт Лев Ошанин, редакторша совсем расстроилась и продолжала листать справочную телефонную книгу Союза писателей уже без всякого смысла.

И тут я и решил сказать ей, что если у нее под рукой все равно никаких поэтов нет, то я могу попробовать написать эту песню.

– Ты? – она посмотрела на меня с недоверием.
 – Ну да, – сказал я. – А почему бы нет?
 – А ты разве писал когда-нибудь песни?
 – Нет, – сказал я честно, – не писал, но могу попробовать.
 – Да? – сказала она, не скрывая своего сомнения. – А сколько тебе нужно времени?

– Завтра принесу готовый текст, – пообещал я.
 – Завтра? – удивилась она.
 – Если тебе очень нужно, могу попробовать и сегодня.
 – Сегодня не надо, – сказала она, – уже конец рабочего дня. – А завтра...
 Неужели ты думаешь, что напишешь?
 – Но ты же все равно уже ничего не теряешь, – резонно заметил я.
 – Ну да, ты прав. Ну давай, попробуй.

Сейчас я понимаю, что взялся тогда написать эту песню не только потому, что надеялся удержаться на работе. Мне хотелось доказать самому себе, что я достаточно профессионален и могу работать в любом литературном жанре. Потому что хотя у меня уже было к тому времени несколько приятелей, которым нравилось, как я пишу и мне казались совсем неубедительными письма с отказами из разных редакций, но все же в минуты сомнений я думал, что, может быть, они и правы, что я преувеличиваю свои способности и взялся не за свое дело.

Утром следующего дня я принес редакторше обещанный текст и, пока она его читала, со страхом следил за ее реакцией.

Она прочла и тут же позвонила композитору Фельцману.

– Оскар Борисович, у меня есть для вас потрясающий текст. Пишите: "Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут. Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом, у нас еще в запасе четырнадцать минут". Записали? Диктую припев: "Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды..." Что? Вы считаете, от звезды до звезды получится неприлично? Что вы, Оскар Борисович, это только у вас такое испорченное воображение, а нашим слушателям такое и в голову не придет. Когда нужна песня? Видите ли, поэт написал ее за один вечер, ну а вам я могу дать пару дней.

К концу дня Фельцман позвонил: музыка готова, кто будет петь?

Я сказал:

– Дайте Бернесу.

Бернеса не нашли, нашли Владимира Трошина.

Песню записали на пленку, пустили в эфир, и она сразу же стала знаменитой. Мое положение резко переменялось.

Я потом говорил, что денежная реформа 1961 года, когда стоимость рубля возросла в десять раз, моих интересов никак не затронула. Я как зарабатывал пятьсот-шестьсот рублей в месяц до реформы, так продолжал их зарабатывать и после нее.

Стремительный рост моего материального благополучия на нашей кухне незамеченным не остался.

– Интересно, – говорила Полина Степановна, обращаясь к своей постоянной аудитории, – как люди исхитряются на одну зарплату столько всего покупать? Ну пусть он даже сто пятьдесят получает. Так все равно ж столько не купишь. А он себе пальто купил, жене пальто купил. Вчера телевизор пронес как сундук.

На радио я к своим редакторским обязанностям относился чем дальше, тем безответственной и по существу скоро вообще от них отказался. Я писал и в этом качестве оказался очень удобным кадром. Любой редактор нашего отдела, составляя ту или иную программу, мог всегда заказать мне песню на нужную ему тему и мог не сомневаться, что она будет готова в нужный ему срок. Если надо завтра. Если надо, даже сегодня. В день, когда был запущен в космос Юрий Гагарин, мне позвонили через несколько минут после старта. Когда Гагарин спустя девяносто

минут вернулся на землю, Оскар Фельцман уже писал музыку к моим словам, посвященным этому событию.

Я проработал на радио около полугода и за это время написал десятка четыре песен. Были среди них однодневки, были и широко известные. Но сам я, едва начав работать в этом жанре, сразу же потерял к нему интерес. Я доказал себе, что могу работать в этом жанре, и теперь меня волновало другое. Я уже написал свою первую повесть, и мои главные надежды были связаны с ней.

Однако история моей "космической" песни на этом не кончилась. Несмотря на то, что она действительно очень быстро стала популярной и скоро ее стали даже называть "Гимном космонавтов", многие люди продолжали ее редактировать и переделывать. С самого начала один редактор заменил в песне эпитет: вместо "планета голубая" написал "планета дорогая". На вопрос, почему он это сделал, он сухо ответил, что так лучше. Потом мне позвонили из музыкальной редакции.

— Владимир Николаевич, мы хотим вашу песню про космонавтов записать на пластинку.

— Очень хорошо, — сказал я. — Давно пора.

— Но у нас к тексту есть одна претензия. Там у вас написано: "На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы". Почему эти тропинки пыльные?

— Видите ли, — взялся я объяснить. — На этих планетах дворников нет, а пыль оседает. Космическая пыль.

— Ну да. Может быть, оно и так, но вы как-то этим снижаете романтический образ. Давайте лучше напишем "на новых тропинках".

— Нет, — возразил я. — Это никак не годится. На новых можно написать, только если имеется в виду, что там еще были и старые.

— Ну хорошо, тогда напишите "на первых тропинках".

— Не напишу я "на первых тропинках".

— Почему?

— Потому что на пыльных тропинках это хорошо, а на первых это никак.

Советские редакторы удивляли меня всегда не своей политической бдительностью, а способностью находить в тексте и убирать из него как раз те слова, стрски и абзацы, которые делают его выразительным.

Я отказался менять эпитет, музыкальная редакция отказалась издавать пластинку. Но потом, летом 1962 года, песню дуэтом спели в космосе космонавты Николаев и Попович. А Никита Сергеевич Хрущев устроил им грандиозную встречу и, размахивая руками, прочитал с выражением с трибуны Мавзолея:

...На пыльных тропинках далеких планет
Останут...

Тут он запнулся, подумал и исправил ударение:

...Останутся наши следы...

Быть процитированным вождем — это больше, чем получить самую высокую премию. Вокруг песни и ее авторов начался ажиотаж. "Правда" напечатала песню в двух номерах подряд. Сначала красным шрифтом в вечернем экстренном выпуске и затем будничным черным шрифтом в утреннем номере.

После этого мне позвонила та же дама из музыкальной редакции.

— Владимир Николаевич, мы немедленно выпускаем вашу пластинку.

Пыльные тропинки ее уже никак не смущали.

Но и этим дело не кончилось. После встречи на Красной площади и в Кремле космонавтам было устроено чествование и на телевидении. Героев приветствовала толпа, состоявшая из так называемых передовиков производства, артистов, воен-

ных, поэтов и композиторов. Космонавты совсем ошалели от свалившихся на них почестей, но вели себя по-разному. Николаев как-то даже стеснялся, а Попович, не перенеся такой славы, выпячивал грудь, принимал импозантные позы и строил глазки актрисе Алле Ларионовой. А когда Владимир Трошин спел теперь уже специально для них, он решил показать, что и в этом деле тоже кое-что понимает.

— Вот у вас там поется "закурим перед стартом", — сказал он, — а мы, космонавты, не курим.

— Это мы исправим! — закричал Фельцман.

И исправили. После этого случая песню пели так: "Давайте-ка, ребята, споем-те перед стартом..."

Трудно сказать, до чего бы они доисправляли песню, вполне возможно, что в ней вообще не осталось бы ни одного моего слова, но в конце концов меня исключили из Союза писателей, а песню поэтому просто отменили. Музыку, правда, все-таки отменять не стали, а слова отменили. Так эту музыку и исполняют до сих пор без слов, как песни Мендельсона. Впрочем, и это не совсем ново. Как вы помните, такая же история случилась уже однажды и с нашим главным гимном, "Гимном Советского Союза", когда после смерти Сталина слова его были отменены и долгое время гимн исполнялся без слов. Были назначены конкурсы, объявлены премии за новый текст гимна. Однако никакой текст не подошел, и спустя некоторое время вернулись к старому, убрав из него только слова, относящиеся лично к товарищу Сталину: "Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил..."

А бывало еще, что имена неугодных авторов песен просто вычеркивали, как будто бы их никогда и не было. А поскольку народ, тоже отчасти страдающий политической близорукостью, продолжал петь эти песни, вместо имени автора писали: слова народные. Так было, например, с песней Парфенова "По долинам и по взгорьям", с "Песней о встречном" ("Нас утро встречает прохладой...") Бориса Корнилова, широко исполняющимися в Советском Союзе до сих пор.

Очень может быть, что и с моей песней произойдет то же самое. Тем более, что теперь так много говорят о перестройке. И если действительно с песней поработает еще некоторое количество народа и кое-что еще в ней перестроит, то вполне справедливо можно будет и о ней писать в сборниках песен: *Музыка Оскара Фельцмана, слова народные.* ●

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый г-н редактор! В № 2 (38) Вашего журнала напечатано открытое письмо московского писателя Валентина Ерашова редколлегии журнала "Наш современник" и писателю В.И. Белову. Письмо заканчивается цитатой из Юрия Бондарева, которую автор дает разрядкой и подчеркивает в качестве резюме: "Всякий национализм — это последнее прибежище подлнца".

Редакция "Страны и мира" оставила эти слова без комментариев. Между тем они не принадлежат целиком гению Юрия Васильевича Бондарева, а являются трансформацией известного высказывания Льва Толстого ("Круг чтения"): *Последнее прибежище негодяя — патриотизм.* Как известно, Толстой считал, что патриотизм оправдан лишь в случае, когда что-либо угрожает твоему народу и когда необходимо его спасать.

Разумеется, той смелости, с какой сформулировал свою мысль Толстой, секретарь Союза писателей РСФСР себе не мог позволить, он предпочел заменить слово положительное — "патриотизм" — словом с заведомо отрицательным оттенком.

В связи с этим вспоминается грозное обещание Виктора Астафьева "дойти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские и, жутко подумать, — собрание сочинений отечественных классиков будем составлять сами... Сами прокомментируем..."

Любопытно, какого же Толстого станут они комментировать: подлинного? Или "прибранного к рукам" секретариатом Союза писателей?

Наталья Кузнецова (Нидернхаузен, ФРГ)

Современное государство является наиболее очевидным и общезвестным продуктом цивилизации. И крайне интересно и поучительно проследить отношение "человека-массы" к государству. Он видит государство, изумляется ему, знает, что это оно охраняет его собственную жизнь; но он не отдает себе отчета в том, что это человеческое творение, что оно создано известными людьми и держится на известных ценных свойствах и качествах, которыми люди вчера еще обладали, — завтра могут их потерять. С другой стороны, человек-масса видит в государстве анонимную силу, и так как он чувствует себя тоже анонимом, то он считает государство как бы "своим". Представим себе, что в общественной жизни страны возникают затруднения, конфликт, проблема; человек-масса потребует, чтобы государство немедленно вмешалось и разрешило проблему, непосредственно пустив в ход свои огромные и непреодолимые средства.

В этом — величайшая опасность, угрожающая сейчас цивилизации: подчинение всей жизни государству, вмешательство его во все области, поглощение всей общественной спонтанной инициативы государственной властью; это означает уничтожение исторической самостоятельности общества, которая в конечном счете поддерживает, питает и движет судьбы человечества. Массы знают, что когда им что-либо не понравится или чего-нибудь сильно захочется, они смогут достигнуть всего без усилий и сомнений, без борьбы и риска; им достаточно нажать кнопку, и чудодейственная машина государства тотчас сделает что нужно. Эта легкая возможность всегда представляет для масс сильное искушение. Масса говорит себе: "Государство — это я"; но это полнейшее заблуждение. Государство тождественно с массой только в том смысле, в каком два человека равны между собой... Сегодняшнее государство и масса совпадают только в том, что оба они анонимны. Но так как человек массы действительно верит, что он государство, то он все больше стремится под всякими предлогами пустить государственную машину в ход, чтобы подавлять творческое меньшинство, которое ему мешает всюду, во всех областях жизни, в политике, в науке, в индустрии.

Это стремление будет иметь роковые последствия. Творческие импульсы общества будут все более подавляться вмешательством государства; новые семена не смогут приносить плодов. Общество будет принуждено жить для государства, человек — для правительственной машины. И так как само государство в конце концов только машина, существование и поддержание которой зависит от живой силы машиниста, то высосав все соки из общества, обескровленное, государство само умрет ржавой смертью старой машины, более отвратительной, чем смерть живого организма.

ЛЕГКО ЛИ
БЫТЬ МОЛОДЫМ?

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ